

Ба 593

ВИТЕБСКЪ

И

УЪЗДНЫЕ ГОРОДА ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ.

ОБОЗРЕНІЕ ОБЩЕГО

А. М. СЕМЕНТОВСКАГО, ЧЛЕНА ПЕРВОГО П.

Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Члена-Сотрудника и Витебскаго Статистическаго Комитета Секретаря.

СЪ ТРИНАДЦАТЮ ПОЛИТИПАЖАМИ ВЪ ТЕКСТЪ И ПОРТРЕТОМЪ АРХІЕПИСКОПА
ПОЛОТСКАГО И ВИТЕБСКАГО ВАСИЛІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ВУЛЬФА.

1864.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ.

Г. Витебскъ. 7 Марта 1864 года.

Василий Архиепископъ По-
моукскій и Дмитровскій

ВИТЕБСКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ГЛАВА I.

Древность Витебска и отсутствие въ немъ видимыхъ памятниковъ старины. — Время основанія города. — Древній названія его. — Появленіе въ Витебскѣ православія. — Распространеніе православія чрезъ браки русскихъ и литовскихъ велико-княжескихъ домовъ. — Появленіе протестантизма. — Иезуиты и католицизмъ. — Унія и унійскій архіепископъ Юсафатъ Кунцевичъ. — Гоненія отъ него на православныхъ. — Ропотъ и ненависть къ нему православныхъ. — Письмо къ архіепископу канцлера Сапѣги. — Впечатлѣнія и послѣдствія письма. — Убіеніе Кунцевича въ Витебскѣ. — Судъ надъ убійцами и наказаніе ихъ. — Еще большее стѣсненіе православія въ Витебскѣ. — Кунцевичъ причисляется къ лику блаженныхъ (beatorum). — Поклоненіе ему уніатовъ и католиковъ. — Письма папы Урбана VII къ королю Сигизмунду III. — Возстановленіе полоцкой православной епархіи. — Зборовскій договоръ гетмана Хмѣльницкаго. — Россійскіе и иностранные государи принимаютъ участіе въ судьбѣ православія въ Бѣлоруссіи. — Возсоединеніе уніатовъ къ православію. — Торжество по этому случаю въ Витебскѣ. — Медаль на память этого событія и скорбь папы. — Успѣія католиковъ, дабы воспрепятствовать присоединенію уніатовъ къ православной Церкви. — Исторія явившагося въ Витебскѣ камня съ тѣмъ Юсафата. — Нынѣшнее состояніе православія въ Витебскѣ.

Въ небольшой семьѣ древнихъ городовъ русскихъ Витебскъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Исторія его тѣсно связана съ судьбами Россіи, Польши, Литвы и Украины. Много вытерпѣлъ онъ отъ враговъ внутреннихъ и вѣншихъ; перѣдко сталкивались въ Витебскѣ враждебныя народности и религіозныя убѣжденія. Кровь различныхъ народовъ Европы и Азіи виднѣется на многихъ страницахъ его исторіи; а, между тѣмъ, ни въ самомъ городѣ, ни въ окрестностяхъ его, мы не находимъ сколько-либо замѣчательныхъ памятниковъ старины;

даже наружность города нисколько не напоминает его девяти вѣкового возраста.

Такъ всеокрушающая рука времени изглаживаетъ памятники минувшихъ событій! Такъ подвиги человѣка безслѣдно гибнуть въ потокъ вѣчности! Глядя на очаровательную панораму Витебска, не представляющаго въ своей картинѣ ни развалинъ древнихъ замковъ, ни слѣдовъ укрѣпленій, ни памятниковъ стариннаго зодчества и архитектуры, и, пробѣгая мысленно многозначительныя страницы исторіи его, невольно приходятъ на память предсмертныя слова великаго поэта-мыслителя:

Рѣка время въ своемъ теченіи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топить въ пропасти забвенья
Дѣянья царства и царей...
А если что и останется
Черезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы!

Прошли вѣка, исчезли нѣкогда знаменитые дѣятели Витебска, разрушились воздвигнутые ими, одинъ за другимъ, памятники могущества, ума и крѣпости мышцъ, и земля, какъ добрая мать, принявъ въ нѣдра свои все, отъ нея же рукою человѣка взятое, съ гробовымъ безмолвіемъ хранить его для отдаленнаго потомства, которое, быть можетъ, чрезъ нѣсколько вѣковъ потребуетъ у нея отчета въ минувшемъ. Тогда заступъ археолога раскроетъ нѣдра земли, оживитъ обломки холоднаго камня, дастъ языкъ металлу и заставитъ ихъ рассказать о быломъ. Для насъ пока нѣтъ особой надобности вопрошать камни и металлъ, нѣтъ надобности тревожить покой напоенной кровію друзей и враговъ нашихъ земли: мы можемъ найти, въ большей части случаевъ, правдивый и ясный отвѣтъ на свои вопросы въ архивной пыли пощаженныхъ рукою времени, письменныхъ памятниковъ минувшаго. Постараемся воспользоваться этимъ правомъ съ полнымъ безпристрастіемъ; быть можетъ, и краткая замѣтка наша, рано или поздно, послужитъ путеводною нитью для позднѣйшаго изслѣдователя старины.

Кѣмъ и когда именно основанъ Витебскъ, съ достовѣрностію опредѣлить невозможно. Первый разъ городъ этотъ въ лѣтописи исторіи упоминается подъ 1021 годомъ; но, по всей вѣроятности, онъ существовалъ гораздо раньше. Есть преданіе, не выдерживающее, впрочемъ, исторической критики, что будто бы великая княгиня Ольга, супруга Игоря, сына Рюрика, очарованная мѣстностію Витебска, построила въ немъ первую каменную церковь, которую и нынѣ указываютъ, и такимъ образомъ сдѣлалась основательницею города. Событіе это должно бы совпадать времени между 945 и 957 годами. Шрекъ

повѣствуетъ даже, что въ 882 году опекунъ Игоря, Олегъ изгналъ хановъ казарскихъ изъ Витебска и Чернигова. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, Витебскъ заложенъ въ первой половинѣ X вѣка, но все же едва ли не вѣрнѣе будетъ приписать постройку въ немъ перваго христіанскаго храма не великой княгинѣ Ольгѣ, а первой супругѣ великаго князя литовскаго Гедимина, носившей то же имя, что можетъ совпадать съ 1320 годомъ.

Витебскъ въ древнихъ русскихъ документахъ и лѣтописяхъ пишется *Вибдескъ*, *Видбескъ*, а въ польскихъ и литовскихъ *Дбескъ*, *Витьбескъ* и, наконецъ, *Витенскъ*. Названіе это, вѣроятно, дано городу отъ рѣчки Витьбы или Видьбы, на берегу коей первоначально онъ и былъ заложенъ. Какъ сложилось слово Витьба, служившее корнемъ названія города и что именно оно означаетъ, объяснить безъ натяжекъ трудно, хотя нельзя предположить, чтобы слово это вовсе лишено было значенія.

Первые жители Витебска, кривичи были язычники. На вопросъ кто и когда именно, въ первый разъ, принесъ въ этотъ городъ христіанское ученіе, исторія положительнаго отвѣта не даетъ; въ преданіяхъ народа также не сохранилось объ этомъ никакихъ указаній. Однакожь, съ полною достовѣрностію, можно предположить, что витебляне просвѣтились ученіемъ евангельскимъ гораздо раньше другихъ жителей нынѣшней Витебской губерніи, не говоря уже о живущихъ въ сѣверной части ея латышахъ, познавшихъ истиннаго Бога едва въ концѣ XV или началѣ XVI вѣка, т. е. въ то время, когда Витебскъ игралъ уже довольно значительную роль въ исторіи этого края. Столь раннему принятію и укрѣпленію христіанства, витебляне, конечно, болѣе всего одолжены положенію города на одномъ изъ главнѣйшихъ естественныхъ путей торговли—рѣкѣ Западной Двины, а также недалекому сосѣдству Подиѣровскаго края, изъ котораго христіанство распространилось по всей Руси. Могло случиться также, что евангельское ученіе проникло въ Витебскъ и путемъ войны, во времена частыхъ походовъ варяговъ къ Босфору и обратно, чрезъ этотъ городъ. Примѣры подобнаго перенесенія религіозныхъ вѣрованій нерѣдки. Конечно, въ Витебскѣ, въ первые вѣка его существованія, какъ и въ другихъ древнѣйшихъ городахъ Россіи, православная вѣра не была исключительною. Язычество, при всей его несостоятельности, не могло, при первомъ лучѣ христіанства, вдругъ и безслѣдно исчезнуть. Это доказывается тѣмъ, что даже въ настоящее время, послѣ многовѣковаго господства ученія Христова, мы находимъ, въ народныхъ вѣрованіяхъ, обычаяхъ, пѣсняхъ и сказкахъ, множество остатковъ язычества. Правда, что эти вѣрованія и обряды исполняются народомъ совершенно безсознательно, что они потеряли прежнее свое значеніе и существуютъ лишь въ классѣ необразованныхъ людей; но

это нисколько не умаляет ихъ древности и не отвергаетъ происхожденія.

Ученіе восточной Церкви, занесенное въ Витебскъ въ первые годы по его основаніи, продолжало существовать и укрѣпляться почти въ теченіе пяти столѣтій. Были, правда, случаи, когда православное населеніе этого города подвергалось гоненіямъ и притѣсеніямъ отъ мало просвѣщенной христіанствомъ Литвы, въ особенности во время частыхъ походовъ великаго князя литовскаго Ольгерда на Русь, между 1340—1381 годами, которые всегда совершались чрезъ города Витебскъ и Полоцкъ, по нарочно проведенной для того изъ Литвы и до нынѣ мѣстами замѣтной *Ольгердовой дорогѣ*; но эти случайности не могли оказывать слишкомъ вреднаго вліянія на православіе, которое было уже на столько уважаемо, что путемъ замужства княженъ русскихъ и въ особенности витебскихъ съ великими князьями литовскими распространялось за предѣлы Бѣлоруссіи. Примеровъ подобнаго родства между языческими литовскими и православными русскими княжескими домами исторія представляетъ мною; но мы ограничимся указаніемъ лишь на одинъ, какъ наиболѣе связанный съ судьбами Витебска. Такъ Ольгердъ, женивъ первый разъ на княжнѣ Маріи Ярославнѣ Витебской, еще при жизни отца своего, принявъ христіанство, по выраженію летописца, *жены ради* и построилъ въ Витебскѣ двѣ православныя церкви: Благовѣщенія и Свято-Духовскую. Впоследствии, желая привлечь къ себѣ народъ, онъ оставилъ православіе и даже сдѣлался гонителемъ его, но, женивъ вторично, на княжнѣ Іуліаннѣ Александровнѣ Тверской, просьбами и увѣщаніями ея, не только прекратилъ гоненіе на христіанъ, но покровительствовалъ имъ и, будучи на смертномъ одрѣ, вновь обратился къ истинному Богу и даже принявъ схиму, почему и былъ погребенъ въ имъ же сооруженной церкви пресвятой Богородицы, въ Виднѣ, подъ пменемъ Алексѣя. Княжия же Іуліанія, лишась мужа, жила постоянно, до самой кончины своей, въ Витебскѣ, гдѣ также приняла схиму и наречена Марією. Сыновья Ольгерда, какъ рожденные отъ княжны русской христіанки, съ самаго ранняго возраста были воспитаны въ духъ православія. Это, между прочимъ, подтверждается отвѣтомъ пословъ Ягайлы, присланнымъ для него руки Ядвига.

Распространенію и укрѣпленію въ Бѣлоруссіи и Литвѣ православія, кромѣ браковъ русскихъ княженъ съ литовскими князьями, способствовало и замужство дочерей ихъ съ князьями русскими. Правда, что литовскія княжны, удалясь, по выходѣ въ замужество, изъ своего отечества, не могли болѣе развивать въ немъ русскаго элемента; но отцы, выдавъ дочерей на Русь, родившись съ нею, смотрѣли на нее, какъ на страну, близкую своему сердцу. Такимъ образомъ, постепенно и нечувствительно Литва входила въ родство и единство съ Русью.

Этимъ-то и объясняется, почему немногіе только литовскіе князья принимали католическое вѣроисповѣданіе, да и принявшіе его, какъ, напримѣръ, Свидригайло (называвшійся въ католицизмѣ Болеславомъ); были болѣе привержены къ греко-россійской вѣрѣ, чѣмъ къ католической, какъ и Скиргайло, въ православіи Іоанпъ, а въ католицизмѣ Казиміръ. Послѣдній, въ благодарность Богу за избавленіе своей супруги Елизаветы отъ уточенія (въ Шльингъ день), повелѣлъ: построить на берегахъ рѣкъ Двѣры, Двины и Сожи шесть православныхъ церквей, а именно: въ Витебскѣ, Бѣшенковичахъ (Витебской жегуберніи), Могилевѣ, Оршѣ, Кричевѣ и Черниговѣ.

Но самый замѣчательный примѣръ привязанности къ религіи находимъ въ лицѣ внука гедиминова, подольскаго князя Константина Коріатовича, отказавшагося даже отъ предложеннаго ему польскимъ королемъ Казиміромъ Великимъ престолонаслѣдія, чтобы только сохранить православную вѣру. Послѣ всего этого понятно, почему въ Бѣлоруссіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ Витебскѣ, православіе распространялось съ успѣхомъ.

Послѣ православія первымъ христіанскимъ исповѣданіемъ въ Витебскѣ является протестантизмъ, проникнувшій въ этотъ городъ, по всей вѣроятности, въ первой половинѣ XVI вѣка.

Постоянныя торговыя сношенія Витебска и Полоцка съ Ригой, Кенигсбергомъ и другими прусскими городами представляли множественно случаевъ къ сближенію витеблянъ съ послѣдователями реформациі, а потому очень естественно, что это вѣроученіе процикло въ Витебскѣ въ первые же годы по распространеніи его въ восточной Пруссіи и Ливоніи, что, какъ извѣстно, послѣдовало между 1525 и 1539 годами.

Но не однимъ этимъ путемъ проникала въ Витебскъ реформація: она заходила сюда даже чрезъ Москву. Андрей Венгерскій, въ своей «Исторіи славянской Церкви», говоритъ: около 1552 года пришли изъ Россіи въ Бѣлоруссію три греко-россійскіе монаха: Θεодосій, Артеміи и Ѳома, не знавшіе никакихъ языковъ, кромѣ природнаго своего, и никакихъ наукъ. Они остановились въ Витебскѣ, начали сперва изъ домовъ, а потомъ изъ церквей выкидывать иконы и учили поклоняться только одному Іисусу Христу; но возмущенный народъ и православные священники выгнали ихъ изъ города. Они удалились въ глубину Литвы и тамъ продолжали проповѣдывать. Θεодосій, имѣя болѣе 80 лѣтъ, скоро умеръ: Артеміи присталъ къ слупскому и копнесскому князю Георгію, а Ѳома, велерѣчивый и болѣе свѣдущій въ св. писаніи, нежели его товарищи, сдѣлался лютерскимъ пасторомъ и, чрезъ нѣсколько лѣтъ былъ проповѣдникомъ въ Полоцкѣ, гдѣ уже распространялась реформація. Но въ февраль 1563 года московскій царь Иванъ Васильевичъ Грозный, взявши Полоцкъ, поймалъ этого пастора (бывшаго некогда его подданнымъ), вывелъ на рѣку Дви-

ну и державною рукою пустилъ въ прорубь подъ ледъ. Невзирая на столь печальный конецъ первыхъ проповѣдниковъ реформаціи, брошенное ими въ Витебскѣ сѣмя этого вѣроученія не погнбло, а принесло зрѣлый плодъ. Мѣщане и шляхта, принявшіе проповѣдь Θεодосія, Артемія и Θомы, услышавъ объ успѣхахъ послѣдняго изъ нихъ въ Литвѣ, пригласили къ себѣ изъ Польши и Литвы кальвинскихъ проповѣдниковъ и построили въ Нижнемъ Замкѣ деревянный зборъ, или кирку, домъ для пастора, училище и богадѣльню; но всѣ эти зданія, во время войны Яна-Казимира съ Москвою, разобраны и сожжены, пасторъ же Ранилевскій со всѣмъ семействомъ уведенъ въ Москву, и затѣмъ мѣста, на коихъ были протестантскія зданія, заняли мѣщане. Въ 1667 году былъ присланъ въ Витебскѣ консеніоръ бѣлорусской дистракціи Христофоръ Жорновитъ, для отысканія и принятія имѣній, збору принадлежавшихъ. Завязалось тяжebное дѣло, которое было предоставлено рѣшить королевскому комиссару, князю Огнскому, вельвшему всѣ принадлежащія кальвинамъ мѣста возвратить по принадлежности; но былъ ли на нихъ построенъ зборъ, съ достовѣрностію неизвѣстно. Кажется, впрочемъ, безошибочно предположить можно, что, съ появленіемъ въ Витебскѣ іезуитовъ, распространенію реформаціи путь прегражденъ, тѣмъ болѣе, что Польша приняла уже мѣры къ окатоличенію и ополяченію Бѣлорусскаго края.

Не менѣе трудно опредѣлить съ точностію годъ появленія въ Витебскѣ католицизма; однакожъ, положительно извѣстно, что это вѣроученіе началось здѣсь нѣсколько прежде, чѣмъ въ Полотскѣ, но никакъ не раньше начала второй половины XVI вѣка.

По словамъ іезуита Ростовскаго, во время проѣзда изъ Москвы въ Ригу, чрезъ городъ Витебскѣ, папскаго легата Антонія Поссевина, въ Витебскѣ былъ только одинъ, старій, болѣзненный католическій ксендзъ, совершавшій служеніе, за немѣніемъ костела, въ частномъ домѣ. Приходъ его составляло небольшое число польскихъ выходцовъ, жившее въ Витебскѣ по дѣламъ службы и торговли. Ксендзъ этотъ умеръ во время пребыванія въ Витебскѣ Поссевина, а потому католики упросили послѣдняго оставить имъ хотя одного изъ находившихся при немъ іезуитовъ. Поссевинъ, усердно хлопотавшій о религіозномъ подчиненіи Россіи Риму, вмѣсто одного, оставилъ въ Витебскѣ двухъ: Дреночія и Михаила. Незвѣстно, какіе были успѣхи этихъ проповѣдниковъ католицизма въ Витебскѣ; достоверно, однакожъ, что, до учрежденія въ этомъ городѣ іезуитскаго коллегіума въ 1640 году, здѣсь не было ни одного латинскаго костела, что вполнѣ доказывается сохранившимся доселѣ инвентаремъ города.

Съ учрежденіемъ коллегіума, католицизмъ началъ водворяться въ Витебскѣ съ большимъ успѣхомъ. Прибывшіе сюда изъ Полотска іезуиты начали съ того, что захватили въ свои руки православный мона-

стырь, со всіми принадлежащими къ нему угодіями, и церковь во имя св. Алексѣя человека Божія. Впоследствии, смоленскій воевода Александръ Корвинъ-Гонсевскій, извѣстный особю ревностію къ католицизму, надѣлилъ ихъ землями и разными угодьями, построилъ собственнымъ иждивеніемъ каменное зданіе для помѣщенія коллегіума и воздвигъ, въ лучшей части города, великолѣпный костель, обращенный, въ эпоху воссоединенія униатовъ, въ православную кафедру.

По присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи и по уничтоженіи папою Климентомъ XIV ордена іезуитовъ, императрица Екатерина II, невзирая на существовавшее въ Европѣ противъ монаховъ этихъ негодование, принявъ, въ лицѣ ректора Станислава Чернаевича присягу, въ вѣрноподданствѣ отъ всѣхъ іезуитовъ, изволила оказать имъ свое высокое покровительство, въ полной надеждѣ, что они, отказавшись отъ прежнихъ дѣйствій, послужившихъ къ уничтоженію ихъ ордена, и, живя въ Бѣлоруссіи, посвящать себя исключительно воспитанію юношества въ духѣ русской народности, влѣдствіе чего дозволила имъ владѣть недвижимымъ имуществомъ, учредить въ Полтвѣ высшее училище, переименованное въ 1812 году въ академію, и предоставила другія льготы. Но дѣло вышло не такъ, какъ желала и надѣялась императрица. Іезуиты, невзирая на высочайшіе указы 2-го декабря 1772 г., 12-го мая 1774 г., 30-го декабря 1778 г., 9-го января 1780 и 17-го января 1782 года, коими повелѣвалось имъ быть въ подчиненности архіепископа могилевскаго, всячески отъ того уклонялись, желая быть вполне независимыми и направляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствія свои не обязательнымъ для каждаго вѣрноподданнаго путемъ, а тѣмъ, по которому вели ихъ до перваго уничтоженія ордена. Это заставило правительство ограничить кругъ дѣйствія іезуитовъ, воспретивъ имъ вѣздъ въ столицу; но и эта мѣра не перемѣнила образа ихъ дѣйствій. Іезуиты продолжали съ прежнею дерзостію привлекать къ католицизму православное юношество: когда же было воспрещено имъ принимать въ свои училища русскую молодежь, то они начали совращать съ православія нижнихъ чиновъ, почему, указомъ 13-го марта 1820 года, навсегда изгнаны изъ Россіи, съ воспрещеніемъ когда-либо въ нее возвращаться. Полотская академія и другія училища, въ томъ числѣ и витебское, закрыты. Впоследствии времени, именно въ 1822 году, витебское іезуитское училище отдано базилианамъ, а отъ нихъ уже, въ эпоху воссоединенія униатовъ, перешло въ православное вѣдомство.

Завсѣмъ тѣмъ, однакожь, распространеніе католицизма въ Витебскѣ не столько одолжено вліянію іезуитовъ, сколько страшнымъ гоненіямъ, воздвигнутымъ на православныхъ, съ цѣлію склонить ихъ къ униі и тѣмъ убить преобладавшую въ томъ краѣ русскую народность.

Витебская губернія, хотя подверглась насильственному распространению униі послѣ другихъ русскихъ областей, подъ властію Польши состоявшихъ, тѣмъ не менѣе, съ возведеніемъ въ архіепископскій санъ Иосафата Кунцевича, настало для витеблянъ самое ужасное время релігіознаго гоненія, вызвавшаго со стороны несчастнаго народа кровавое мщеніе, имѣвшее, однакожь, еще болѣе тяжкія для него послѣдствія.

Эта страница исторіи Витебска такъ важна и такъ тѣсно связана съ послѣдующими событіями, что мы не можемъ не удержать на ней вниманія нашихъ читателей и не рассказать имъ, хотя кратко, исторіи этого бича православія.

Иосафатъ Кунцевичъ родился въ 1580 году, во Владиміръ-Волынскомъ, отъ православныхъ родителей Гавріила, и Марины; при крещеніи названъ Иваномъ. Отецъ его былъ сапожникъ, и потому присвоенное въ послѣднія времена Кунцевичемъ шляхетское достоинство никогда ему не принадлежало. Обстоятельство это, еще при жизни Кунцевича, было гласно указано депутатомъ и чашникомъ земли Волынской Лаврентіемъ Древинскимъ, въ замѣчательной рѣчи его королю Сигизмунду III, произнесенной въ 1667 году на варшавскомъ сеймѣ, въ присутствіи сенаторовъ и пословъ польскаго и литовскаго народа.

Въ рѣчи этой, Древинскій, исчисливъ претерпѣваемыя православными отъ униатовъ и католиковъ притѣсненія и обиды, обратясь къ лицу короля, сказала: «Внутреннее таковой обиды непрестанное истекаетъ отъ того, что ваше королевское величество, противу справедливости, противу правъ и вольностей нашихъ шляхетскихъ, на высокіе саны властей духовныхъ, яко не свѣдуещъ породы ихъ, производитъ изволите. *Кто о семъ не вѣдаетъ, что нынѣ именуемый архіепископъ полоцкій, родившійся во Владиміръ, есть сынъ купца нѣкоего сапожника, а оттуда, образовавъ себя фамилію шляхетскую, Кунцевичемъ титулуетъ себя?* Кто сего глазами не видитъ, что перемышльскій владыка, прозываемый Шишка, родился отъ папуха, и нынѣ родной братъ его, въ селеніи Влокѣ, въ холопахъ у кіевскаго воеводы имѣется? Кто о семъ не знаетъ, что владимірскій владыка сынъ есть мѣщанки львовской Стецковой? Кто (свидѣтельствуюсь Богомъ живымъ) неизвѣстенъ, что хельмскій владыка есть нѣкій, прозываемый Покость, виленскаго купца сынъ, котораго у одного бургомистра виленскаго унесъ сукно, и если бы его не снасъ монашескій клубукъ, давно бы онъ пошелъ на висельничьянъ крюкъ?» (1)

Отецъ Кунцевича, обучивъ сына польской грамотѣ, опредѣлилъ прикащикомъ къ одному виленскому купцу. Молодой Кунцевичъ,

(1) См. «Историческое извѣстіе объ униі». Соч. Бантышъ-Каменскаго.

живя вблизи св. Троицкаго монастыря, часто посѣщалъ богослуженіе его, пѣлъ и читалъ на клиросѣ и, такимъ образомъ, познакомился съ монахами. Съ обращеніемъ этаго монастыря въ унию, онъ, подобно многимъ изъ монастырской братіи, сдѣлался послѣдователемъ новаго ученія. Трудно рѣшить, что именно заставило Кунцевича принять унию: убѣжденіе, или же расчетъ — избавиться отъ преслѣдованія и приобрести какія-либо права. Судя по тому, что, принимая унию, онъ былъ еще очень молодъ и не развитъ на столько, чтобы понимать существенную разность исповѣданій, скорѣе можно объяснять его измѣну религіи отцовъ расчетомъ, чѣмъ убѣжденіемъ.

Живя въ монастырѣ, Кунцевичъ постоянно посѣщалъ іезуитскій коллегіумъ, гдѣ окончательно не только отсталъ отъ родной православной вѣры, но, подъ внушеніемъ іезуитовъ, воспиталъ въ своей душѣ не примиримую къ ней ненависть.

Окончивъ курсъ наукъ въ 1604 году, Кунцевичъ принялъ въ томъ же св. Троицкомъ монастырѣ монашество и названъ Іосафатомъ; спустя пять лѣтъ посвященъ въ іеромонахи и сталъ ревностнымъ, до фанатизма, поборникомъ и проповѣдникомъ своего исповѣданія; обладая сильнымъ краснорѣчіемъ, онъ многихъ совратилъ въ унию, почему получилъ даже отъ православныхъ названіе *душехвата* ⁽¹⁾. Скоро, за столь необыкновенную ревность, онъ былъ сдѣланъ настоятелемъ сперва Бышенскаго, а потомъ Журавицкаго монастырей, гдѣ, съ неутомимою дѣятельностію, уловлялъ въ сѣти своего изумительнаго краснорѣчія чистыя, но въ ученіи вѣры слабыя, души лучшихъ сыновъ православной Церкви, почему, въ награду такого примѣрнаго усердія, въ 1614 году былъ поставленъ архимандритомъ вилenskaго св. Троицкаго монастыря, намѣсто Іосафа Рутскаго, возведеннаго въ митрополиты на открывшуюся, со смертію Поцѣя, вакансію. Отправляясь въ Кіевъ, Рутскій взялъ съ собою, для проповѣданія унии, Кунцевича; но здѣсь, какъ свидѣтельствуєтъ Кульчинскій, слава его омрачилась. Вслѣдствіе дерзкихъ и оскорбительныхъ насмѣшекъ надъ православіемъ, кіево-печерскіе иноки до того возмутились, что краснорѣчивый Іосафатъ, избитый и обезславленный, едва спасъ свою жизнь внезапнымъ бѣгствомъ въ Вильно, гдѣ, однакожь, прежняя слава скоро къ нему возвратилась. Въ это время умираетъ старшій и слабшій характеромъ, полотскій архіепископъ Гедеонъ Брольницкій, хо-

(1) Нѣкто изъ современниковъ Іосафата, житель г. Вильно, написалъ огромнаго размѣра картину, на которой были изображены: тогдашній униатскій митрополитъ Ипатій Поцѣй и Троицкаго монастыря архимандритъ Іосифъ Рутскій, въ свойственныхъ ихъ сану одеждахъ, а Іосафатъ—въ видѣ дьявола, съ рогами на головѣ, съ страшнымъ лицомъ и крюкомъ въ правой рукѣ, которымъ ташилъ къ себѣ души православныхъ; надъ головою его сдѣлана была надпись: «Душехваторъ». См. «Витебскія Губ. Вѣдом. 1858 г., № 43. — 11-й отрывокъ «Исторіи полотской іерархіи».

тя и принявшій унию, но несколько къ распространенію ея не усердствовавшій. По рекомендаціи митрополита Юсифа, Сигизмундъ III назначаетъ на эту кафедру Юсафата Кунцевича, который и хиротонисуется въ Вильно 12-го ноября 1617 года. Извѣстіе объ этомъ назначеніи привело въ ужасъ православныхъ жителей Витебска и всей епархіи, давно уже слышавшихъ о нечестивомъ фанатизмѣ и злобой ненависти Юсафата ко всему православному.

9-го января 1618 г. Юсафатъ торжественно вѣхалъ въ Полотскъ. Католическое и униатское духовенство, въ особенности іезуиты, съ полною искренностію оказали ему всѣ возможные почести: не таково было состояніе духа православныхъ. Одинъ изъ городскихъ бургомистровъ этого неповѣданія, говоря повоприбывшему архіепископу пріветственное слово, сказалъ: *«Если вступаешь въ градъ сей съ благимъ намъреніемъ, гряди во имя Господне; если же замышляешь преступное, лучше бы тебѣ не входить въ оный»*.

Видно, сердце полочанъ чужло то горе и страданія, какія предстояло имъ, съ православною витебскою братіею, испытать отъ религіознаго фанатизма повопосвященнаго архіепископа за преданность къ вѣрѣ отцовъ и преданіямъ восточной Церкви. Предчувствіе православныхъ вполнѣ сбылось. Едва ли не съ перваго дня пріѣзда своего въ Полотскъ, Юсафатъ началъ открыто призывать всѣхъ къ измѣнѣ православію и обращать въ унию. Лаская и прельщая страдавшихъ честолюбіемъ, обѣщаніемъ разныхъ матеріальныхъ выгодъ и почестей, убѣждая силою своею поразительнаго краснорѣчія слабыхъ въ вѣрѣ и малообразованныхъ, и, угрожая судомъ и наказаніемъ болѣе твердымъ, онъ производилъ обильный ловъ душъ въ сѣти католицизма. Полотскіи воевода Михаилъ Друцкій-Сокольникій, каштелянъ Иванъ Корсакъ, подсудокъ Данилъ Щигъ и шляхтичъ Ѳедоръ Воловичъ первые обращены въ унию, и увлекли за собою множество другихъ.

Исходатайствовавъ въ 1618 г. привилегію на подчиненіе своей власти всѣхъ православныхъ церквей и монастырей въ Полотскъ, Витебскъ, Могилевъ, Мстиславль, Оршъ и вообще въ предѣлахъ архіепископій находившихся, Юсафатъ, еще съ болышей свободой, началъ повсемѣстно истреблять православіе, дѣйствуя не какъ добрый пастырь стада Христова—словомъ, убѣжденіемъ и любовію, а какъ злѣйшій врагъ—побѣдитель въ непріятельской странѣ, огнемъ и мечемъ. Въ подтвержденіе этихъ словъ мы бы могли развернуть предъ глазами читателей много кровавыхъ современныхъ историческихъ актовъ и лѣтописей: но это слишкомъ долго задержало бы насъ при грустныхъ воспоминаніяхъ о плачевной судьбѣ православія въ Витебскѣ, а потому ограничиваемся лишь вышесказанными словами изъ прибавленія къ синодсему, изданному въ Вильно, на польскомъ языкѣ и, во время сейма 27-го сентября 1632 года, поднесенному королю Владиславу. Печселивъ кратко бѣдствія и гоненія православной Церкви

въ послѣдніе годы въ Кіевѣ, Луцкѣ, Хельмѣ, Львовѣ и Вильно, авторъ (замѣтьте, католикъ) продолжаетъ: «Въ Минскѣ церковную землю на постройеніе татарской мечети употреблено. Въ Полотскѣ кандалами (железными оковами) къ униі православныхъ принуждали, прочихъ же изъ города изгнали. Въ Туровѣ насильно церкви со всею утварью и имуществомъ отобраны, и епископъ благочестивый оттуда выгнанъ. Въ Минскѣ священники благочестивые посажены въ бочку и мучимы были. Въ Оршѣ, Могилевѣ и Мстиславлѣ, по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ церкви запечатаны: даже и въ шалашахъ отправлять молитвословіе запрещается. Въ Ковно церковь разграблена и земля церковная отобрана. Монастыри Троицкіи, Лаврашевскіи, Граденскіи и прочіе опустошены. Въ Бѣлостокѣ таковое опредѣленіе состоялось, что если быкто изъ мѣщанъ, за крестнымъ ходомъ изъ церкви, въ костель не пошелъ, таковой смертію казненъ будетъ. Въ Мятзель православные къ униі отъ тамошняго старосты насильно принуждаемы и въ ссылку изъ города, какъ аріане, декретомъ осуждены были, и прочія нестерпимыя обиды, узы, темницы, гоненія и муки, въ королевствѣ Польскомъ и великомъ княжествѣ Литовскомъ, претерпѣваютъ православные, для того единственно, что не дѣлають послушанія униатамъ, но ихъ оклеветанію и доносамъ. А что все сіе, по причинѣ обширности, на самомъ мѣстѣ не освидѣтельствовано (хотя на всякую изъ сихъ вещей имѣются законныя доказательства), не наша есть вина, но несчастіе время, сего не допускающее, есть причиною. А есть ли въ семъ будетъ надобность, мы учинить сіе обязуемся, а инаиаче, что относится до виленскаго братства, всѣ вышесказанныя обиды и насилія совершенно исчислить и перечнемъ изъ книгъ трибунальскихъ, земскихъ, градскихъ доказать можемъ, а сіе подлинно сдѣлають и прочіе, какъ польскіе, такъ и литовскіе жители» (1).

Ежедневно усиливаемыя Кушчевичемъ притѣсенія православныхъ жителей, какъ Витебска, такъ и другихъ городовъ, возбудивъ сперва всеобщій ропотъ, вызвали затѣмъ открытую ненависть. Началось явно и тайно совѣщанія о мѣрахъ къ избавленію отъ такого притѣснителя вѣры и народности: наконецъ, дошло и до покушенія на жизнь Юсафата. Такъ, жители Могилева не допустили его не только въѣхать въ городъ, но даже и приблизиться къ нему на разстояніи выстрѣла, грозя, въ противномъ случаѣ, стрѣлять изъ ружей и пушекъ (2). Въ

(1) «См. Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ униі. Баттышъ Каменскаго. Стр. 93 и 94. Мѣры, какія употреблялъ Юсафатъ Кушчевичъ для уничтоженія православія и распространенія униі, ясно видны изъ актовыхъ книгъ полотскаго уѣзднаго суда за 1619, 1620, 1621, 1622 и 1623 годы, архивовъ полотской духовной консисторіи и монастырей Тадулинскаго и полотскихъ Борисоглѣбскаго и Богоявленскаго.

(2) Обстоятельство такой встрѣчи Юсафата жителями Могилева подробно изло-

Мстиславль Юсафать едва не былъ убитъ изъ ружья, а въ Оршѣ чуть не утопленъ; такая-же участь не разъ грозила ему и въ Витебскѣ, но правосудіе Божіе все еще удерживало руку мести. Такой пріемъ архіепископа въ важнѣйшихъ городахъ его епархіи заставилъ Кунцевича призадуматься. Онъ началъ опасаться за свою жизнь и потому обратился къ великому Канцлеру литовскому Льву Сапѣгѣ, съ просьбою о содѣйствіи къ распространенію уніи и о защитѣ отъ угрозъ и покушеній схизматиковъ на его жизнь; но просьба ревностнаго архіепископа была напрасна: канцлеръ Сапѣга отвѣчалъ ему слѣдующимъ, столько же замѣчательнымъ по безпристрастному взгляду на дѣло, сколько и по краснорѣчію, письмомъ отъ 12-го марта 1622 года, изъ Варшавы:

« Преосвященній архипастырь полотскій! Не хотѣлъ бы я вступать
« съ вашимъ преосвященствомъ въ переннску и споры, но, видя упор-
« ство, съ какимъ вы отстаиваете свои убѣжденія, не внимая никакимъ
« резонамъ, нахожу себя вынужденнымъ отвѣчать, вопреки моему же-
« ланію, на неосновательное письмо ваше. Признаюсь, что и я забо-
« тился о дѣлѣ уніи и что было бы неблагоразумно оставить это дѣло;
« но мнѣ никогда и на умъ непріходило того, что ваше преосвященство
« будете присоединять къ ней столь насильственными мѣрами. Всевышній
« зоветъ къ себѣ кротко: *прійдете ко мнѣ вси* и проч., а не хочетъ и не
« пріемлетъ рабовъ, влекомыхъ насильно. А вы своимъ неосмотритель-
« нымъ насиліемъ подстрекнули и, такъ сказать, принудили народъ рус-
« скій къ сопротивленію и нарушенію присяги, данной его королевскому
« величеству (разумѣемъ здѣсь отпаденіе Москвы отъ избраннаго ею
« въ королѣ Владислава). Вамъ трудно въ этомъ запереться, когда
« васъ уличаютъ жалобы, поданныя русскими начальникамъ польскимъ
« и литовскимъ. Развѣ вамъ неизвѣстенъ ропотъ неразумительнаго
« народа, выразившійся желаніемъ его принять турецкое подданство,
« чѣмъ терять такое притѣсненіе своей вѣры и благочестія? По ва-
« шимъ словамъ, противятся уніи нѣкоторые только монахи изъ епар-
« хіи Борецкаго (митроп. кiev.) и Смотрицкаго (полотек. архіеп.)
« и нѣсколько лицъ изъ кievской шляхты; но прошеніе королю о томъ,
« чтобы онъ утвердилъ въ сихъ епархіяхъ Борецкаго и Смотрицкаго,
« а васъ съ прочими удалилъ, подписано не нѣсколькими монахами, а
« всѣмъ запорожскимъ войскомъ. Горе тому, кто легковѣренъ! Въ
« этомъ прошеніи обстоятельства уніи являются совсѣмъ въ новомъ
« видѣ. А мало ли получаемъ мы жалобъ на сеймахъ не отъ монаховъ
« только, но отъ всей Украины и Руси! Мало того, что казаки жи-

жено въ декретѣ Сигизмунда III отъ 22-го марта 1619 г., изъ Варшавы. «Вѣстникъ Юго-Западной Росіи.» Ки. декабрьская, за 1862 годъ. Декретъ этотъ хранится въ архивѣ б. уніатскихъ митрополитовъ при Святѣйшимъ Синодѣ. Прибавл. катол. подъ буквой Б, № 216.

« даютъ рѣшенія назначенной по этому предмету комиссiи: дѣло въ
 « томъ, принесетъ ли она пользу! Результатъ засѣданiй этой комиссiи
 « сулить намъ только надежду неизвѣстнаго блага; а потому безраз-
 « судно было бы пагубнымъ насилiемъ нарушать вождедѣльное согла-
 « сiе и подобающее королю повинованiе. Руководясь не столько лю-
 « бовiю къ ближнему, сколько суетою и личными выгодами, вы, зло-
 « употребленiемъ своей власти, своими поступками, противными свя-
 « щенной волѣ и приказанiямъ Рѣчи Посполитой, зажгли тѣ опасныя
 « искры, которыя вѣзмъ намъ угрожаютъ пагубнымъ и всенстребляю-
 « щимъ пожаромъ. Вы пишете, « что и политика обращаетъ на нихъ (?)
 « вниманiе », а я прибавлю: не только политика, но и правительство;
 « ибо отъ повиновенiя ихъ (православныхъ) больше пользы для края,
 « нежели отъ вашей унии. Поэтому, вы должны соображать власть
 « свою и обязанности пастыря съ волею короля и намѣренiями пра-
 « вительства, помня, что власть ваша ограничена, и что затѣи ваши,
 « противныя спокойствию и общей пользѣ, будутъ сочтены оскорбле-
 « ниемъ величества. Если бы вы осмѣлились сдѣлать что-нибудь по-
 « добное въ Римѣ или Венецiи, васъ бы тамъ научили уваженiю къ
 « постановленiямъ и политическимъ намѣренiямъ правительства. Вы
 « пишете « объ обращенiи отщепенцевъ » и проч.: нужно заботиться
 « объ ихъ обращенiи и о томъ, чтобы было *едино стадо и едины па-*
 « *стыри*: но нужно это дѣлать благоразумно и сообразно съ обстоя-
 « тельствами времени, какъ дѣло, зависящее отъ свободнаго согласiя,
 « особенно въ нашемъ отечествѣ, въ которомъ рѣшительно не примѣ-
 « нима сентенцiя: « *понуди внити* ». Согласно ученiю св. писанiя, нуж-
 « но заботиться, чтобы наша ревность и желанiе единовѣрiя основы-
 « вались на правилахъ любви; но вы уклонились отъ наставленiя сего
 « апостола, а потому неудивительно, что подвластные вамъ вышли
 « изъ повиновенiя. Что касается опасностей, угрожающихъ вашей жиз-
 « ни, на это можно сказать: каждый самъ бываетъ причиною своего
 « несчастiя. Нужно умѣть пользоваться благоприятными обстоятельст-
 « вами, а не предаваться безразсуднымъ увлеченiямъ. Особенно, ког-
 « да дѣло касается перемѣны вѣры, начальники подвергаются безчис-
 « леннымъ опасностямъ. « Я обязанъ, говорите вы, подражать еписко-
 « намъ », и проч. Подражать святымъ епископамъ въ терпѣнiи, слово-
 « словiи Бога, подражать, на примѣръ, Златоустому и другимъ вели-
 « кимъ iерархамъ—дѣло похвальное; но нужно подражать имъ и въ бла-
 « гочестiи, учительствѣ, долготерпѣнiи и примѣрной жизни. Прочитай-
 « те творенiя Златоустаго: вы не найдете въ нихъ ни жалобъ, ни про-
 « тестовъ, ни процессовъ, ни затѣй, ни судебныхъ объявленiй, ни *поз-*
 « *вовъ* къ суду антиохiйскому или константинопольскому о гоненiяхъ,
 « низверженiи, оказии благочестивыхъ священниковъ, а найдете только
 « то, что способствуетъ къ умноженiю славы Божiей, назиданiю душъ
 « человѣческихъ и умилоствленiю разгнѣванной на служителей Церкви

« Евдокіи. Теперь обратимся къ дѣяніямъ вашего преосвященства. Вы
 « напомили земскіе суды, магистраты, трибуналы, ратуши, епископскія
 « канцеляріи позывами, тяжбами, доносами, чѣмъ не только нельзя рас-
 « пространить униі, но можно расторгнуть и послѣдній союзъ любви въ
 « обществѣ и напоменить сены и управы разладомъ и ссорами. Пишете,
 « что они (т. е. апостолы и *другіе ревнители Божіи*) не взирали ни на царя,
 « ни на кесаря, и проч. Нѣтъ! Всемогущій Богъ велитъ уважать ихъ:
 « *противлѣйся власти, Божію величію противлется; исть власти*
 « *аще не отъ Бога*, говоритъ онъ. Для того и Христось сказалъ: *воз-*
 « *дайте Божію Богови, и кесарева кесареви*. Поэтому, вы и каждый
 « должны помнить, что все люди, исполняющіе законъ Божій, должны
 « повиноваться волѣ своего повелителя. Снова пишете: «если неправо-
 « вѣрные нападаютъ на меня, то я поневолѣ долженъ защищаться», и
 « проч. Не такъ поступать, учить насъ Христось! Ведомый, *яко овца*,
 « *на заколеніе*, имѣвшій для своей защиты легіоны ангеловъ, онъ молил-
 « ся за враговъ своихъ: такъ нужно поступать и вашему преосвященству.
 « Мудрый человекъ долженъ употребить все мѣры благоразумія, прежде
 « чѣмъ возьмется за оружіе, не писать колкихъ писемъ къ начальству
 « его королевскаго величества, не отвѣчать ему угрозами, какъ это
 « дѣлаете вы. Апостолы и другіе святые никогда такъ не поступали.
 « Продолжаете, «что вамъ вольно тошнить униатовъ, рубить имъ го-
 « ловы», и проч. Нѣтъ! не должно такъ поступать съ ними, потому
 « что божественное евангеліе строго внушаетъ всемъ мстителямъ. въ
 « томъ числѣ и вамъ: *миръ отмщению, азъ воздамъ*. Сколько апостоловъ,
 « учениковъ Господнихъ, сколько христіанъ запечатлѣли своею жиз-
 « нию славу рабаятаго Господа, претерпѣли ради Его жесточайшія му-
 « ки, и однако нигдѣ нѣтъ въ св. писаніяхъ ни одной ихъ жалобы или
 « протестовъ на Нероновъ, Тиверіевъ, Діоклеціановъ, по *иоюху ра-*
 « *дующеся отъ лица собора, яко за имя Господа Исуса сподобитася*
 « *прятти*. « На сеймахъ, продолжаете вы, поднимаются голоса, не толь-
 « ко вредные для униі, но для всего правовѣрнаго духовенства рим-
 « скаго», и проч. Кто же тому причиною? Одна униа—виновница всехъ
 « этихъ несчастій! Когда вы дѣлали насиліе совѣсти человеческой,
 « запирали церкви для того, чтобы люди погибали безъ богослуженія,
 « безъ христіанскихъ обрядовъ и таинствъ, какъ неверные: когда зло —
 « употребляете милостями и преимуществами королевскими, вы обхо-
 « дились безъ насъ; а когда нужно усмирять смуты, возбужденныя въ
 « народѣ вашимъ безпутствомъ, вы хотите намъ запереть двери. Оттого
 « противная сторона думаетъ, что мы съ вами составили заговоръ, на-
 « правленный къ насилію совѣсти и нарушенію всеобщаго спокойствія,
 « чего, конечно, не бывало. Довольно и того, что ваше преосвященство
 « съ нами въ униі, такъ и берегли бы эту унию про себя, и *въ званіи, въ*
 « *неже званіи бысте*, оставайте себя спокойно, не подвергайте насъ
 « общенародной ненависти, а себя явной опасности и всеобщему на-

«реканію. «Не принимающихъ униі, ниште дальше, нужно изгнать
 «изъ государства», и проч. Избави Богъ нашу отчизну отъ этого без-
 «разсудства! Давно уже въ нашихъ странахъ водворилась римско-ка-
 «толическая вѣра, и пока она не имѣла подражательницы себѣ въ дѣлѣ
 «благочестія и подчиненія святому отцу (нашѣ), до тѣхъ поръ слави-
 «лась своею любовію къ спокойствію, могуществомъ внутри и внѣ го-
 «сударства: но какъ только связалась съ какою-то сварливой и без-
 «покойною подругой, тернить, по ея милости, при всякомъ собраніи
 «народномъ, при всякомъ уѣздномъ засѣданіи, разные раздоры и на-
 «реканія. Лучше бы, кажется, было сдѣлать разрывъ съ этою неуго-
 «монною союзницею, потому что мы никогда не видали въ нашей от-
 «чизнѣ такихъ нестроений, какія постыла среди насъ эта благовидная
 «униі. Христось не запечатывалъ и не запираетъ церквей⁽¹⁾.....
 «Имѣютъ они, говорите, достойныхъ священниковъ и проч. » Дай Богъ,
 «чтобъ ихъ было довольно! Этого мало, что вы сами хвалите ихъ; соб-
 «ственная похвала весьма подозрительна. Нужно, чтобъ шовѣрные *ви-*
 «*дѣли добрыя дѣла ихъ и, прославляя Отца, иже на небесахъ,* послѣ-
 «довали бы стезямъ ихъ. Но я знаю, какихъ вы рукополагаете свя-
 «щенниковъ: такихъ, то есть, которые способны скорѣе разорить, не-
 «жели создать церковь (Христову). Отвѣяду слышится ронотъ, что у
 «васъ нѣтъ достойныхъ священниковъ, а больше слѣпыхъ. Невѣжест-
 «венные ваши попы вводятъ въ пагубу и народъ. Отдавать, говорите,
 «церкви на поруганіе, и проч. Но печатать и запираетъ церкви, глумиться
 «надъ кѣмъ-либо есть на столько же пагубный разрывъ братскаго еди-
 «номыслія и взаимнаго согласія.... Но укажите, ваше преосвященство,
 «кого вы приобрѣли, кого уловили такою суровостію вашею, строго-
 «стію, печатаніемъ и запираніемъ церквей? Окажется, что въ (самомъ)
 «Полотскѣ вы потеряли и тѣхъ, которые (доселѣ) были вамъ послуш-
 «ны. Изъ овецъ вы превратили ихъ въ козлищъ, *повергли въ опас-*
 «*ность государство, а, можетъ быть, въ погибель и всѣхъ насъ, като-*
 «*ликовъ.* Въмѣсто радости, пресловутая ваша униі надѣлала намъ толь-
 «ко хлопотъ, безпокойствъ, огорченій и докучъ. Вотъ плодъ вашей
 «пресловутой униі! Сказать правду, *она приобрѣла извѣстность толь-*
 «*ко смутами и раздорами, которые произвела она въ народъ и цѣломъ*
 «*краѣ!* Если—избави Богъ—отчизна наша потрясется (вы своею сурово-
 «стію пролагаете къ тому торную дорогу), что тогда будетъ съ вашею
 «униію? Покрайней мѣрѣ, ниште вы, я получилъ въ этомъ дѣлѣ пред-
 «писаніе верховнаго пастыря или его намѣстника», и проч. Противитъ ся
 «верховному пастырю есть проклятое искушеніе: но я увѣренъ, что ес-
 «ли бы св. отецъ (папа) зналъ всѣ тѣ смуты, какія породила ваша униі
 «въ нашей отчизнѣ, онъ позволилъ бы все, чему вы такъ упорно про-

(1) Точки эти и другія слишкомъ многозначительны: подъ ними скрываются такіе ужасы, коихъ не рѣшился изобразить въ письмѣ своемъ даже правившій Савѣга.

« тивитесь. Мы знаемъ изъ опыта снисхожденіе св. отца, который, бу-
 « дучи отцомъ, а не отчимомъ Церкви Христовой, такъ мудро управ-
 « ляетъ ею, что весьма многое разрѣшилъ въ нѣкоторыхъ странахъ, для
 « ихъ общественнаго блага, что у насъ запрещено какъ грѣхъ смерт-
 « ный. Въ силу всего этого, король приказалъ вашему преосвящен-
 « ству распечатать и отпереть церкви въ Могилевѣ, о чемъ и извѣ-
 « щаю васъ, по его приказанію. Если же и послѣ настоящаго напо-
 « минанія вы этого не сдѣлаете, то, по повелѣнію его величества, я
 « самъ прикажу распечатать и отдать церкви (православнымъ), дабы
 « они въ тѣхъ церквахъ отправляли свое богослуженіе, согласно съ
 « уставами своими. Жидамъ и татарамъ позволено въ областяхъ ко-
 « ролевства имѣть свои синагоги и мечети, а вы печатаете христиан-
 « скія церкви! Оттого и ходитъ вездѣ молва, что они (православные)
 « лучше хотятъ быть въ подданствѣ невѣрныхъ турокъ, чѣмъ терпѣть
 « такое насиліе своей совѣсти. Быть можетъ, вы скажете: «*было бы*
 « *несправедливо дѣлать это снисхожденіе подъ предлогомъ сомнитель-*
 « *наго спокойствія въ будущемъ?*» Не только справедливо, но и необ-
 « ходимо, потому что если мы станемъ еще болѣе стѣснять ихъ ре-
 « лигію, то произойдутъ неизбежные раздоры въ обществѣ. Повсюду
 « уже раздается молва, что они навсегда желаютъ разорвать всякую
 « съ нами связь. Что касается до полочанъ и иныхъ противъ васъ воз-
 « мутителей, то, можетъ статься, они и въ самомъ дѣлѣ таковы, а все-
 « таки скажу, что вы сами расположили ихъ къ возмущенію. Они бы-
 « ли вамъ послушны, не оставляли вашей Церкви, а вы сами отъ себя
 « оттолкнули ихъ. Уже ваша унія отторгла отъ насъ Новгородъ—Съ-
 « верскій, Стародубъ, Козелецъ и многія крѣпости. Она и теперь
 « главною причиною того, что народъ московскій устранился отъ
 « королевича (Владислава), какъ это видно изъ писемъ русскихъ къ
 « вельможамъ государственнымъ и начальникамъ великаго княжества
 « Литовскаго. И поэтому-то мы не хотимъ, чтобы эта, столь пагуб-
 « ная для насъ, унія до конца погубила насъ. Вотъ отвѣтъ на письмо
 « ваше! Желать бы я на будущее время быть свободнымъ отъ состоя-
 « занія съ вами. Прошу только Всевышняго о ниспосланіи вамъ воз-
 « деѣльныхъ для васъ благъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о ниспосланіи вамъ ду-
 « ха крогости и любви къ ближнему. » (1)

Письмо это произвело на Кушчевича глубокое впечатлѣніе, но къ раскаянію и перемѣнѣ образа дѣйствій не подвинуло. Притѣсне-

(1) См. II т. «Вѣстника Юго-Западной и Западной Россіи» за 1862 г. Письмо это было неоднократно перепечатываемо въ разныхъ русскихъ и польскихъ сочиненіяхъ; о немъ упоминаетъ также и Стебельскій (Chorologia, т. III, str. 290); Вишневецкій же, въ своей исторіи литературы польской, приводитъ его какъ образецъ высокаго краснорѣчія.

нія и оскорбленія вѣрнаго преданія отцовъ народа русскаго продолжались съ прежней, если не съ большей, силою. Между тѣмъ, многочисленные списки письма Санъги ходили по рукамъ не только въ Витебскѣ, но даже и за предѣлами архіепископіи полотской, усиливая негодованіе къ Юсафату и подготавливая недовольныхъ къ мести.

Обстоятельство это не могло укрыться отъ хитраго и пронырливаго Куницевица; оно приводило его въ страхъ и, въ то же время, вызвало къ усиленной борьбѣ съ возникающими препятствіями. Въ письмѣ къ другу и покровителю своему, митрополиту Юсефу Рутскому, Куницевицъ по этому предмету выражается такъ: «Да и его милость панъ канцлеръ ажъ теперь..... на листъ его милости, презъ бунтовщиковъ полоцкихъ мнѣ отданный, у справедлив.... же мя неслышно удали о грубиянство поповское, не зважаючи, же схизма грубиянство наможила, а не единость; еще и то не добре, же его милость листы мнѣ за ними даючи, конѣ тыхъ же листовъ, свяши, писари имъ зброднемъ дають, которые они всюду по своихъ разсылають; часомъ тежъ сами листъ отпечатавши, приписують; послѣ притиснувши якольвекъ печатать, отдають.» (1)

Наконецъ часъ мести насталъ.

Это было въ воскресный день, 12-го Ноября 1623 года. Въ то время, когда архіепископъ Юсафатъ оканчивалъ въ Успенской церкви (нынѣ на этомъ мѣстѣ православный соборъ) утреню, архидіаконъ его Дорощей, увидавъ подходящаго къ переправѣ священника Воскресенской Заручевской церкви о. Илію, бывшаго прежде въ повиновеніи этаго архіепископа, но впоследствии подчинившагося новопоставленному православному епископу Мелетію, схватилъ его и, связавъ по рукамъ и по ногамъ, посадилъ въ архіепископскую кухню. Вѣсть о такомъ новомъ оскорбленіи православія, въ лицѣ служителя его, быстро разнеслась по городу; ударили въ набать — и тысячи народа, вооруженнаго чѣмъ пополю, мгновенно собрались у архіерейскаго дома. Дверь была выломана, арестованный священникъ освобожденъ, прислуга и причетники изранены и разогнаны, а архіепископъ, принявшій ударъ бердышемъ въ голову, убитъ изъ ружья и полураздѣтый брошенъ въ Двину, откуда тѣло его было вытащено рыбаками, кои, привязавъ къ ногамъ и головѣ тяжелые камни, свезли его на лодкѣ и, противъ предмѣстія Витебска — Песковатика, бросили посреди рѣки.

Это ничтожное, по видимому, обстоятельство въ кончинѣ Юса-

(1) Подлинникъ письма, весь отъ начала до конца писанный рукою Куницевица, хранится въ архивѣ св. Синода, въ отдѣлѣ бумагъ б. униатскихъ митрополитовъ. Записано по добавочной описи 1622 г., подъ № 13.

фата, чрезъ два слишкомъ вѣка, какъ увидимъ ниже, послужило изобрѣтательнымъ ревнителямъ католицизма и колонизированія Руси къ распространенію въ народѣ новыхъ, донелзя нелѣпныхъ, толковъ о мнимой святости и чудесахъ этого архіепископа, едва не обратившихъ воссоединявшихся въ то время къ православію витебскихъ уніатовъ къ языческому обожанію камня. Польскіе писатели, а въ томъ числѣ и Косинскій, въ сочиненіи своемъ *Żywot imęczestwo Iozafata Kuncewicza*, повѣствуя объ убіеніи архіепископа Юсафата, изображаютъ неистовство и ярость народа самыми ужасными красками и, такимъ образомъ, невольно свидѣтельствуютъ о той ненависти, какую успѣлъ заслужить у православныхъ этотъ ревностный распространитель уніи.

Смерть архіепископа Юсафата не только не послужила къ облегченію участи православныхъ въ Бѣлоруссіи, но вызвала, со стороны польскаго правительства, еще большее угнетеніе, коимъ, хотя и была подавлена навремя всныхнувшая рѣшимость бѣднаго народа свернуть съ себя тяжкій религіозно-политическій гнетъ, но заронившаяся въ сердца страдальцевъ искра ненависти къ притѣснителямъ не погасла и въ свое время послужила къ поддержкѣ того ужаснаго огня мести, возженнаго отважными украшцами, который былъ потушенъ лишь рѣками крови поляковъ и ихъ достойныхъ сотрудниковъ — жидовъ и уніатовъ.

Король польскій, узнавъ объ убіеніи Юсафата, нарядилъ комиссію для немедленнаго изслѣдованія дѣла на мѣстѣ и наказанія виновныхъ. Члены этой комиссіи: воевода виленскій Левъ Саньга, каштелянъ мстиславскій Христофоръ Друцкій-Соколыницкій, референдарій и писарь великаго княжества Литовскаго Александръ Корвинъ-Гонсевскій, староста оршанскій Богданъ Саньга и витебскій воевода Николай Завиша, боясь прибытія въ Витебскъ казаковъ, не вдаваясь въ обстоятельное изслѣдованіе дѣла, по коему оказались прикосновенными не только витебляне, но и многіе жители Полотска, Орши, Могилева и даже Вильно, порѣшили бѣго въ три дня, именно 28-го января 1624 года.

Рѣшеніемъ этимъ приговаривалась къ смертной казни около ста лицъ; но какъ большее число ихъ успѣло скрыться, то обезглавлены на плахѣ, предъ ратушей, лишь двадцать. Имѣнія всѣхъ обвиненныхъ конфискованы. Городъ лишенъ магдебургскаго права и всѣхъ, прежде дарованныхъ ему, привилегій и подчиненъ управленію воеводы. Съ ратуши, въ которой совершился заговоръ объ убіеніи архіепископа, въ знакъ уничтоженія правъ города, снятъ вѣчевой колоколь, а само сданіе разрушено, въ виду неутышно рыдавшаго народа. Вѣтхую деревянную Успенскую соборную церковь, при которой было совершено убійство Юсафата, оцредѣлено сломать,

а на томъ самомъ мѣстѣ воздвигнуть большую каменную, на счетъ витебскихъ граждагъ, и на колокольнѣ ея повѣсить колоколь, вылитый изъ колоколовъ старой церкви и вѣчеваго, съ вадлежащею надписью. Кроме того, много менѣе виновныхъ жителей было подвергнуто тюремному заключенію, наказанію плетьюми и изгнанію; церкви отданы уніятамъ, исповѣданіе конхъ сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ православныхъ жителей Витебска (1).

(1) Вотъ что именно сказано въ рѣшеніи комиссарскаго суда по дѣлу объ убіеніи полотскаго архіепископа Иосафата Кушчевича, въ 1624 году, января 22-го дня:Загѣмъ ратушу повелѣваемъ тотчасъ разрушить, а вмѣсто ея позволяемъ имѣть госпінный дворъ, какъ было и прежде. Въ дѣлахъ судебныхъ могутъ дѣлать аппеляціи въ надворный судъ его королевскаго величества. Пошлины отъ своихъ товаровъ и всякой торговли, по казенному уставу, должны платить въ казну его королевскаго величества. А такъ какъ, за исключеніемъ немногихъ лицъ, всѣ были виновны, то сдѣлано бы всѣхъ за это преступленіе подвергнуть смертной казни. Но мы, смягчая строгость законовъ, хотя въ этомъ умыслѣ всѣ виновны, назначаемъ казнь только тѣмъ немногимъ, которыхъ намъ сами граждане представили въ оковахъ и которыхъ мы, вслѣдствіе собственнаго сознанія на допросахъ (здѣсь должно замѣтить, что допросы снимались при помощи пытки), признаемъ болѣе виновными, а именно: бурмистровъ Науза Волка, Семея Нѣму, Ивана Гуслищева, который билъ набатъ въ ратушный колоколь; Григорія Скарубу, Гаврилу Романовича, Гермака Гайдука, Хурсу Шаповала — сына, Богдана Кузнецца, Гришку Байку, Гаврилу Пушкаря, Яску Любчина, Ивана Алхима, Романа Даниловича, Фелора Калака, Горшечника Фелора Циньку, Янова Шиякаря, Степана Триханова, Василя Гурса, Петра Васильевича Полочанина, который, пріѣхавши въ Витебскъ, помогалъ заговорщикамъ словомъ и дѣломъ и хотѣлъ затруднить судъ комиссарскій, о чемъ нами допрошенный признался (поль пыткой), что полотскіе граждане, находясь въ связяхъ съ виленискимъ братствомъ и съ другими, часто составляли заговоры и дѣлами денежную складчину на возмущеніе, а оныя списоки заговорщиковъ и реестры денежнымъ вкладамъ держалъ у себя и теперь имѣетъ въ Полотскѣ въ своемъ домѣ, и что сынъ его Василій былъ здѣсь въ Витебскѣ, во время убіенія отца владыки. Также и тѣхъ, которыхъ списоки представленъ намъ городевою управою и которые, будучи виновны въ возбужденіи и составленіи сихъ мятежей, заговоровъ и въ совершеніи сего гнуснаго преступленія, совершивъ оное, ушли до нашего пріѣзда, а именно: Фелора Невгода — царя и сына его Ваську, Матиса и Ваську Ереміашевичей, Ивана Лабуна, который стащилъ плащъ съ трупа покойнаго владыки и ушелъ съ нимъ, Никиту шапочника съ сыномъ Давыдомъ, Давыда старшаго — благовѣщенскаго попа, сына его Илью Давыдовича — воскресенскаго заручевскаго попа, Околу (Окоцѣ) Балышку — попа церкви Св. Духа, Петра Алексѣева — попа Воскресенскаго и попа Ивана Капещца, которые подстрекали своими совѣтами и увѣщаніями народъ къ злодѣянію, Дончука Гайдука, Яску Казаченка, Соха-царя, который похитилъ серебряную чашу покойнаго архіепископа, Цѣшку Кожевника, Стефана Пасеру, главнаго зачинщика и бунтовщика, Яску Якимовича, Фелора Таньку, Михайлу Вилимова, Мойсея Долгаго, Ивана и Николая Нашковскихъ, Гришку Слесаря, Николая Олейника (послѣдніе два ушли изъ тюрьмы), Богдана Лытку, Андрея Колесника, Ивана Лезу-сина, Марка Мясника, Ивана Ацшаго, Дземешку Кузнецца, Кирила Миссицу, Яску —

Но не одинъ Витебскъ перенесъ печальныя послѣдствія убіенія архіепископа Юсафата: въ Полотскѣ, Могилевѣ, Оршѣ, Мстиславлѣ и другихъ городахъ Бѣлоруссіи, исповѣдывавшіе православную религію подверглись новымъ гоненіямъ, какъ со стороны католиковъ, такъ и отъ уніатовъ; а поданная въ томъ 1623 году, на сеймѣ варшавскомъ, конституція, въ видахъ примиренія враждовавшихъ сторонъ, на дѣлѣ не только никакого полезнаго примѣненія не имѣла, но

зятя Денисовой, Петра Стольчину, Ваську Продуху, Ѳедора Мушеву, Семена Старинскаго съ дѣтьми, Данилку Высоцкаго, Жлана Комушено, Прокопа москаля и Тараску пирожника Денисовыхъ, Матвѣя Пгнатева, Иваньку съ Подводной земли, Гаврилу Шаповала; съ Задуновскаго посада: Ивана Златка, Кондрата Луку, Гаврилу Златка, Андрея Златка, Андрея Клевчика, Гаврилу Быка, Мойсея Драгазу, Филипа Аванасія Кока; съ посада Слободскаго: Ивана Козла, Алексѣя москаля, Ивана Ольшаника, Гришку Пасіору, Анасьву Хому, Сочивку Ѳедора Цѣребимовича, Якова Дубиноса, Олеска Арцѣмова, Юсина Голика, Никиту Заблоцкаго Захарчина, Ивана москаля, Ваську Бѣхута, Павла Шарыну, Аѳанаса Павловича; съ посада Русскаго: Николая Кошельника, Дементія Скропина; съ посада Заручевского: Арешку Цѣрмукова Шапурова, Семена Хлосту. Этихъ всѣхъ бѣжавшихъ заочно осуждаемъ *на смертную казнь*. Гдѣ бы только кто-нибудь изъ нихъ отысканъ ни былъ, долженъ быть смертно казненъ *безъ всякаго суда и милосердія*; а движимое и недвижимое ихъ имущество, въ Витебскѣ и въ другихъ мѣстахъ находящееся, какъ по измѣнникахъ, мятежникахъ и нарушителяхъ общественного спокойствія оставшееся, присуждаемъ конфисковать въ пользу казны его королевскаго величества.

Вышеномянутымъ же слугамъ покойнаго отца архіепископа мы, приказавъ подтвердить присягою ихъ показаніе объ увѣчьяхъ и убыткахъ, назначаемъ третій день для исполненія сей присяги, а по исполненіи ея, согласно понесеннымъ каждымъ изъ нихъ убыткамъ, которыхъ общая сумма составляетъ 3,079 злотыхъ, присудили вознагражденіе съ имущества витебскихъ гражданъ, а для обезпеченія исполненія сего нашего приговора, которое должно совершиться отъ нынѣшняго числа чрезъ шесть недѣль, назначаемъ, въ случаѣ неустойки въ срокъ, взыскать съ виновныхъ тройную сумму поручительныхъ денегъ, исполненіе чего поручаемъ г. витебскому воеводѣ.

А такъ какъ возмущеніе началось по сигналу ратушнаго и нѣкоторыхъ церковныхъ колоколовъ, то приказываемъ воеводитѣ витебскому войту отнять всѣ колокола и отдать въ цейхаузъ, изъ которыхъ потомъ, съ вѣдома будущаго полотскаго архіепископа, вылить, въ память происшествія, большой колоколъ, съ надписью о семъ злодѣяніи, и отдать соборной церкви Пречистенской, при которой былъ умерщвленъ покойный владыка.

Съ того же времени, при всѣхъ иныхъ церквяхъ, за исключеніемъ упомянутой соборной, колоколовъ не имѣть, безъ позволенія и особеннаго разрѣшенія его преподобія, отца митрополита Кіевскаго, нынѣшняго и его преемниковъ.

Ту же соборную церковь Пречистенскую должны мѣщане вновь великолѣпно отстроить собственнымъ иждивеніемъ. Ныня законныя наказанія предоставляемъ суду и рѣшенію его величества, нашего милостиваго короля.

А такъ какъ здѣсь находятся мѣщане разныхъ вѣдомствъ, которые совмѣстно совершили сіе ужасное преступленіе и предъ нами, комиссарами, не оправдались, то,

как постановленіемъ сейма вѣлно было, впредь до окончательнаго разсмотрѣнія и рѣшенія дѣла о греческой вѣрѣ, всякія спорныя между православными и уніятами дѣла и тяжбы уничтожить, то естественно, что этимъ выиграли только обидчики, т. е. уніаты, а не истцы, т. е. православные.

Между тѣмъ, ревнители католицизма съумѣли, для достиженія задуманныхъ ими цѣлей, воспользоваться самою смертію Кунцевича. Такъ, въ слѣдующемъ 1624 году, папа Урбанъ VII, по ходатайству короля и уніятскаго духовенства, въ видахъ усиленія въ народѣ преданности и довѣрія къ святости распространяемой ими, съисключительно политической цѣлю, уніи⁽¹⁾, причислилъ Юсафата къ лику блаженныхъ (beatorum) мучениковъ римской Церкви, повелѣвъ уніатамъ праздновать память его 16-го сентября, вслѣдствіе чего гробъ съ набальзамированнымъ тѣломъ его былъ вынутъ изъ склепа и поставленъ въ Полотской церкви, гдѣ и находился до завоеванія этого города войсками царя Алексѣя Михайловича; въ это же время, по случаю войны, гробъ увезенъ сперва въ мѣстечко Жировицы, потомъ въ Замосье, наконецъ, при архіепископѣ Гавріилѣ Колендѣ, вновь возвращенъ въ Полотскъ и, по устройствѣ при Софійской церкви особаго пре-

въ уваженіе ходатайства остальныхъ витебскихъ мѣщанъ его королевскаго величества, предоставляемъ имъ право оправдываться потомъ предъ королевскимъ инстигаторомъ.

Далѣе, такъ какъ бурмистръ Петръ Ивановичъ, ратманы: Жданъ Щуръ, Филопъ Громъ, Карпъ Хорошка, Извъгъ Гутерь, Лавшикъ Николай Гутерь, также Иванъ Щуръ, Васька Кека, Григорій Боничъ Писаръ, Азарка Васильевичъ, всѣ они были послушны блаженной памяти архіепископу, не принадлежали ни къ какимъ бунтамъ и заговорамъ и въ тотъ воскресный день находились при отцѣ архіепископѣ и съ другими были на богослуженіи, то мы ихъ освобождаемъ отъ всякой вины и наказанія. Что же касается до свободы отъ пошлннъ, должны ли они терять это преимущество за вину всего города, или, какъ невинные, должны сохранить его, это предоставляемъ на волю и рѣшеніе его величества, нашего милостиваго короля.

Затѣмъ, вписавъ въ это рѣшеніе весь ходъ дѣла, приложивъ печати и подписавъ собственноручно, приказали внести въ витебскія городскія актывыя книги. Оттуда мы и занимовали это рѣшеніе. См. «Витеб. Губ. Вѣд.» 1838 г., № 52.

(1) Что цѣль уніи была чисто политическая, а не религіозная, это ясно открывается изъ манифеста Сигизмунда III, отъ 24-го сент. 1593 г., въ коемъ король, приглашая своихъ подданныхъ къ принятію уніи, говоритъ: «Наше величайшее желаніе состоитъ въ томъ, чтобы мы могли пребывать съ своими подданными въ единой вселенской Церкви, подъ однимъ истиннымъ пасторомъ, чтобы славить Бога едиными усты и единымъ сердцемъ, чтобы, пребывая въ такомъ соединеніи, по долгу христіанства, водворить въ народахъ одной и нераздѣльной рѣчи посполитой согласіе, единство и любовь, эти верховныя общія блага, и чтобы тѣмъ сохранить и укрѣпить цѣнность государственнаго союза. См. «Свѣдѣнія о началѣ Уніи». Статья Н. Иванничева. «Русская Бесѣда». 1838 г., № 3.

дѣла, во имя Иосафата, поставленъ въ немъ на престолѣ. Впрочемъ, при вскрытіи гроба, по случаю присоединенія уніатовъ къ православію, въ немъ, кромѣ клока волосъ и части облаченій, и слѣда мощей не оказалось, хотя базилианскіе монахи поддерживали въ легковѣрномъ народѣ молву о существованіи таковыхъ и о чудесахъ, имъ творимыхъ. Народъ, въ простотѣ сердца, вѣрилъ всеѣмъ этимъ недѣлностямъ, не подозрѣвая даже и возможности подобнаго обмана, боготворилъ го-
пителя и притѣснителя истиной вѣры Христовой, созидалъ ему алтари и усердно молился предъ изображеніемъ мучителя отцовъ и дѣдовъ ихъ. Базилиане сочинили для этого особыя молитвы, въ коихъ называли Иосафата *непоколебимымъ соединенія столпомъ*. (1)

Нечего, впрочемъ, удивляться поведенію въ этомъ случаѣ простаго и необразованнаго, по природѣ добраго и незлобиваго, народа, привыкшаго въ дѣлахъ религіи вѣрить на слово служителя алтаря и, подобно вообще неразвитымъ людямъ, страстнаго почитателя всего, по его мнѣнію, чудеснаго, а такихъ вещей у невѣжества всегда очень много; но какъ объяснить поступокъ папы Урбана VIII, возводящаго въ святые убійцу русской народности и православной Церкви за то лишь, что онъ подвергся, хотя, конечно, незаконной, въ смыслѣ юридическомъ, но справедливой, по сущности дѣла, мести народа, и въ то же время влагающаго въ руки короля мечъ и требующаго отъ него крови и слезъ несчастныхъ преступниковъ для утѣшенія духа праведника? Гдѣ же тутъ подражаніе ученію Господа нашего Иисуса Христа, повелѣвавшаго быть намъ, его послѣдователямъ, кроткими и смиренными и даже любить враговъ своихъ, какъ самихъ себя? Зачѣмъ же, послѣ этого кроваваго удовлетворенія Иосафата, возводить его въ святые и награждать вѣнцомъ мученичества? Гдѣ тутъ не только справедливость божественнаго правосудія, но даже здравая логика?

Вотъ слова изъ двухъ писемъ папы Урбана VIII къ королю Сигизмунду III, доказывающія взглядъ его на дѣло убійенія Иосафата жителями Витебска: «Кто дастъ источникъ слезъ очамъ нашимъ, чтобы мы могли оплакать жестокость схизматиковъ и смерть полотскаго архіепископа». Вотъ до чего дошла свирѣлость нечестія, которое не насыщается плачемъ невинныхъ, а утоляетъ свою жажду развѣ только кровію священниковъ! Святой архіепископъ, почтенный не митрою только, но и добродѣтелями, убитъ въ собственномъ дворцѣ преступнымъ и свирѣлымъ народомъ. *Вотъ ясное доказательство мщенія Божія надъ тѣмъ народомъ!* Дѣло отвратительное для зрѣнія, жалостное для слуха! Слышали мы, что то тѣло,

(1) Въ часословѣ, изданномъ въ Почаевской лаврѣ въ 1861 году, подъ 16-мъ сентября, помѣщены тропарь и кондакъ Иосафату, названному блаженно-священно-мученикомъ, пострадавшимъ за соединеніе святыхъ Церкви.

« которое было храмомъ Св. Духа, влчили по стогнамъ города руки
 « разсвирѣпѣвшихъ, и говорятъ, что дышавшіе злобою схизматики,
 « по обычаю варваровъ, съ величайшимъ, свойственнымъ нечеловѣ-
 « ческой лютою, поношеніемъ издѣвались надъ тѣмъ, кому должно
 « думать, *руконлещущіе ангелы принесли вънецъ мученичества. Мы*
 « *дѣйствительно думаемъ, что Церковь можетъ ублажать лучшаго*
 « *изъ епископовъ за сію драгоцѣнную смерть, за которую преимущест-*
 « *венно дается небесное наслѣдіе.* Но жестокость убійцъ не должна
 « остаться не наказанною. Тамъ, гдѣ столь жестокое злодѣяніе тре-
 « буетъ бичей мщенія Божія, *да проклятъ будетъ тотъ, кто удержитъ*
 « *мечъ свой отъ крови.* И такъ, державный король, ты не долженъ удер-
 « жаться отъ меча и оиля. Пусть ересь чувствуетъ, что жестокимъ
 « преступникамъ нѣтъ пощады. Въ столь гнусномъ преступленіи
 « строгость должна заступитъ мѣсто милосердія. Посему да отложить
 « ваше величество всякое промедленіе и, *воспламенившись благо-*
 « *честивымъ негодованіемъ, да утѣшится слезами нечестивцевъ, на-*
 « *казанныхъ за озораніе религіи.*»

« Получивъ, вслѣдъ затѣмъ, отъ короля увѣдомленіе о совершеніи
 казни и наказаніи всего пародонаселенія города Витебска, Урбанъ
 УШ отвѣчалъ: « Поистинѣ, не всегда слѣдуетъ понечителямъ общест-
 « венной безопасности помышлять только о милосердіи, но иногда
 « нужно употреблять и строгость; ибо наказанія нечестивыхъ сокру-
 « шаютъ ихъ дерзость. Они злочестіе пьютъ какъ воду и утѣшаются
 « не столько добычею, сколько преступленіемъ. Въ этихъ словахъ
 « похвала вашему величеству, гнѣвъ котораго и правосудіе недавно
 « испытаны жестокіе убійцы полотскаго архіепископа. *Ибо Витебскъ,*
 « *который далъ примѣръ столь необычнаго преступленія, служитъ*
 « *теперь доказательствомъ мщенія Божіа и благочестія короля.*
 « Потому, что кто только вспомнитъ о преступленіи сего города, вѣрно,
 « жаловаться не можетъ, что святотатственная жестокость свирѣпыхъ
 « схизматиковъ осталась наказанною. Ты увидишь, что твердыня, за-
 « щитающая русскихъ отъ уни, разрушится и дерзость тѣхъ, кои
 « утѣшались бѣдствіемъ католической религіи, усмирится. Думаемъ,
 « что если дѣйствіе вашего величества благоприятно небу, то спра-
 « ведливо, если восхваляется словомъ апостольскихъ писаній».

Изображеніе Иосафата, до воссоединенія униатовъ, находилось во
 многихъ церквахъ; но всѣ они мало были похожи одно на другое. Въ
 настоящее время едва ли гдѣ-либо можно найти его: современные же
 портреты этой личности, вѣроятно, и вовсе не существуютъ, покрай-
 не мѣрѣ мы не могли нигдѣ видѣть ихъ.

По смерти Сигизмунда III, въ 1632 году, польское правитель-
 ство, видя безпрестанные набѣги казаковъ, явившихся единствен-
 ными надежными защитниками православія, принуждено было сдѣ-
 лать нѣкоторыя уступки требованіямъ благочестивыхъ, какъ назы-

вали себя въ то время неуныты, почему и было, между прочимъ, постановлено: чтобы въ полотеской епархіи, къ коей принадлежалъ и Витебскъ, быть двумъ архіереямъ: для унытовъ—архіепископу полотескому, а для благочестивыхъ — епископу могилевскому; кроме того, предоставлялось всякому живущему въ епархіи унытскаго епископа и не желающему принять уніи переселиться въ епископію православную и обратно.

Въ 1649 году, послѣ неоднократнаго пораженія польскихъ войскъ гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, король Янъ—Казиміръ, Зборовскимъ, мирнымъ договоромъ, обязался унію въ Польшу и во всемъ княжествѣ Литовскомъ искоренить. Вслѣдъ затѣмъ было постановлено: захваченную унытами витебскую епархію подчинить митрополиту кievскому и возвратить православнымъ отобранную у нихъ церковь св. Благовѣщенія, въ нижней крѣпости находившуюся. Но всѣ эти обѣщанія и уступки были сдѣланы только на словахъ, какъ это видно изъ жалобы царю Алексѣю Михайловичу Полотскаго Воскресенскаго монастыря игумена Афиногена Крыжановскаго. Съ этого времени русскіе государи начали обращать вниманіе на судьбу состоявшаго въ подданствѣ польскаго короля народа пользы. Такъ, въ 1660 г., царь Алексѣй Михайловичъ тщетно домогался отъ Польши уничтоженія уніи; ту же участь имѣло и требованіе Петра Великаго, невзирая даже на оказанное имъ покровительство королю Августу II, при возведеніи его на престолъ, и на обращеніе государя этого къ содѣйствию паны. И только усилія мудрой Екатерины II, при вызванномъ ею участіи Швеціи, Пруссіи, Даніи и Англіи, заставили, въ 1768 году, уравнять права неунытовъ и прекратить или, по крайней мѣрѣ, ослабить гоненіе ихъ. По присоединеніи же, 13-го сентября 1772 г., въ вѣчное Россіи владѣніе, остатка польской Лифляндіи съ Полотскимъ и Витебскимъ воеводствами, религіозная судьба Витебска тѣсно связалась съ исторіей имперіи вообще и бѣлорусскаго края въ особенности. Судьба эта весьма отрадна.

Еще при жизни императрицы Екатерины II, въ разныхъ провинціяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, обратилось къ православію, безъ малѣйшаго со стороны правительства побужденія, болѣе милліона людей, въ томъ числѣ въ двухъ бѣлорусскихъ губерніяхъ: Витебской и Могилевской, въ промежутокъ времени между 1794 и 1796 годами, 114, 719 душъ (1); но Витебскъ все еще оставался въ уніи, и положеніе горсти жившихъ въ немъ православныхъ было самое безотрадное. Вотъ что находимъ мы объ этомъ въ письмѣ перваго ревизителя о созданіи въ Витебскѣ православнаго собора, священника

(1) См. грамагу Аѳонасія, епископа могилевскаго и полотскаго, 1793 г.

Іоанна Сырохнова, къ бѣлорусскому епископу Вольховскому, отъ 5-го іюля 1797: «Истинно приверженный христіанинъ къ вѣрѣ православно-греческой, съ каковымъ душевнымъ прискорбіемъ долженъ видѣть отправляемое здѣсь, въ городѣ Витебскѣ, духовенствомъ и разнаго званія жителей богослуженіе римской и находящейся съ нею въ униі церквей, вообразивъ, что древній городъ сей, принадлежащій отъ вѣковъ Россіи, исповѣдалъ всегда вѣру благочестивую греческую, но, по несчастному жребію, доставшіяся во владѣніе бывшаго королевства Польскаго, разными способами, а наиболѣе подвизавшіяся тогда здѣсь полотскій архіепископъ униіть Юсафать Кунцевичъ рачительно старался обратить благочестивыхъ въ унию съ римлянами. Но истинную и непорочную вѣру греческой Церкви исповѣдующіе граждане Витебска не только отвергли его усиленныя старанія, но, ревнуя ко благочестію, въ 1623 году лишили его жизни, за такую противную благочестивой Церкви проповѣдь. Сей случай былъ тогда елеемъ къ погашенію пламени, ибо съ того времени, всѣ, безъ изъятія, страхомъ, насиліемъ и лестию отторгнуты отъ греческой и присоединены къ Римской Церкви. Но всеблагій Богъ, когда распростеръ милосердную Свою десницу надъ сынами имперіи Россійской и когда достояніе Россіи обращено въ пѣдро ея, тогда обстоятельства и нужда позволили многимъ разнаго званія благочестивымъ христіанамъ имѣть свое неисходное пребываніе въ городѣ Витебскѣ, въ коемъ довольное время съ прискорбіемъ живя, претерпѣвали отъ жителей укоризны, будучи лишены надежнѣйшаго пристанища, не имѣя въ городѣ молитвеннаго храма, ѣдннаго въ нуждахъ своихъ утѣшенія. Тутъ вседѣйствующій промыслъ подѣйствовалъ въ сердцѣ почтеннѣйшаго и истощающаго силы своя на твореніе своему ближнему благодѣаніи витебскаго коменданта графа Миниха: онъ, такуюю ощутительную крайность видя, своимъ стараніемъ, въ 1779 году, соорудилъ деревянный храмъ чудотворца Николая и, съ пособіемъ гарнизона, въ командѣ его находящагося, содержалъ и содержитъ священника и одного причетника. Я, при той церкви находясь священно служителемъ, исправляю всѣ нужды надъ небольшимъ числомъ бывшихъ доселѣ здѣсь жителей греко-россійскаго закона: но въ настоящее время, по волѣ мудраго и милосерднаго монарха нашего, удостоены городъ Витебскъ именоваться губерискимъ городомъ всей Бѣлоруссіи; то къ помѣщенію собирающагося на богослуженіе почтеннѣйшаго общества не имѣетъ та церковь довольноаго пространства, а мнѣ одному исполнять должность священника недостаетъ ни силъ, ни времени..... во уваженіе таковыхъ причинъ и къ крайшей необходимости, настоятельная есть нужда имѣть соборную церковь и при ней положить, какъ для отправленія вседневнаго священно служенія, такъ и для исправленія требъ, въ гарнизонѣ, въ штатной ротѣ, въ домѣ правителя губерніи и другихъ чиновниковъ, ихъ дворовыхъ людяхъ, при-

казныхъ служителяхъ и двѣнадцати мѣщанскихъ домахъ, по назначенію вашего преосвященства, къ достаточному исполненію всѣхъ требъ церковныхъ, одного протоіерея, двухъ священниковъ, діакона, трехъ церковниковъ, двухъ звонарей и просфорню». (1)

Наконецъ радостный для Витебска часъ насталъ. Въ 1834 году русское правительство признало необходимымъ рѣшительно приступить къ возвращенію въ нѣдра православной Церкви отторженныхъ отъ нея насиліемъ чадъ. Для совершенія этого святаго дѣла, оно не обратилось къ тѣмъ, возмущающимъ душу, средствамъ, какими были оторваны отъ православія милліоны сыновъ его, а къ кротости, терпѣнію и благодушію, избравъ орудіемъ своимъ самихъ епископовъ уніятской Церкви. Руководимые мужествомъ монарха и слѣдуя неуклонно святому призванію своему, въ томъ же духѣ кротости и любви, семь лѣтъ приготовляли они паствы свои, въ десяти губерніяхъ имперіи, къ духовному ихъ преобразованію и соединенію съ православною Церковію; потомъ, съ высшимъ своимъ духовенствомъ, собравъ благодатію Св. Духа въ г. Полотскъ (Витебской губерніи) къ храму Премудрости, принесли въ немъ соборно, въ недѣлю православія, прошеніе къ Духу свѣта и разума, составили и подписали достопамятный актъ воссоединенія. (2)

Императоръ Николай, получивъ объ этомъ докладъ Св. Синода и прошенія греко-уніятскихъ епископовъ: — Юзефа литовскаго, Василія оршанскаго и Антонія брестскаго, съ соборнымъ актомъ о присоединенія ихъ съ паствами къ православію, на докладъ написалъ: «Благодарю Бога и принимаю». А 10-го мая 1839 года совершилось въ Витебскѣ и самое торжество этого воссоединенія. Вотъ какъ описалъ его одинъ изъ очевидцевъ:

«10-го мая сего года, въ 10 часовъ утра, митрополитъ (Филаретъ Кіевскій) прибылъ изъ Маркова монастыря въ сопровожденіи многочисленнаго народа, при колокольномъ звонѣ, въ православный Витебскій соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ духовенствомъ обѣихъ епархій могилевской и полотской), генераль-губернаторомъ и всѣми военными и гражданскими чинами, въ парадныхъ мундирахъ. При богослуженіи, въ коемъ участвовали оба епископа: Исидоръ полотскій (нынѣ митрополитъ с.-петербургскій) и Василій Оршанскій (нынѣ архіепис-

(1) См. дѣло о Витебскомъ соборѣ, подл. № 1, хранящееся въ Успенскомъ соборѣ этого города. Высочайшимъ указомъ императора Павла I, отъ 18-го іюля 1799 г., повелѣно Успенскую церковь Базиліанскаго монастыря обратить въ православный соборъ; небольшое же число монаховъ изъ того монастыря переведено въ Петропавловскую зарѣченскую церковь.

(2) См. «Слово въ недѣлю православія» архіепископа полотскаго и витебскаго Василія, бывшаго ревностнымъ дѣятелемъ воссоединенія Уніи къ православію. С. Петербургъ 1861 года.

скопъ полотскій и витебскій), и по четыре священника изъ каждой епархіи, во храмъ было до 1,500 человекъ разнаго сословія людей. Во время большаго входа дискосъ принималъ митрополитъ, а потиръ епископъ оршанскій. По окончаніи литургіи, соборный протоіерей прочиталъ съ амвона указъ Святейшаго Синода, котораго чтение заключено было собственными словами Государя Императора: «Благодарю Бога и принимаю!» Послѣ сего провозглашено многолѣтіе Государю и Августыишей Фамиліи, Святейшему Синоду вмѣстѣ съ патріархами, чтобы доказать общеніе наше съ первенствующею восточною Церковію и опровергнуть тѣмъ лжетолкованія римскаго духовенства, будто бы русская церковь отдѣлилась отъ патріарховъ и составила расколъ, и проч. Успѣхъ сего служенія и польза, которую оно принесло, превзошло всякое ожиданіе. Народъ показалъ такое усердіе, что митрополитъ еще долго оставался въ соборѣ для благословленій. Потомъ онъ изволилъ проѣхать, по предварительному приглашенію губернскаго предводителя, въ дворянскій домъ, а за нимъ и все бывшее въ городѣ духовенство. Тутъ представлялись ему всѣ чиновники, безъ различія исповѣданій, а градское общество поднесло хлѣбъ и соль, прося покорнѣе служить на другой день въ Петропавловской церкви, какъ въ обширнѣйшей изъ приходскихъ.

«15-го числа митрополитъ прибылъ въ Петропавловскую церковь, въ 10 часовъ. Храмъ Божій былъ совершенно полонъ, и вокругъ него до 3,000 человекъ, частью пришедшихъ, по слухамъ, изъ деревень. Генералъ-губернаторъ и чиновники, всѣ въ мундирахъ, прибыли въ церковь по собственному произволу. Едва вышелъ митрополитъ изъ кареты, какъ народъ бросился за благословленіемъ. У крыльца встрѣтили его, по какому-то старинному обычаю, почетные граждане съ горящими свѣчами; а потомъ духовенство. Литургія совершалась тѣмъ же порядкомъ; только къ молебну облачились всѣ священники, какъ городскіе, такъ и нѣкоторые прибывшіе, по собственной волѣ, изъ деревень белорусской епархіи. По окончаніи молебнаго пѣнія, градской голова просилъ митрополита и всѣхъ носить въ домъ его; но стеченіе народа было такъ велико, и усердіе столь искренне, что владыка не могъ сѣсть въ карету и принужденъ былъ до самаго дома головы идти пѣшкомъ, благословляя народъ, — и это продолжалось болѣе получаса и было въ высшей степени торжественно и радостно. Вошедши въ домъ, митрополитъ благословилъ градское общество образомъ Спасителя, что было принято съ такимъ чувствомъ, что многихъ видѣли даже въ слезахъ. Послѣ того, какъ духовенство и всѣ высшія гражданскія лица разъѣхались, граждане, оставшіеся одни, позвали пѣвчихъ и, вмѣстѣ съ ними, пѣли разныя молитвы, многолѣтіе государю, *Боже, Царя храни* и проч., а потомъ возникъ у нихъ жаркій споръ, кто долженъ владѣть иконою и кто имѣеть право украсить ее окладомъ. Кажется, рѣшились по-

ставить ее въ градской думѣ, съ приличною надписью и украшеніемъ. Послѣ объѣда, и римское духовенство, увлеченное общимъ стремленіемъ, явилось къ митрополиту за благословеніемъ, даже маріавитки; а по случаю маленькой ярмарки около монастыря (Маркова, близъ Витебска), народъ весь вечеръ ликовать тамъ съ сельскими жителями.

«Такъ прошли эти достопамятные два дня, осуществившіе, смѣю сказать, на самомъ дѣлѣ великую мысль царя и Св. Синода.» ⁽¹⁾

Въ память этого знаменитаго событія, по волѣ Императора Николая I, выбита большая серебряная медаль, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ образа Спаса нерукотвореннаго; вверху и по сторонамъ надпись: *Такова имамы первосвященника*. Евр. VIII, I, а внизу: *отторгнутые насиліемъ (1696), возсоединены любовію (1839)* На оборотной сторонѣ, представленъ крестъ въ сіяніи, а по сторонамъ его надпись: *торжество православія 25-го марта 1839.*

Въ противоположность этому, папа Григорій XVI оставилъ потомству письменный памятникъ скорби своей о потерѣ духовнаго владычества надъ Бѣлоруссіею и Литвою. Въ своей рѣчи, произнесенной въ тайной консисторіи 22-го ноября 1839 года ⁽²⁾, онъ восклицаетъ: «О, горестная и несчастная превратность вещей! Вотъ событіе, братіе достопочтенные, которое поставляетъ насъ въ тяжкое недоумѣніе и заботливость! Къ горестямъ, отвеюду на насъ находящимъ, надлежало присовокупиться еще и сему событію, которое выразить можно больше слезами, нежели словами. Изъ столь лютой язвы, нанесенной римскою Церквю, вы усматриваете, каково теперь намъ и какою внутри скорбію мы сѣдаемся!»

Любопытно также видѣть, какъ объяснялъ папа ходъ возсоединенія униі. Вотъ слова его, заимствованныя нами изъ окружнаго посланія Михаила Левинскаго, митрополита русскихъ униатовъ, архіепископа Львовскаго, епископа каменецкаго: «несправедливое это предиріятіе ведено было такъ, что, введши сначала хитрымъ образомъ, при совершеніи священнодѣйствій, книги, полученныя отъ грекороссіанъ, извратили этимъ на свой ладъ почти всю внѣшность богослуженія; такимъ образомъ, невѣжественная чернь, соблазняясь сходствомъ обрядовъ, болѣе и болѣе приходившимъ въ силу, невольюно уклонялась въ схизму. Затѣмъ, по особому повелѣнію, созданы были многіе приходскіе священники, которымъ тотчасъ же даны были предписанія, которыми, между безстыдными лжами, требовалось, дабы всякій присоединеніе свое къ грекороссійской Церквю засвидѣтельствовалъ по изложенной для сего формѣ. Таковыя предписанія

⁽¹⁾ Описаніе это мы заимствовали изъ февральской книжки «Странника» за 1863 годъ.

⁽²⁾ «Сѣверная Пчела, 1840 года».

были единодушно отвергнуты, на томъ основаніи, что это лишаетъ ихъ (т. е. священниковъ) приходовъ и подвергаетъ несомнѣнной отвѣтственности какъ яхъ, такъ и прочихъ клириковъ, увлеченныхъ ихъ примѣромъ, предъ высшимъ судилищемъ. Впрочемъ, послѣ нѣкоторыхъ злоупотребляемыхъ противъ нихъ хитростей (*machinationes*), они дошли до такого развращенія, что не устыдились публично изъяснить желаніе присоединиться къ означенной Церкви и, кромѣ того, отъ имени подчиненной имъ паствы, взойти прошеніемъ къ Императору о позволеніи касательно своего присоединенія. Успѣхъ соответствовалъ ихъ желаніямъ. Опрежденіями схизматическаго синода, находящагося въ Петербургѣ, формально утвержденными, рѣшено и торжественно отпраздновано было присоединеніе къ Церкви греческой русскихъ епископовъ, клира и народа, дотогѣ принадлежавшихъ церкви Римской» (1).

Послѣ всего нами сказаннаго, нѣтъ надобности возражать противъ столь очевидной лжи. Извращеніе хода и значенія событія для фанатиковъ запада — вещь самая обыкновенная; въ настоящемъ же случаѣ дѣйствія ихъ были гораздо хуже, какъ сейчасъ увидимъ, но для этого мы должны возвратиться нѣсколько назадъ.

Еще при самомъ началѣ приведенія въ постепенное, но дѣйствительное исполненіе давно желаемаго правительствомъ и народомъ возвращенія въ лоно православной Церкви отторгнутыхъ унию чадъ ея, католики и, въ особенности, духовенство ихъ начали таяно противодѣйствовать тому всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами: увѣщаніемъ, порицаніемъ и насмѣшкой, нерѣдко распуская въ народѣ разные нелѣпные толки и посеяя между униятами несогласіе и ссоры. Къ числу этихъ мѣръ принадлежатъ также и распущенные католиками толки о выплывшемъ будто бы въ Витебскъ изъ р. Западной Двины камень, съ изображеніемъ на немъ Юсафата. Обстоятельства этого случая, какъ видно изъ донесенія бывшаго витебскимъ соборнымъ протоіереемъ и благочиннымъ — Ремезова — преосвященному Нисидору, епископу полотскому и витебскому и прочей, потому же предмету, переписки и собранныхъ нами на мѣстѣ свѣдѣній, — таковы:

Въ первыхъ числахъ мая 1838 года, неизвѣстно кто, распространилъ между жителями предмѣстія Витебска Песковатика слухъ, что будто бы выплылъ изъ Двины камень, на которомъ видна *тольк* Юсафата: что чудо это совершено убитымъ за соединеніе вѣры и брошеннымъ въ рѣку архіепископомъ, для того, чтобы увѣрить колеблящихся униатовъ въ святости и твердости вѣры ихъ (2), и что явившійся

(1) «Домашняя Бесѣда, 1863 г. Выпускъ 31.»

(2) Въ дописаніи Святейшему Синоду епископа полотскаго и витебскаго, отъ 1 июля 1838 г., за № 35, сказано:..... «Унията начали уже при томъ камень совершать

камень есть только увеличившійся сростокъ тѣхъ камней, кои были привязаны рыбаками къ ногамъ и шеѣ Юсафата предъ опущеніемъ тѣла его въ воду, что, какъ извѣстно, случилось напротивъ предмѣстія Песковатика. Камень, на который указывала народная молва, оказалась лежащимъ, какъ и нынѣ, въ разстояніи около версты отъ р. Двины и почти въ такомъ же отъ предмѣстія, на нѣкоторой возвышенности, до которой воды, въ самые большіе разливы, никогда не доходили, да и по свойству здѣшнихъ высокихъ береговъ дойти не могутъ. На камнѣ этомъ, при сильно возбужденномъ воображеніи, а въ особенности при предварительномъ объясненіи всего вышеназванного, можно усмотрѣть подобіе человѣческой фигуры, въ сидячемъ положеніи, и какъ бы въ архіерейскомъ облаченіи, но до того однакожь грубое, что, повторяю, нужно быть непременно о существованіи его предупрежденнымъ, чтобы замѣтить. Изображеніе это, происходящее отъ случайнаго расположенія кристалловъ гранитнаго валуна, далеко не имѣетъ той правильности и отчетливости рисунка, какія нерѣдко встрѣчаются въ агатахъ, сердоликахъ, халцедонахъ и другихъ камняхъ, не говоря уже о фантастическихъ формахъ различныхъ известковыхъ породъ; оно не можетъ даже сравниться съ грубыми изображеніями, такъ называемыми въ Украинѣ, *каменными бабами*. Словомъ, найти въ этомъ случайномъ расположеніи кристалловъ гранитнаго обломка изображеніе, или, какъ называетъ народъ, тѣнь человѣка, да еще притомъ извѣстнаго, именно архіерейскаго Юсафата, могъ только невѣжественный, обладающій въ высшей степени возбужденнымъ воображеніемъ и распаленный религіознымъ фанатизмомъ, народъ. Любопытно и поучительно видѣть, какъ въ первые дни открытія этого камня найденное на немъ изображеніе представлялось людямъ разныхъ степеней образованія, религіи и положенія. Вотъ что мы нашли по этому предмету въ официальной перепискѣ. Протоіерей Ремезовъ, въ первоначальномъ рапортѣ своемъ, отъ 29-го мая, за № 131, къ преосвященному епископу полотскому и витебскому, сказалъ: *«въ отколотой части камня виднѣется сердцевина кремнистаго слоеваго свойства, слои коей изображаютъ нѣкоторое подобіе нижней части какъ бы сидящаго человѣка на камень, въ верхней части коего отражается какая-то уродливая полоса, похожая на руку, какъ бы*

акафисты и каноны и, по частнымъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, распускаютъ молву, будто бы Юсафатъ явился для удостовѣренія уніатовъ, что вѣра ихъ тверда какъ камень и будто русское духовенство домогается скрыть сей чудесный камень». А изъ донесенія протоіеря Ремезова, отъ 8-го іюля, видно:... «что толки эти распускаетъ не чернь народная, а католики, преимущественно всего! по удачамъ, и что стеченіе народа преимущественно увеличилось по случаю католическаго праздника Божьяго Тѣла».

благословляющую, и оканчивается вся эта полоса вверх острым углом конуса». Во втором же донесении его, отъ 8-го июня, за № 144, мы читаемъ уже слѣдующее: «Осмотрѣвъ въ зрительную трубу прописанный камень, я нахожу изображеніе на немъ довольно любопытнымъ; изображеніе архіерея довольно ясно; ростомъ все это изображеніе 3 четверти аршина; борода длинноватая събоя. Невсмлю полагать никакого мнѣнія касательно онаго камня».... Въ отзывѣ витебской городской полиціи къ этому протоіерею, отъ 29 мая, сказано: «Камень, на которомъ яко бы есть примѣтное изображеніе архіерея, состоитъ не въ видѣннѣ полиціи». Земскій же судъ отзывался, что «камень, состоящій на землѣ помѣщика Линькевича, ничего особаго въ себѣ не заключаетъ». Наконецъ, въ отзывѣ Белорусской греко-уніятской духовной консисторіи, отъ 6-го июня, за № 3,963, находимъ такое выраженіе.... «Камень, съ нѣкоторымъ на поверхности его изображеніемъ примѣтъ всего корпуса чловѣка, почитаемаго во святыхъ». Что касается народныхъ толковъ по этому предмету, то они сначала, по крайней мѣрѣ, по словамъ перваго донесенія покойнаго протоіерея Ремезова, были еще менѣ между собою согласны: такъ, одни увѣряли, что на камнѣ представлено изображеніе Спасителя, другіе — что образъ святителя Николая; католики и уніаты узнавали въ изображеніи — архіепископа Юсафата; а евреи увѣряли, что это ихъ Мессія. И все это дѣлалось въ 1838 году, т. е. только 26 лѣтъ тому назадъ! Не доказываетъ ли случаи этотъ, что наши народныя массы все еще представляютъ поразительные примѣры самаго чудовищнаго невѣжества; что естественнѣйшіе, это мать всѣхъ наукъ, ведущая, по словамъ знаменитаго Либиха, къ разумнѣнію истиннаго Бога, не только невѣдома для низшихъ слоевъ народа русскаго, но мало знакома даже и высшимъ: иначе какъ могли родиться всѣ эти толки, приведшіе христіанскій народъ къ языческому обожанію камня? Но прослѣдимъ этотъ любопытный случай до конца. Чрезъ два или три дня по открытіи на камнѣ сказаннаго изображенія, кто-то изъ жителей Песковатика, по имени Тимофей, какъ называется его свѣжее преданіе, видѣлъ во снѣ Юсафата, приказывающаго ему отправиться въ ближайшую деревню и тамъ, въ клети одного изъ крестьянъ, взять принадлежащія архіепископу подсвѣчники. Тимофей, рассказавъ объ этомъ пономарю Троицкой, въ то время уніятской, приходской церкви, отправляется къ открытому ему во снѣ крестьянину и, принеся взятые будто бы у него старые деревянные подсвѣчники, ставитъ ихъ предъ камнемъ съ зажженными свѣчами. Съ этой минуты многочисленныя толпы почитателей Юсафата, преимущественно изъ католиковъ и уніатовъ, начинаютъ стекаться даже изъ отдаленныхъ уѣздовъ, чтобы поклониться воображаемому чудотворному изображенію архіепископа. Въ числѣ первыхъ приходятъ монахи Витеб-

скаго Маріавитскаго монастыря. Примѣръ ихъ увлекаетъ тысячи легковѣрныхъ невѣждъ, почитателей всего чудеснаго. Наконецъ дѣло дошло до сбора денегъ на сооруженіе храма, служенія молебновъ и акафистовъ и до выемки изъ-подъ камня, для пошенія въ ладонкахъ на шеѣ землей, это производилось съ такимъ усердіемъ, что камень, нашедшійся надъ верхнимъ краемъ рывины, скоро упалъ на дно ея; по обстоятельству это не смутило ревностныхъ читателей Юсафата: камень поставленъ изображеніемъ кверху; молебны и акафисты, невзирая на увѣщанія православнаго духовенства, продолжались еще нѣсколько недѣль, пока мало по малу народъ убѣдился въ обманъ и разузналъ хорошенько цѣль его. Однакожь только 41-го апрѣля 1839 г., послѣдовало отъ мѣстнаго епископа донесеніе Св. Правительствующему Синоду о прекращеніи стеченія народа къ камню, близъ Витебска находящемуся, съ темнымъ изображеніемъ будто сидящаго челоуѣка.

Такъ кончилась послѣдняя попытка католической партіи помѣшать дѣлу воссоединенія униатовъ къ православію! Памятникомъ неудачи ея остался тотъ же прославленный ею камень, получившій отъ народа названіе *Юсафата*.

Чтобы закончить предложенный читателямъ, въ этой главѣ, историческій очеркъ религиозныхъ судебъ Витебска, намъ слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о нынѣшнемъ состояніи въ этомъ городѣ православія, какъ господствующаго вѣроисповѣданія, представителями коего, по числу, являются воссоединенные изъ уни; но мы не позволяемъ себѣ коснуться этаго важнаго предмета, ибо, говоря откровенно, еще мало знакомы съ нимъ, а потому заключимъ эту главу искренними словами нашего достопочтеннаго архимастыря, архіепископа полотскаго и витебскаго Василія, произнесенными имъ въ 1861 году, въ недѣлю православія. Вотъ они: «Къ несчастію, въ нынѣшнее время прогресса, по причинѣ возникшихъ вопросовъ въ жизни народа, вину во всѣхъ язвахъ, во всѣхъ ранахъ стали вмѣнять духовенству; не пощажена и совѣсть юныхъ чадъ православія воссоединенныхъ, которымъ въ укоръ стали ставить св. дѣло воссоединенія, такъ что названіе воссоединеннаго сдѣлалось равносильно названію неправославнаго. Такимъ образомъ; возникло общественное мнѣніе, которое можно раздѣлить на двѣ категоріи. И вотъ одни, увлекаясь поверхностнымъ взгядомъ, не принимая во вниманіе того, что, дабы перевоспитать народъ, изгладить національныя разности, выработанныя вѣками, нужно время и время, повсюду обвиняютъ насъ въ недостатокъ убѣжденія въ православіи, вмѣняя всѣхъ нестроепія народной жизни намъ въ укоръ, какъ будто бы мы были виною всему этому; всюду клеветуютъ, оскорбляя и понося насъ. Поэтому, сколькими желчными своими внушеніями, по предубѣжденію, осаждаютъ они многихъ другихъ, не имѣющихъ довольно предусмотрѣ-

тельности и твердости духа, чтобы не дозволить вовлечь себя въ неблагоприятное мнѣніе о воссоединенномъ народѣ и его пастыряхъ! Сколькими же поэтому поражаемся мы ударами передаваемой изъ устъ въ уста молвы! Ко второй категоріи причисляются всѣ поверхностно понимающіе православіе, которые, по своимъ народнымъ предразсудкамъ, не желая различать существеннаго въ вѣрѣ, считаютъ важнѣйшимъ внѣшнее, обрядовое. И вотъ многіе православные христіане, не находя въ здѣшнемъ краѣ того, что видѣли въ своей сторонѣ: тотъ въ Рязани, а другой въ Калугѣ или Орлѣ, тотъ во Владимірѣ или Казани, а другой въ Тулѣ или Харьковѣ, или еще гдѣ-нибудь, изъ-за обрядовыхъ разностей, неизбѣжныхъ во всякой помѣстной церкви, которымъ заповѣдуетъ Церковь являть апостольское снисхожденіе, лишь бы онѣ не нарушали единства вѣры, возгораются ревностно къ православію не по разуму, какъ говоритъ апостоль, и, въ порывахъ предзанятыхъ взглядовъ, не затрудняются возмущать совѣсть и, такимъ образомъ, производятъ въ убѣжденіи народа реакцію и колебаніе своею клеветою, хулою поношенію чести и вѣры единовѣрныхъ и одноплеменныхъ себѣ, отъ которыхъ и раздается повсюду укоризненный голосъ».

ГЛАВА II.

О политической жизни Витебска вообще. — Бракъ великаго князя Владиміра съ Рогнедой, княжной полотской. — Ярослав Владиміровичъ отдаетъ Витебскъ Брячиславу Изяславичу. — Витебскъ достается въ удѣль Давиду Всеславичу. — Княжество Витебское подъ властію Брячислава. — Князь Александръ Невскій гоститъ въ Витебскѣ. — Витебскъ подъ властію Константина Вячиславича и Ярослава Васильевича. — Витебскъ подъ властію Литвы. — Судьба его при Ольгердѣ, Свидригайлѣ и Витовтѣ. — Умерщвленіе въ Витебскѣ князя ольшанскаго и смоленскаго митрополита Герасима. — Витебскъ подъ властію королевича Казимира. — Посѣщеніе Витебска особами русскихъ великокняжескихъ домовъ — Витебскъ въ осадѣ. — Сожженіе его русскими. — Грамота Сигизмунда I. — Неоднократныя опустошенія Витебска — Сигизмундъ III даетъ городу гербъ и магдебургское право. — Уничтоженіе и возвращеніе его и другихъ правъ города. — Беспорядки въ Витебскѣ во время войны Польши съ Россіей. — Витебскъ завоевывается Россіей и снова возвращается Польшѣ. — Судьба Витебска при Августѣ II. — Пребываніе Петра I въ Полотскѣ. — Сожженіе имъ Витебска. — Колоколь, какъ памятникъ пожара. — Неурядица въ Польшѣ при Станиславѣ-Августѣ. — Раздѣленіе Польши и присоединеніе къ Россіи Витебска. — Судьба Витебска до назначенія его губернскимъ городомъ, и гербъ города. — Утвержденіе плана Витебска. — Городовое положеніе,

дарованное императрицею Екатериною II. — Подтверженіе правъ города императоромъ Александромъ I. — Постановленіе о городскихъ расходахъ. — Отмена литовскаго статута. — Подводная повинность. — Квартирная повинность. — Льготы. — Строительная часть.

Исторія политической жизни Витебска далеко не такъ любопытна и поучительна, какъ исторія религиозной, хотя обѣ онѣ тѣсно связаны между собою и часто объясняютъ одна другую; тѣмъ не менѣе, и въ политической жизни этого города встрѣчаются моменты замѣчательные и вполнѣ достойные памяти народной.

Витебскъ никогда не игралъ въ исторіи Бѣлоруссіи особо важной роли и всегда уступалъ первенство въ этомъ отношеніи Полотску; но это обстоятельство не даетъ право историкъ проити молчаніемъ минувшія событія его жизни.

Мы уже замѣтили, въ предыдущей главѣ нашего очерка, что Витебскъ первый разъ является въ лѣтонисяхъ подъ 1021 годомъ. Весьма вѣроятно, что въ первые годы своего существованія онъ, не составляя особаго удѣла, не входилъ также постоянно и въ составъ княжества Полотскаго, къ которому присоединенъ при Брячиславѣ Пяславичѣ. Это подтверждается слѣдующимъ фактомъ.

Великіе князья — кievскій Ярополкъ и новгородскій Владиміръ Святославичи, услышавъ о богатствѣ и красотѣ Рогнѣды, дочери полотскаго князя Рогвольда, пожелали вступитъ съ нею въ супружество и потому одновременно отправили пословъ искать ея руки. Прекрасная, но гордая Рогнѣда, зная, что Владиміръ былъ сынъ ключницы, великой княгини Ольги, бабки его, на предложеніе отца выбрать себѣ въ мужа одного изъ братьевъ, отвѣчала: « Не хочу разуть рабынича, за Ярополка иду! » Отвѣтъ этотъ сильно оскорбилъ Владиміра, и онъ поклялся, во что бы ни стало, овладѣть Рогнѣдой. Собравъ рать великую, Владиміръ напалъ на Полотскъ, взявъ его приступомъ, убилъ Рогвольда и двухъ его сыновей, захватилъ собиравшуюся въ Кіевъ Рогнѣду и сдѣлалъ ее своей женой, потомъ напалъ на брата своего Ярополка, убилъ также и его, завладѣвъ Кіевомъ и сѣлъ на великокняжескомъ престолѣ.

Скоро, однакожь, Рогнѣда перестала лѣннять женолюбиваго, но непостояннаго Владиміра, хотя сама полюбила его всѣмъ сердцемъ, забывъ даже совершенное имъ убійство отца и братьевъ ея. Чтобы избавиться отъ докучливой любви Рогнѣды, Владиміръ отправилъ ее на жительство въ нарочно выстроенный въ селѣ Лыбеди (близъ Кіева, на рѣчкѣ Лыбеди) дворецъ; но заточеніе это, усиливъ лишь ревность Рогнѣды, вызвало ее на мщеніе. Однажды великій князь пріѣхалъ на Лыбеди, чтобы провести тамъ нѣсколько пріятныхъ часовъ, прилечь въ оочивальнѣ и уснуть крѣпкимъ сномъ. Ревнивая Рогнѣда, пылая мщеніемъ за предшочтеніе ей другихъ женъ, схватила пожъ и, по-

дойдя къ ложу своего супруга, намѣревалась поразить его; но вдругъ Владиміръ проснулся, оттолкнулъ занесенный уже ножъ и повергъ испуганную Рогнѣду къ ногамъ своимъ. Въ первомъ порывѣ гнѣва. Владиміръ рѣшился было собственною рукою казнить преступную жену. Для этого, онъ велѣлъ ей украсить брачною одеждою и, сидя на богатомъ ложѣ въ своей свѣтлицѣ, ожидать смерти. Уже гнѣвныи супругъ и судія вступилъ въ хранилище Рогнѣды, какъ младенецъ Изяславъ, наученный матерью, подавъ великому князю мечъ, сказалъ: «родитель мой, здѣсь ты не одинъ: сынъ будетъ всему свидѣтель!» Эти простые слова младенца пробудили въ сердцѣ Владиміра угасшую любовь къ Рогнѣдѣ; онъ, бросявъ мечъ на землю, сказалъ: «кто зналъ, что ты здѣсь!» Затѣмъ, собравъ бояръ, потребовалъ совѣта—какъ поступить съ Рогнѣдой: бояре посовѣтывали великому князю простить ее ради младенца Изяслава и дать имъ въ удѣлъ бывшую область Рогвольда. Владиміръ принялъ совѣтъ бояръ, удалилъ отъ себя Рогнѣду и сына ея въ городъ Изяславъ, повелѣвъ построить имъ дворецъ, а умирая—назначилъ въ удѣлъ Изяславу Полотское княжество и Витебскъ.

По смерти Владиміра, племянникъ его Святополкъ, сынъ Ярополка, овладѣлъ было кievскимъ велико-княжескимъ престоломъ, но въ свою очередь, изгнанъ отсюда Ярославомъ, подчинившимъ себя и удѣлы убитыхъ Святополкомъ братьевъ его Бориса, Глѣба и Олега.

Между тѣмъ, полотскій князь Брячиславъ Изяславичъ, негодуя на дядю своего Ярослава за то, что онъ, не выдѣляя ему части изъ захваченныхъ имъ, послѣ убитыхъ дядей его, удѣловъ, во время поѣздки Ярополка въ Кіевъ, наналъ на Новгородъ, разграбилъ его, и, встрѣтаясь на обратномъ пути съ великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, одержалъ надъ нимъ побѣду, захвативъ съ тѣмъ вмѣстѣ и супругу его. Эти обстоятельства заставили Ярослава помириться съ племянникомъ и отдать ему въ погоственное владѣніе Витьбескъ (Витебскъ) и Весьячь (м. Усвячь), съ принадлежащими къ нимъ волостями.

По смерти Ярослава и Брячислава, дѣти ихъ часто враждовали между собою изъ-за правъ на Полотское княжество, что продолжалось почти 70 лѣтъ. Обстоятельство это имѣло послѣдствіемъ сильное опустошеніе Полотскаго княжества, и цѣль сомнѣнія, что Витебскъ раздѣлялъ общую долю городовъ его. Наконецъ, по смерти Всеслава Брячиславича, Витебскъ достался въ удѣлъ третьему внуку его Давиду; Полотскъ же взялъ старшій братъ Борисъ, а Мнискъ — Глѣбъ. Такимъ образомъ, изъ одного княжества образовалось три, но всѣ они состояли подъ верховною властію полотскаго князя.

Въ 1129 году, Мстиславъ Великій, князь кievскій, обвинивъ предъ народомъ полотскихъ князей въ томъ, что они отказались идти

вмѣстѣ съ нимъ воевать противъ общихъ враговъ половцевъ, позвать ихъ въ Кіевъ. Князья, склоняясь на просьбу народа, боявшагося послѣдствій гнѣва Мстислава, пріѣхали въ столицу. Тогда великій князь отправилъ всѣхъ ихъ въ Царьградъ, къ греческому императору, съ конемъ они, по случаю женитьбы сына императора Алексѣя Комнина на дочери Всеслава Брючиславича, состояли въ родствѣ. Такимъ образомъ, хотя не надолго, отчизна Всеслава перешла къ потомкамъ Ярослава. Въ 1132 году, по кончинѣ Мстислава, изгнанные князья полотскіе, возвратясь на родину, вступили въ свои права и, пользуясь смутами сосѣдственной съ княжествомъ полотскимъ Литвы, распространили предѣлы свои до Вильно, покоривъ также и латышей.

Верховный полотскій князь Брючиславъ, или Вячеславъ, соединяя, мало по малу, подъ свое непосредственное управленіе, удѣлы, сдѣлался наконецъ единственнымъ повелителемъ Бѣлоруссін, состоящей изъ княжествъ полотскаго и витебскаго.

Въ 1238 году онъ выдалъ дочь свою Парасковію за новгородскаго князя Александра Невскаго. Въ 1245 году князь Александръ, пріѣхавъ за сыномъ своимъ, жившимъ у бабки его княгини Бѣлорусской ⁽¹⁾, гостилъ въ Витебскѣ.

По смерти Вячеслава, владѣнія его вновь раздѣлились на два княжества: полотское подпало подъ власть литовскаго князя Товтивилла, витебское досталось сыну князя бѣлорусскаго Константину Вячеславичу, участвовавшему во взятіи новгородцами, тверичанами и полочанами Дерпта или Юрьева.

Послѣднимъ удѣльнымъ княземъ витебскимъ былъ Ярославъ Васильевичъ, выдавшій, въ 1318 году, единственную дочь свою Марію за литовскаго князя Ольгерда.

По смерти Ярослава Васильевича, послѣдовавшей въ 1320 году, витебское княжество наследовала дочь его, и, такимъ образомъ, оно, послѣ двухсотъ-лѣтняго управленія князьями русскими, присоединилось къ Литвѣ.

Ольгердъ, какъ мы замѣтили уже въ первой главѣ, украсилъ Витебскъ двумя православными храмами: церковію пресвятыя Богородицы, въ Нижнемъ Замкѣ, которую и нынѣ указываютъ, и Святодуховскою, на Заручья. Вторая супруга Ольгерда, Уліанія Александровна, княжна тверская, соорудила церковь св. Іоанна Богослова и, кромѣ того, основала при Духовской церкви женскій монастырь, въ который сама поступила монахиней и тамъ же, по смерти, была погребена.

Въ 1335 году Витебскъ былъ опустошенъ страшнымъ пожаромъ ⁽²⁾.

(1) См. «Записки императрицы Екатерины II.»

(2) Изъ книги: Dzieje Polski za Władysława Jagielly i Władysława III.

По смерти Ольгерда, витебскимъ княжествомъ управляла вдовствовавшая княгиня Уліанія, а по кончинѣ ея оно досталось литовскому князю Ягелло, который поставилъ въ Витебскѣ своимъ намѣстникомъ ловчаго Феодора Весну.

Оскорбленный этимъ распоряженіемъ, братъ Ягеллы, Свидригайло, желавшій получить это княжество подъ свое управленіе, удалился къ ливонскимъ рыцарямъ, гдѣ, собравъ войско, внезапно, чрезъ лѣса, подошелъ къ Витебску, овладѣлъ имъ, захватилъ намѣстника Весну и сбросилъ его съ замковой стѣны въ Двину, гдѣ этотъ несчастный и утонулъ (1).

Разгнѣванный этимъ поступкомъ, Ягелло поручилъ своему двоюродному брату храброму Витовту, или Витольду, взять Витебскъ. Местъ совершилась; но только польза отъ нея была не для Ягелло. Въ 1396 году началась осада города. Цѣлый мѣсяць Свидригайло съ усиліемъ отражалъ храбрыя дружины Витовта; наконецъ Нижній Замокъ города былъ взятъ. Отъ сильнаго дѣйствія орудій, поставленныхъ у Благовѣщенской церкви, пали и стѣны верхняго. Изнуренный голодомъ и продолжительною осадю, гарнизонъ взбунтовался и живымъ выдалъ побѣдительно своего князя Свидригайло, который и былъ отправленъ къ Ягелло. Витовтъ же, покорившій, кромѣ Свидригайло, князей Друцкихъ и взявшій Оршу, присоединилъ княжество витебское къ Литвѣ, которою владѣлъ до своей кончины, т. е. до 1431 года.

Витольдъ былъ князь неутомимо дѣятельный и храбрый до изнеуряченія. Не разъ поражалъ онъ сосѣднихъ и дальнихъ князей русскихъ, невзирая на родство свое съ некоторыми изъ нихъ, билъ татаръ и крестоносцевъ, много разъ угрожалъ Польшѣ и, рядомъ безпрестанныхъ войнъ и блистательныхъ побѣдъ, расширилъ свои владѣнія отъ границъ исковскихъ до Галиціи и Молдавіи и отъ береговъ Оки до Сулы и Днѣпра.

Около 1426 года Витовтъ заключилъ съ князьями московскимъ, тверскимъ и рязанскимъ договоръ, соответствовавшій во всемъ его честолюбивымъ видамъ. Въ силу этого договора, князь московскій далъ слово, не помогать Новгороду и Пскову, а Тверскій и Рязанскій поклялись быть всегдашними союзниками Литвы и враговъ Витовта считать своими. Въ договорныхъ грамотахъ по этому случаю русскіе князья именовали храбраго Витовта своимъ *господиномъ*. Дѣйствительно, около этого времени, Витовтъ достигъ величайшей степени могущества, почему и началъ именоваться великимъ княземъ Литвы и Руси — *Supremus dux Lithuaniae et Russiae*. Но честолюбіе его этимъ не ограничилось. Витовтъ напрягалъ все усилія, чтобы

(1) Карамзинъ IV, примѣч. 328.

образовать изъ Литвы особое, самостоятельное королевство. Польскіе паны, боясь, чтобы Литва не взяла перевѣса надъ Польшей, открыто воспротивились замысламъ литовскаго князя. Самъ папа, принявъ сторону Польши, запретилъ ему думать о королевствѣ.

Витебское княжество постоянно раздѣляло бранные труды и славу Витовта. Въ здѣшнемъ народѣ сохранилось множество легендъ о походахъ страшныхъ дружинъ этого воинственнаго князя. Въ этихъ сказаніяхъ герои Литвы и Бѣлоруссіи возвышаются до мифа. Намъ указывали въ Ленельскомъ уѣздѣ (Витебской губерніи) множество могилъ, какъ намятниковъ бранныхъ подвиговъ Витовта. Нѣкоторымъ изъ этихъ насыпей усвоено даже имя героя, которое, конечно, долго и долго еще не изгладится въ памяти народной.

Смерть Витовта, послѣдовавшая въ 1430 году, произвела въ Литвѣ безпокояства. Король Ягелло, въ католичествѣ Владиславъ II, несмотря на неспособность брата своего Свидригайла, назначилъ ему княжество Литовское; но безпокойный и неблагодарный Свидригайло, гнѣваясь за то, что князя Буцацкіе овладѣли Подоліей, схвативъ короля среди свиты его, посадилъ въ тюрьму, а приближенныхъ разогналъ, нанеся имъ великія оскорбленія. Разгнѣванное такимъ поступкомъ Свидригайла, польское правительство угрозило Литвѣ войной, вслѣдствіе чего король былъ освобожденъ; но какъ вслѣдъ за освобожденіемъ онъ отдалъ великое княжество Литовское стародубскому князю Сигизмунду Кейстутовичу, брату Витовта, то и возгорѣлась война между симъ княземъ и Свидригайломъ.

Въ 1435 году Свидригайло направилъ свои дружины къ Витебску. Жители этого города, любя его болѣе, чѣмъ Сигизмунда, отворили ворота и приняли какъ своего князя; тѣмъ не менѣе, ожесточенный двукратнымъ изгнаніемъ, Свидригайло излилъ всю ярость своего гнѣва на приверженцахъ Сигизмунда—князь Симеонъ Ольшанскомъ и захваченномъ въ Смоленскѣ митрополитѣ Герасимѣ. Перваго онъ повелѣлъ утопить въ Двинѣ, а несчастнаго митрополита, послѣ четырехмѣсячнаго томленія въ крѣпости, публично сжегъ на одной изъ площадей Витебска. Это грустное событіе, къ всеобщей печали православныхъ жителей города, совершилось 26-го іюня того же 1435 года. Вотъ какъ записано оно у лѣтописца: «Того же лѣта, князь литовскій Ширдигело пойма митрополита Герасима въ г. Смоленскѣ, и окова тверды желѣзы, спровади въ Витебскъ, держа въ крѣпости 4 мѣсяца, соже огнемъ іюля 26-го за такую вину, что перевѣтъ на него держалъ къ князю Жигимонту, и выня у него грамоты персветныя»⁽¹⁾. Въ свою очередь, Свидригайло потерялъ пораженіе подъ Вилькомиромъ, и, потерявъ въ числѣ другихъ городовъ Витебскъ, уѣхалъ въ Москву.

(1) Карамз. Томъ V, Примѣч. 293.

Сынъ литовскаго князя Сигизмунда, Михаилъ, подойдя къ Витебску, и, не видя въ жителяхъ покорности его отцу, а равно, не будучи достаточно сильнымъ, чтобы взять замокъ приступомъ, держалъ городъ въ тѣсной осадѣ, около шести недѣль. Однакожь, на слѣдующій годъ, витебляне, потерявъ надежду на возвращеніе Свидригайлы, покорились Сигизмунду Кейстутовичу.

По убіеніи, по выраженію лѣтописца, «лютаго, немилостиваго и сребролюбиваго паче челоувѣкъ» Сигизмунда Кейстуовича Александромъ Черторійскимъ и братомъ его Иваномъ, литовское княжество, помимо сына его Михаила, перешло подъ власть королевича Казимира, сына польскаго короля Ягелло.

Въ 1440 году Казимиръ отдалъ въ удѣль новгородскому князю Юрію Семіоновичу свою вотчину Мстиславль и Кричевъ и много другихъ городовъ и областей: но не довольный этимъ даромъ, Юрій захватилъ было Смоленскъ, *Полтескъ* и *Витепльскъ*, но это оказалось «ему не полезно и людемъ на мятежь великъ и на брань, а потому той же осени убоаяся, видя свою дерзость, еже не разуміемъ сотвори, избѣже на Москву» (1).

Въ 1479 году, въ дѣтствіе родственныхъ несогласій, поселились въ Витебскъ, съ дозволенія польскаго короля Казимира, братья великаго князя московскаго Андрея и Борисъ Васильевичи.

Въ 1495 году, жители Витебска имѣли счастье принимать у себя известную по своей высокой добродѣтели, дочь московскаго государя Юанна, княжну Елену Юанновну, вѣхавшую въ Вильно для вступленія въ супружество съ великимъ княземъ литовскимъ Александромъ Казиміровичемъ. Не дозжая города двухъ верстъ, княжна была встрѣчена намѣстникомъ Витебска, княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Заславскимъ и всеми жителями. Пѣшкомъ, до самаго города, провожали экипажъ ея боярскія дѣти. Отъ моста до монастыря архангела Михаила сопровождали Елену Юанновну князь Семень Ряполовскій и Михаилъ Русалка. Тутъ, у дверей храма, встрѣтилъ ее архимандритъ, съ прочимъ духовенствомъ, и княжна, принявъ его благословеніе, пришла въ отведенныя ей палаты.

Въ 1516 году, по случаю войны между Польшею и Россіей, русскія войска держали Витебскъ въ осадѣ: но крымскіе татары и мужественное сопротивленіе поляковъ принудили снять ее. (2).

Въ 1500 году, во время нашествія крымскаго хана Менгли-Гирея, Александръ, князь литовскій, значительно укрѣпилъ Витебскъ; но, спустя два года, русскіе выжгли его предмѣстье. Такое же опустошеніе повторилось и въ 1519 году, во время похода русскихъ на Литву.

Въ 1509 году, февраля 18-го, король Сигизмундъ I подтвер-

(1) См. «Первая новгородская лѣтопись.» Стр. 113. Печатаніе 1841 г. Спб.

(2) См. «Исторію Польскаго государства.» Банке. Спб. 1830 года.

диль всё права и вольности городу Витебску, предшественниками его данныя. Изъ копій жалованной по этому случаю грамоты, хранящейся въ архивѣ здѣшней городской думы, видно: что король отказывался отъ права на церковныя доходы; городскіе жители избавлялись отъ подводной повинности; воспрещался судъ безъ опроса обвиняемаго, и въ то же время постановлялось: «*холопу и рабе веры не ияты; а обиды и sprawy даваты*»; разрешалось приносить жалобы королю; отменялись, при имѣиіи поручителей, употребленіе оковъ, конфискованіе имѣиіи, содержаніе подъ карауломъ и проч. Но витебляне, за льготы эти, обязаны были, въ случаѣ нужды, нести военную службу.

Витебскому воеводѣ не дозволилось ѣздить по волостямъ и во время охоты дѣлать поборы. Въ случаѣ покражи, воръ и его семейство отвѣчали обиженному всёмъ своимъ имуществомъ, а при недостаткѣ такового, воръ отдавался въ полное распоряженіе окраденнаго имъ лица. Отменялся сборъ въ пользу короны съ вѣсовъ и мѣръ, а виновные въ нарушеніи устава по сему предмету подвергались суду самихъ гражданъ. Относительно торговли воскомъ, сказано такъ: «*А въ котораго витеблянина забрякують воскъ въ ризь⁽¹⁾, альбо идъ индей, а прѣдемъ до Витебска, ино Витебляномъ самымъ казнить виноватаю, а намъ въ то не вступаяся*.» Далѣе предоставлялось витеблянамъ полное право распоряжаться всеми угодыми, городу принадлежащими. Отменялась *мыта*, или пошлина за провозъ товаровъ; а король не только обязывался витеблянъ никому не дарить, но еще имъ же жаловать, подъ усадьбы и на выгонъ, колнискую, михайловскую и заручевскую нахоти.

Затѣмъ опредѣлялись размѣры разныхъ сборовъ и, между прочимъ, въ случаѣ драки витеблянъ между собою, если они примирятся при участіи децкаго, т. е. королевскаго посланца, то обязаны давать въ пользу короны *замиритины*, т. е. мировую пошлину — *куницю съ шерстію*. Воевода назначался по выбору гражданъ, но утверждался королемъ; при вступленіи въ должность, онъ приносилъ присягу о непремѣнномъ соблюденіи всѣхъ этихъ постановленій.

Каждый витеблянинъ могъ свободно оставить свое жительство и переселиться куда хотѣлъ—въ Бѣлоруссію или Литву; требовалось только объявить о томъ воеводѣ и обществу. Въ случаѣ жалобы переселенцевъ на витеблянъ, разборъ дѣла производился децкимъ, а судъ произносилъ воевода, на основаніи правъ и обычаевъ города. Все, къъ бы то ни было—княземъ, бояршиномъ, слугою или мѣщаниномъ—отъ прежнихъ королей заслуженное, признавалось неотъемлемою собственностію; а наконецъ, предоставлялась полная свобода въ исповѣданіи православной вѣры, не только для русскіхъ, но для литвянъ и ляховъ.

(¹) Т. е. въ Ригѣ.

Грамота эта была подтверждаема и преемниками Сигизмунда I, именно: Сигизмундомъ II, Стефаномъ Баторіемъ и Сигизмундомъ III; но на дѣлѣ, въ отношеніи свободы православной религіи, она исполнялась слабо.

Въ 1534 году, въ царствованіе Ивана Грознаго, во время войны русскихъ съ Литвою, князь Борисъ Горбатый опустошилъ всѣ окрестности Витебска; но городъ уцѣлѣлъ.

Спустя около двухъ лѣтъ, именно въ 1536 году, князь Горенскій и Барбашинъ сожгли одинъ изъ витебскихъ посадовъ.

Въ видахъ усиленія обороны города и замка отъ часто возобновляющихся набѣговъ, въ 1559 году, по просьбѣ жителей Витебска, повелѣно было, чтобы всѣ владѣльцы недвижимыхъ имѣній несли службу «яко военную, такъ и дежаныя въ замку, съ тыхъ имѣній своихъ служили, имѣньяи своими годовиѣшними не вымвлиючиесь». ⁽¹⁾

Въ 1562 году окрестности города опустошены княземъ Курбскимъ, а въ слѣдующемъ году повторили то же русскіе: къ большому же несчастію города, моровая язва почти совершенно обезлюдила его.

Съ этой поры, городъ и замокъ начали упадать все болѣе и болѣе. Упадку послѣдняго много способствовало послѣдовавшее въ 1576 году освобожденіе жителей отъ повинности ремонтировать замковыя укрѣпленія; къ довершенію несчастія, въ 1569 году русскіе вновь сожгли большую часть кой-какъ возобновлявшагося, послѣ послѣднихъ пожаровъ, города.

Марта 17-го 1597 года, король Сигизмундъ III далъ жителямъ Витебска магдебургское право ⁽²⁾. Въ королевской грамотѣ по этому случаю, между прочимъ, сказано: «Сигизмундъ III, Божіею милостию король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, жмуидскій, мазовецкій, лифляндскій, а шведскій, кротекій, вандалскій дѣдишын король. Объявляемъ этимъ нашимъ листомъ всѣмъ вообще и каждому особо, нынѣ живущимъ и потомству ихъ, кому только знать то слѣдуетъ, что выборные славутные, т. е. мѣщане, конные поселскіе и все посполитство города нашего Витебска, пользуясь съ давнихъ временъ большими вольностями, предоставленными имъ отъ предковъ нашихъ, королей ихъ милости польскихъ и вели-

⁽¹⁾ См. «Городскія поселенія въ Россійской имперіи.» Томъ I. С.-Петербургъ, 1860 года.

⁽²⁾ Магдебургъ, германскій городъ, принадлежа къ Ганзейскому Союзу, еще въ XII вѣкѣ такъ прославился своими законами, что многія государства учредили ихъ у себя, такъ напримѣръ: Польша, Богемія, Швеція и Пруссія. Въ чемъ именно состояло управление по магдебургскому праву, видно изъ настоящей грамоты, которую, для лучшаго пониманія, мы передаемъ въ переводѣ съ древняго русскаго языка, не всѣмъ знакомаго, объясняя тѣ названія должностей и административныхъ мѣстъ, кои менѣе знакомы. Грамота эта находится въ «Книгѣ привилегій», хранящейся въ архивѣ Витебской гравской думы.

кихъ князей литовскихъ, и, не имѣя только магдебургскаго права, а состоя подѣ вѣдѣніемъ тамошняго нашего замка, не могли къ окончательному устройству и расширенію городъ нашъ привести, почему все вмѣстѣ били намъ, государю, челомъ чрезъ посланцевъ своихъ, прося, чтобы мы, для лучшаго расширенія этого пограничнаго города и умноженія въ немъ порядка, по примѣру предковъ нашихъ, освободивъ жителей Витебска отъ всякой подчиненности урядамъ замковскому и земскому, даровали бы имъ магдебургское право и милость эту своего королевскою грамотою укрѣпили. Вслѣдъ затѣмъ, ихъ милость, господа совѣтники и урядники обоего народа нашего, на настоящемъ вольномъ сеймѣ при насъ бывшіе, а также и господнигъ витебскіи воевода, вельможный Николай Сашга, письменнo свидѣтельству о вѣрнооуданническихъ чувствахъ витеблянъ и заслугахъ ихъ во время миновавшихъ войнъ съ великимъ княземъ московскимъ, склоняли насъ на милостивый приемъ просьбы жителей этого города, увѣряя, что если мы, по милости нашей, дадимъ имъ просимое право, то они, улучша быть свой, съ приобрѣтеніемъ средствъ и увеличеніемъ числа жителей, украсятъ и укрѣпятъ нашъ пограничный городъ такъ, что онъ будетъ въ состояніи противиться всякому непріятельскому нападенію. А потому, мы, государь, вѣдая то, что если достоинство монарховъ и князей увеличивается побѣдами, то тѣмъ болѣе водвореніемъ справедливыхъ законовъ, клонящихся къ умноженію народныхъ правъ (ибо справедливые законы, служа всему основой и малые города въ большіе и славные, къ полной выгодѣ для народа, превращаютъ; а гдѣ нѣтъ коренныхъ уставовъ и надлежащаго письменнаго права жители не имѣютъ, тамъ широкъ просторъ для безпорядка и множество мѣста для всеожирающаго зла и разоренія); а затѣмъ, по особой нашей королевской ласкѣ, желая положеніе нашихъ витебскихъ жителей улучшить и сравнить ихъ съ прочими главнѣйшими городами королевства польскаго и княжества литовскаго, склоняся на просьбу ихъ милостей, господъ совѣтниковъ и урядниковъ нашихъ, городъ Витебскъ, какъ основанный въ границахъ нашихъ и теперь тамъ же находящійся, и всѣхъ вообще обывателей его, а равно на предмѣстіи, по фольваркамъ и селеніямъ живущихъ, со веѣмъ ихъ имуществомъ, подданными, имѣніями и принадлежностями, отъ права земскаго великаго княжества литовскаго, отъ всякаго суда и подчиненности главнымъ трибуналамъ, также отъ власти всѣхъ воеводъ витебскихъ, начальниковъ замка, старосты, державцевъ, урядовъ, земскихъ и другихъ, и королевскихъ посланцевъ исключаемъ и навѣки освобождаемъ, а подчиняемъ ихъ суду и праву магдебургскому, и оставляемъ: что мѣщанъ города Витебска никто другой судить и власти надъ ними имѣть не будетъ, кромѣ войта, обще съ бургомистрами, райцами (т. е. совѣтниками) и лавниками (т. е. засѣдателями городского суда, выборными), по способу и указанію магдебургскихъ правъ, по

примѣру другихъ городовъ, таковыя имѣющихъ. А войта, какъ мы, такъ и потомки наши, короли польскіе и великіе князья литовскіе, имѣемъ собственной нашею властію назначать изъ дворянъ, господствующей христіанской вѣры, согласно указаніямъ права магдебургскаго. Затѣмъ, каждый войтъ, избранный нами или потомками нашими, будетъ ли назначенъ изъ высшаго, или низшаго дворянства, прежде всего долженъ принести присягу на чиненіе суда и на благопріятствование городу, оберегая цѣлость его, предотвращая потери и заботясь о приумноженіи и расширеніи народной собственности, вѣдая также и военковымъ урядомъ; на каковомъ основаніи и дали уже мы это воеводство въ досмертное управленіе помѣщику, потомственному дворянину Витебскаго воеводства Юрію Летецкому, а къ войтовству этому присоединили и село Коровайно (1), какъ и прежде принадлежавшее, и прежніе войты его удерживали и теперешній въ управленіи своемъ имѣеть, такъ и въ настоящее время это село, со всеми принадлежностями и постройками, и все то, что прежніе войты держали и какіе-либо пожитки и доходы уживали, все это въ витебское воеводство на вѣчныя времена оставляемъ и утверждаемъ.

«Войту нашему, какъ настоящему, такъ и будущему, предоставляемъ, согласно постановленію права магдебургскаго, полную власть судить, рядить и виновныхъ наказывать, какъ за всѣ уголовныя преступленія, такъ и въ обыкновенныхъ дѣлахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ позволяемъ витебскому войту избрать себѣ помощника изъ жителей города, на основаніи мѣстныхъ правъ. Обыватели витебскіе должны избрать, согласно съ магдебургскимъ правомъ и обычаями нашей столицы Вильно и другихъ городовъ, бурмистровъ, райцовъ и лавниковъ, коимъ и состоять подъ начальствомъ войта, который, принявъ отъ избранныхъ лицъ присягу, къ исправленію должности допустить и вмѣстѣ съ ними будетъ чинить судъ, лично или же чрезъ помощника своего, порядкомъ, въ правѣ магдебургскомъ указаннымъ; а мѣщане и весь народъ города Витебска, во всѣхъ уголовныхъ и обыкновенныхъ дѣлахъ своихъ, по жалобамъ и искамъ, удовлетворены будутъ не по какимъ-либо другимъ законамъ, но только на основаніи постановленій права магдебургскаго, какъ и выше упомянуто.

«А еликто-либо судомъ городского уряда останется недоволенъ, то воленъ къ намъ государю и потомкамъ нашимъ *за дворомъ* апеллировать, такъ какъ и *на дворъ* нашемъ тѣмъ же правомъ магдебургскимъ судимъ будетъ. А если бы войтъ въ судахъ высшихъ самъ, или урядники въ низшихъ — не лично, а по должности своей, кому-либо обиду причинили, тѣ повелѣніемъ нашимъ будутъ призваны къ суду предъ нами, государемъ, по праву магдебургскому, въ томъ же годѣ, въ теченіе семи недѣль, если мы будемъ въ то время въ королевствѣ

(1) Нынѣ состоитъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ.

Польскомъ, и чрезъ четыре недели, если это послѣдуетъ въ бытность нашу въ княжествѣ Литовскомъ».

Этой же грамотой опредѣлялся гербъ города. Онъ представлялъ въ голубомъ полѣ образъ Спасителя и подъ нимъ, нѣсколько ниже, красный обнаженный мечъ — «*што ся маеть разуметь кровавый*». Такой же рисунокъ предоставлялось имѣть на печатахъ урядовъ и штемпеляхъ для клейменія употребляемой въ судебныхъ мѣстахъ бумаги, а равно на городскомъ знамени.

Въ древней копіи грамоты 1597 года, хранящейся въ витебской городской думѣ, городской гербъ изображенъ въ такомъ видѣ ⁽¹⁾.

Кромѣ городского знамени, каждому цеху (т. е. ремесленной общинѣ) предоставлялось имѣть свой особый значекъ или хоругвь.

Далѣе перечислялись нѣкоторыя другія права города, между коими находилось освобожденіе разнаго рода ремесленниковъ, какъ-то: *золотарей, крапцовъ, слесарей, ковалей, котляровъ, рѣзниковъ, сыромятниковъ, кожемякъ, пекарей, гончаровъ, шевцовъ, кушнеровъ* и другихъ отъ работъ въ замкахъ, и воспрещеніе *жидамъ имѣть въ Витебскѣ ослѣдность*.

Недолго, однакожъ, витебляне пользовались магдебургскимъ правомъ: въ наказаніе за убіеніе гоштеля православія, уніятскаго архіе-

⁽¹⁾ Въ витебской городской думѣ, въ присутственной залѣ, хранится писанный на большомъ желѣзномъ листѣ масляными красками древній гербъ города, въ которомъ въ синемъ полѣ изображенъ въ профилѣ ликъ Спасителя въ сіиини, а нѣсколько ниже — окровавленный мечъ.

ископа Юсафата Купцевича, они, вмѣстѣ съ прочими преимуществами, были лишены его, въ 1623 году (1). Однакожь, преемникъ и сынъ Сигизмунда III, король Владиславъ IV, въ награду за услуги, оказанныя жителями Витебскаго воеводства, во время войны съ Россіею, именно за побѣду подъ Кошачевичами, въ 1641 году, возвратилъ имъ это право, съ тѣмъ, однакожь, условіемъ, чтобы они *навсегда оставались въ униі*. Тѣ же пзъ жителей, кои желали оставаться въ вѣрѣ своихъ предковъ, т. е. въ православіи, подчинялись власти воеводы и правомъ магдебургскимъ пользоваться не могли. Прива эти подтверждались многими преемниками короля Владислава IV, именно: Яномъ-Казиміромъ въ 1650 г., Михаиломъ Корнубуть-Вишніовецкимъ въ 1664 г., Иоанномъ III въ 1735 г., Августомъ II въ 1697 г., Августомъ III въ 1735 г. и Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ въ 1764 году. Этотъ послѣдній король, 4-го января 1767 г., подтвердилъ всѣ привилегіи, пожалованныя Витебску; со временъ Казиміра и Ягелло до его царствованія.

Какъ ни заботился Сигизмундъ III о внутреннемъ устройствѣ Витебска, по всѣ труды его оказались тщетными, потому, конечно, что, предпринимая ихъ, онъ имѣлъ въ виду единственную цѣль всей его жизни и царствованія — убить въ бѣлорусскомъ краѣ православіе, ополячить народъ его и даже посадить католицизмъ въ самомъ сердцѣ Россіи—Москвѣ. Какихъ средствъ для достиженія своей цѣли не предпринималъ этотъ инквизиторъ-іезуитъ въ королевской маптіи! Онъ не гнушался ничѣмъ: подалъ руку братскаго союза самозванцу-бродягѣ Отрепьеву, присоединивъ его предварительно къ католической церкви: обманомъ подходилъ къ престолу царей русскихъ, чтобы, прикрываясь кандидатурою роднаго сына своего, самому съѣсть на немъ; подписывая одной рукой приговоръ о прекращеніи гошенія на вѣру православную, онъ, въ то же время, уничтожалъ его другою. Последствіемъ такой политики его былъ почти непрерывный рядъ опустошительныхъ и крайне для Польши бѣдственныхъ войнъ, лишившихъ ее Ливоніи, Молдавіи и части Пруссіи, а пріобрѣтеныя отъ Россіи провинціи, по несочувствію народа, насильственно принуждаемаго къ униі, увеличивали лишь силы казаковъ, уже давно приготовлявшихся сбросить съ себя иго Польши.

Витебское воеводство, какъ пограничное съ землями русскими, болѣе другихъ испытывало всѣ невзгоды продолжительной и кровавой брани.

Въ 1616 году, во время войны съ Россіею, въ Витебскѣ возникли безпорядки, ослабѣла власть воеводы, работы по укрѣпленію замка шли плохо. Русскіе и казаки безпрестанно появлялись подъ стѣнами города, приводя въ трепеть жителей его. Въ августъ мѣсяць того же го-

(1) Подробности этого событія изложены въ 1-й главѣ этого сочиненія.

да, русскіе опустошили воеводство Витебское, сожгли Суражъ и обложили Велижъ. Вотъ что находимъ мы о состояніи въ это время города, въ письмѣ отъ витебскихъ жителей къ виленскому воеводѣ, генеральному комиссару Ливоніи, Ивану-Карлу Ходкевичу, великому гетману литовскому (1): «Съѣстныхъ припасовъ имѣемъ мало, ибо, по случаю непріятельскихъ нападений, хлѣбъ въ полѣ остался, а заготовить не можемъ: пороху не имѣемъ. Замокъ вѣхотѣ жалованья не платятъ, и та хочеть разойтись; только мы, въ числѣ нѣсколькихъ дворянъ, что находимся, и сторожимъ замокъ, въ страхѣ, нуждѣ и безпокойствѣ, ежеминутно ожидая прихода непріятели, о которомъ слышать, что онъ нарочно выслалъ, чтобы опустошить окрестности, и находится въ большомъ числѣ людей».

Въ сентябрѣ того же года, Витебскъ былъ сожженъ русскими и казачьими войсками. Члены витебскаго магистрата, донеся объ этомъ великому гетману литовскому, писали: «Городъ Витебскъ войска и казаки російскіе сожгли; между тѣмъ, солдатъ и роту гапдуковъ городъ долженъ содержать, отчего нѣкоторые мѣщане и шляхта изъ города разошлись. Не знаемъ, что дѣлать: солдатъ ли вѣемъ снабжать, гапдуковъ ли кормить, или работою заниматься, исправляя замки и городъ; тѣ же, что въ городѣ на предмѣстьи у шляхты живутъ или за ними считаются (которыхъ есть большая половина города), ограждаются вольностію дворянства въ то время, когда насиліе разрушаетъ, или опровергаетъ всѣ права, не хотятъ съ нами быть заодно, никакой стражи, ни работы въ городѣ не отправляютъ, отчего происходятъ большіе безпорядки. Между тѣмъ, квартирующіе солдаты дѣлаютъ непомерныя требованія и несправедливости, требуя съ одной службы или дома городского болѣе, нежели съ десяти службъ шляхетскихъ (дворянскихъ). А какъ теперь городскіе участки и земли стоятъ пустыремъ, такъ и съ нихъ требуютъ такой же дачи, какъ и съ тѣхъ, которые приносятъ доходы». (2)

Едва прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе коихъ Витебскъ успѣлъ залечить свои раны, какъ гетманъ Хмельницкій поднялъ въ степяхъ Украины знамя свободы, призывая всѣхъ преданныхъ вѣрѣ отцовъ къ мести полякамъ за то оскорбленіе, которое причинили они народу русскому, поруганіемъ его религіи и попраніемъ народныхъ правъ.

Возгорѣлась братоубійственная война, потекли рѣки человѣческой крови, пламя пожаровъ охватило половину Польши. Храбро защищали паны свои стародавнія права, до конца истощала Польша скудные занасы своихъ сокровищницъ, изливались въ потокахъ іезуитскаго

(1) Письмо это писано 29-го августа 1616 г., Александромъ Гурко, Адамомъ Коссовымъ, Яковомъ Тарновскимъ и Матвѣемъ Захаржевскимъ. См. «Историческія свѣдѣнія о Бѣлоруссіи.» Соч. Бель-Корниловича. С.-Петербургъ. 1833 года.

(2) Тамъ же, т. е. въ «Историческихъ свѣдѣніяхъ о Бѣлоруссіи».

краснорѣчія ксендзы, обѣщая воинамъ всевозможныя блага въ будущей жизни: но все это не повело ни къ чему. Провидѣніе склонило вѣсы правосудія на сторону такъ долго страдавшаго, подъ игомъ Польши, народа русскаго, и нѣсколько милліоновъ украинцевъ освободили наконецъ главу свою изъ ярма порабощенія; но бѣдная Бѣлоруссія все еще оставалась подъ гнетомъ польской тирании. Католическое духовенство и шляхта продолжали всѣми средствами истреблять въ этомъ краѣ православіе и убивать въ немъ русскую народность.

Храбрые казаки, соединясь съ русскими, направили свои силы къ исторженію роднаго имъ по вѣрѣ, языку и происхожденію народа бѣлорусскаго. Возгорѣлась война между Польшею и Россіею; театромъ ея сдѣлались пограничныя мѣста первой, и въ томъ числѣ витебское воеводство.

Вотъ что находимъ мы въ современномъ этомъ печальнымъ событіямъ письмѣ, отъ 23-го сентября 1654 года, Казимира-Льва Сапѣги, подканцлера литовскаго, къ князю Андрею Лещинскому, архіепископу гнѣзненскому: «Въ настоящее время добошу вашей княжеской милости, что бѣлорусскій край и въ немъ жилища наши стонутъ подъ рукою и оружіемъ москвитянъ и казаковъ: Смоленскъ, въ теченіе не малаго времени, находится въ тѣсной осадѣ и доселѣ не можетъ подать о себѣ вѣстей, ни взаимно получить, хотя и не пренебрегаются средства къ доставленію извѣстій. Домбровно, собственность его милости старости жмуйдскаго, еще держится. Мое имѣніе Горы ⁽¹⁾, за Днѣпромъ, осаждено казаками, подъ начальствомъ Золотаренка (котораго силы весьма увеличались людьми изъ могилевскихъ и шкловскихъ селеній, а также изъ Гомеля, потому что десять хоругвей войска, служившаго республикѣ на жалованьи, отдавши Гомель, покорились этому измѣннику), и около семи недѣль находится между страхомъ и надежою. *Витебскъ все еще противостоитъ московскимъ штурмамъ, въ надеждѣ на солительное подкрѣпленіе, (потому что войско, приведенное въ разстройство послѣ стычки съ непріятелемъ, не составило счастливой, еще доселѣ не собралось съ силами). Этотъ городъ желаетъ подкрѣпиться хлѣбомъ, а его казна не скоро наполняется недоимочными податями воеводства и повѣтовъ.* Дай Богъ, чтобы наши гетманы, подкрѣпленные людьми изъ войска короннаго изъ воеводствъ, не терпящихъ этого наводненія, могли въ этотъ мѣсяць сразиться съ непріятелемъ, который, вѣрно, захочетъ съ большими силами дожидаться, у Березины, переправы нашего войска и сколько-нибудь воспользуется временемъ, благопріятнымъ для военныхъ дѣйствій».

Въ другомъ частномъ письмѣ, изъ Радошковичъ, Минскаго воеводства, того же года, читаемъ: «Смоленскъ, наша главнѣйшая крѣ-

(1) Нынѣ уѣздный городъ Могилевской губерніи — Горки.

пость, уже во власти Москвы; простой народъ и шляхта въ Смоленскѣ дали присягу царю». Наконецъ, послѣ десятидневной осады Витебска войсками русскими и казаками, подъ главнымъ начальствомъ боярина и воеводы Василия Петровича Шереметьева, городъ взятъ. Побѣдители разрушили замки, убили сопротивлявшихся, взяли съ жителей огромную контрибуцію ⁽¹⁾, а плѣнныхъ разослали въ отдаленные города. Невзирая на это, промыслъ Божій, дозволившій Бѣлоруссии, въ продолженіе не многихъ лѣтъ, быть подъ одной державою съ Россіею, снова продлилъ испытаніе витеблянъ — возвращеніемъ ихъ еще разъ подъ иго иноплеменнаго и иновѣрнаго польскаго правительства.

Андрусовскимъ мирнымъ трактатомъ 30-го января 1667 г., Россія возвратила Литвѣ воеводства: мстиславское, витебское, полотское и ливонское (послѣднія три составляютъ нынѣшнюю витебскую губернію).

Съ восшествіемъ на всероссійскій престолъ императора Петра I, отношенія Россіи къ Польшѣ стали лучше; покрайней мѣрѣ, императоръ желалъ сдѣлать ихъ таковыми, будучи искренно расположенъ къ королю Августу II и разсчитывая облегчить этимъ судьбу своихъ единовѣрцевъ.

Въ 1701 году, Петръ I, отправляясь въ Биржу, для свиданія съ королемъ польскимъ, посѣтилъ, въ числѣ другихъ городовъ, на пути слѣдованія его лежавшихъ, Витебскъ, Полотскъ, Друю и Динабургъ.

Во время шведской войны, Петръ Великій не разъ бывалъ въ предѣлахъ нынѣшней витебской губерніи. Въ одно изъ этихъ путешествій, именно въ 1705 году, посѣщая изъ любопытства Полотскую уніятскую церковь, императоръ Петръ I до того былъ оскорбленъ неуваженіемъ и дерзостію уніятвъ, что нашелся въ необходимости подвергнуть виновныхъ заслуженной казни, для чего и приказалъ бывшей съ нимъ свитѣ арестовать ихъ. Это распоряженіе повлекло за собою столкновеніе подданныхъ двухъ государствъ, кончившееся смертію нѣкоторыхъ изъ нихъ ⁽²⁾.

(1) Въ эту бѣдственную для Бѣлоруссии войну, русскія войска покорили около 200 городовъ, мѣстечекъ и укрѣпленныхъ замковъ, подвергнувъ значительнѣйшіе изъ нихъ контрибуціи. Участи этой, кромѣ Витебска, подверглись Полотскъ, Минскъ и др. города. Царь Алексѣй Михайловичъ, получа отъ Золотаренка и Хованскаго доносенія о покореніи державъ его всей Бѣлоруссии и большей части Литвы, торжественно принявъ въ Москвѣ титулъ царя и самодержца *Великія, Малыя и Бѣлыя Руссиі*, «См. Исторію Руссовъ» Соч. Георгія Ковнскаго. Москва. 1846 года.

(2) Происшествіе это, въ предупрежденіе толковъ, было, по повелѣнію государя, изложено, для всеобщаго свѣдѣнія, въ особомъ меморіалѣ, изданномъ 14-го іюля 1703 г. Вотъ подлинныя слова его: «Хотя его царскому величеству отъ генераловъ своихъ, на зимнихъ квартирахъ въ Полоцку бывшихъ, довольно донесено, коимъ образомъ,

Обстоятельство это заронило въ великую душу Петра неслестное для полотскихъ уніатовъ чувство, которое едва ли не пробудилось вновь, въ бытность государя въ 1708 году въ г. Витебскѣ, во время войны съ Швеціей, за низверженіе съ престола короля Августа II и возведеніе, вмѣсто его, Станислава Лещинскаго; покрайней мѣрѣ, трудно иначе объяснить постунокъ Петра I, повелѣвшаго бывшимъ

уніатскіе духовные непрестанно съ неприятелими шведами и сапѣжницами имѣютъ тайную переписку и опасыли намѣренія противу войскъ царскаго величества, въ чѣмъ они довольные доводы чрезъ перенятія письма ихъ и предостерегательства отъ доброжелательныхъ имѣютъ, но и явно въ своихъ проповѣдяхъ (а особливо одинъ изъ нихъ, бывший подданный его царскаго величества, монахъ и отступившій отъ вѣры), всегда народъ великаго княжества Литовскаго возбуждали противу войскъ его царскаго величества и къ тайному ихъ поборенію, употребляя при томъ зѣло поносительныя слова, явно на высочайшія osoby какъ его царское величество, такъ и его королевское величество польскаго *Августа*; однакожь его царское величество, уничтожая тѣ ихъ злобы и снося великодушіемъ своимъ, никакой противности имъ учинить не повелѣвалъ. Но когда случилось его величеству идти мимо ихъ костела (церкви), и, желая видѣть ихъ церемоніи, вошелъ съ нѣсколькими знатыми особами двора своего, тогда помянутые злочестивые не токмо его величества съ подобоющею честию не приняли, но паче со великимъ безчестіемъ, котораго бы не токмо такому монарху, но и простому бѣ, чести достойному, снести отъ нихъ невозможно. Пбо егда царское величество, желая обрядовъ ихъ церковныхъ видѣть, войти хотѣлъ въ олтарь того костела, то начали оныя безчинными словами его величеству говорить: что недостойнъ ему, яго противнику вѣры, тамо вступать. Сіе, однакожь, царское величество, по благоутробію своему, снесъ, и, ничего не отвѣщая, вышелъ вонъ, и, пришедъ къ нѣкоторому тутъ же паче прочихъ украшенному образу, вопрошала ихъ чей то образъ? На что сіи злочестивцы ругательно отвѣщали: что сей образъ священномученика ихъ *Иосафата*, котораго-де ваши единовѣрцы, еретики, богоотступники и мучители, какъ и вы, убили. За сію мерзкую хулу воззвѣрясь, повелѣлъ его царское величество при себѣ тогда обрѣтающимся людямъ оныхъ хульниковъ и уличенныхъ измѣнниковъ взять и привести для осужденія, самъ же изшелъ вонъ отъ сихъ богомерзкихъ. Но оныя, видя нашихъ малолѣтство, начали симъ его царское величество людямъ противиться и кричать о помощи, такъ хотѣли еще нѣкъ нимъ изъ ихъ причету монастырскаго со оружіемъ пристали, хотя ихъ отбить, и въ томъ супротивленія нѣкоторыхъ изъ его царскаго величества людей равнли, за что оныя озлоблясь, начали сами сихъ злодѣевъ не шада рубить, такъ что четыре изъ нихъ, противъ воли царскаго величества, смертно равнли и померли, избавя себя по осужденію отъ достойной и смертной безчестной казни. Потомъ же, яко его, царскаго величества бывший подданный и измѣнникъ и вѣры отступникъ и, что еще зѣе, возмутитель народа, какъ выше объявлено, по уличеніи явномъ сихъ его преступленій, осужденъ на смерть и инымъ по образу явно, яко злодѣй, повешень. Сіе есть тако истинное воззвѣненіе того случая, еже всякому ко извѣстію да служитъ, дабы клеветники то ко вреду его царскаго величества высокой справедливости и неприятелихъ въ Рѣчи Посполитой постунокъ не могли инаго разгласити. Еже воутвержденіе моею собственною рукою и печатью подписано, и въ явную печать издано повелѣлъ, Учинено въ Вильнѣ 1708, іюля. См. «Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уни.» Соч. Бантышъ-Каменскаго.

въ арміи его казакамъ и калмыкамъ зажечь Витебскъ съ четырехъ концовъ, хотя исторія и указываетъ, какъ на поводъ къ такому наказанію, на тайную посылку шведамъ 7,000 талеровъ благопріятствовавшими королю Станиславу Лещинскому витеблянами.

Послѣ петровскаго пламени, Витебскъ обѣднѣлъ, народонаселеніе въ немъ уменьшилось, торговля упала. Однакожь, пожары, коимъ такъ часто подвергался Витебскъ, не перестали опустошать городъ и по введеніи его въ семью городовъ русскихъ.

Памятникомъ этихъ печальныхъ событій служитъ большой колоколъ православнаго кафедральнаго собора, на которомъ читаемъ слѣдующую надпись:

Wylat mie Jan Iholnik... kiedy z kosciotem
W powszechnej klęsce pożarem splonątem
Powtórne dal mi życie przez laskawość swoję
A teraz gdym nieszczęsem rospadł sie na dwoie
Od was obywatele Witebska wskrzeszony
Wasza dobrość ogłaszam radosnemi tony.

Судя по надписямъ на колоколѣ и на его языкѣ, которыя, безъ сомнѣнія, опредѣляютъ время перваго сооруженія колокола и послѣдняго возобновленія его, именно 1766 и 1818 годы, очевидно, что пожаръ, о которомъ говоритъ надпись, былъ въ тотъ же періодъ времени.

Избраный 7-го октября 1764 года на польскій престолъ король Станиславъ-Августъ, хотя обладалъ прекрасными качествами ума и сердца, не могъ, однакожь, оживить разлагающагося трупъ Польши. Государство это, благодаря внутренней неурядицѣ и политической безтактности націи, быстрыми шагами приближалось къ концу своего политическаго существованія. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, могъ сдѣлать для Польши Станиславъ-Августъ, если опъ, по словамъ Нарушевича, произнесеннымъ предъ лицомъ короля и народа, « вмѣстѣ со скипетромъ принялъ несогласіе внутри республики, слабость Польши, нищету казны, безправіе въ мѣстномъ войскѣ, опустѣлые замки, обнищавшіе города, правленіе безъ связи и рады, безтолковые сеймы и, при этихъ явленіяхъ, предшествующихъ страшному паденію государства, грозное вокругъ сосѣдство? Если (говоритъ авторъ) не могъ совладать съ такими безпорядками потомственно-наслѣдственный король Казиміръ Великій, имѣвшій въ своихъ рукахъ право суда и законодательства, войско и казну, то что добраго можетъ сдѣлать въ Польшѣ избирательная верховная власть, ограниченная въ правахъ и всегда подозрѣваемая?... Ничего болѣе, какъ только терпѣть за чужіе грѣхи и быть мишенью для выстрѣловъ ненависти, потому что на высокомъ мѣстѣ стоять.... Нечего обманывать себя: поляки никогда не имѣли правленія и никогда не были счастливы! »

Пророческія слова Нарушевича не замедлили исполниться. Скоро

началась ужасная религиозная война, или, правильнѣе рѣзня, раздуваемая фанатизмомъ польскаго духовенства. Жертвой ея пали тысячи народа обоого пола и возраста.

Православныхъ дворянъ въ Польшѣ уже оставалось мало: почти всѣ они, изъ страха или по легкомыслію и, наконецъ, изъ видовъ корысти, перешли сперва въ унию, а потомъ и въ католицизмъ. Остался лишь вѣрнымъ преданіямъ отцовъ простой народъ, въ которомъ ни время, ни страшныя угнетенія не успѣли убить національнаго духа русскаго. Изъ среды этого народа, какъ во время войнъ казачьихъ, явились предводители, которые, вооруженною рукою, стали мужественно отстаивать жизнь, свободу и вѣру своихъ отцовъ и братьевъ, — и Польша еще разъ обогрилась своею собственною кровію....

Всѣ эти ужасы заставили сосѣднія государства принять непосредственное участіе въ судьбѣ подданныхъ Польши, и договоромъ 1772 г., между прочимъ, постановлено было: присоединить къ Россіи древнее достояніе ея — земли между Днѣпромъ, Западною Двиною и Дручемъ, или, такъ называемую Бѣлоруссію, въ составъ коей находились воеводства мстиславское, витебское и части другихъ. Такимъ образомъ, Витебскъ и витебская губернія вошли въ составъ имперіи Россійской, и дальнѣйшая судьба ихъ тѣсно связана съ исторіей этого могущественнаго государства. Съ этого же времени, императрица Екатерина II начала именоваться великою княгиней полотской и витебской.

Въ первый годъ возвращенія Витебска Россіи, часть его, лежащая на лѣвой сторонѣ р. Западной Двины, причислилась къ моголевской губерніи, а лежащая на правой къ полотской⁽¹⁾ но, спустя четыре мѣсяца, согласно всенародному докладу генералъ-губернатора этихъ губерній, онъ, въ полномъ своемъ составѣ, присоединенъ къ послѣдней изъ этихъ губерній, съ назначеніемъ провинціальнымъ городомъ витебской провинціи, а 9-го октября того же года открыта въ немъ провинціальная канцелярія.

22-го марта 1777 года, бѣлорусскій генералъ-губернаторъ представилъ, что, по сдѣланному, во время первоначальнаго учрежденія бѣлорусскихъ губерній, раздѣленію всѣхъ новоприсоединенныхъ провинцій на уѣзды, нѣкоторые изъ нихъ состоятъ, по прилеглости селеній и пространству земли, изъ весьма большаго, а другіе изъ малаго числа душъ, а уѣздныя управленія не всѣ имѣютъ свое пребываніе въ городахъ или казенныхъ селеніяхъ, и нѣкоторыя остаются во владѣльческихъ поселеніяхъ. Для уравненія означенныхъ уѣздовъ въ пространствѣ и населеніи и для устраненія неудобствъ въ административномъ отношеніи, сдѣлано новое распредѣленіе уѣздовъ моголевской и полотской губерній; въ составъ послѣдней вошли тѣ же

(1) См. наказъ для управленія присоединенными къ Россіи отъ Польской республики провинціямъ. 1772 года, мая 28-го дня. Полн. Собр. Зак. т. XIX, № 13,808.

уѣзды, кои составляютъ и нынѣ, за исключеніемъ лишь Лепельскаго. При этомъ, все мѣстечки и селенія, къ коимъ приписывались уѣзды, переименованы въ города.⁽¹⁾ 10-го января 1778 года полотская губернія переименована въ намѣстничество, при чемъ Витебскъ вошелъ въ число штатныхъ городовъ его.

При соединеніи, по случаю новаго раздѣленія государства, полотской и моголевской губерній въ одну, подъ именемъ бѣлорусской, Витебскъ возведенъ на степень губернскаго города, какимъ остался и по новомъ раздѣленіи ея, 27-го февраля 1802 г., на моголевскую и витебскую.

Въ 1840 году, іюля 18-го, по случаю внесенія къ высочайшему подлинсанію проекта указа, въ которомъ моголевская и витебская губерніи названы были бѣлорусскими, императоръ Николай I, зачеркнувъ названіе бѣлорусскихъ, повелѣлъ переписать указъ, съ поименованіемъ въ немъ каждой губерніи отдѣльно: витебской и моголевской; при этомъ послѣдовала собственноручная высочайшая резолюція: «*правила сего держатся и впредь, никогда иначе не прописывая, какъ поименно губерніи.*»⁽²⁾

Въ 1781 году Витебску усвоенъ гербъ города Полотска, отличающійся только тѣмъ, что въ нижней части имѣеть красное, съ серебряными полосами, поле. Гербъ этотъ представляетъ щитъ, украшенный императорской короной; въ верхней половинѣ его изображена въ золотомъ полѣ половина чернаго двуглаваго орла, императорской короной въпчаннаго, а въ нижней—полосатомъ красномъ, съ серебромъ, полѣ скачущій на бѣломъ конѣ всадникъ, держащій въ правой рукѣ поднятый обнаженный мечъ, а въ лѣвой овалыный красный щитъ, съ изображеніемъ на немъ двухъ крестовъ.

Въ 1778 году, февраля 21-го, планъ города Витебска удостоенъ высочайшаго утвержденія.

Въ 1785 году мудрая государыня дала, въ числѣ прочихъ городовъ имперіи, и Витебску подробное городское положеніе, которое и нынѣ служитъ прекраснымъ памятникомъ просвѣщенной, истинно материнской заботливости ея облагѣ своихъ подданныхъ. Экземпляръ

(1) Полн. Собр. Зак. т. XX, № 14,603. Такъ какъ по присоединеніи Бѣлорусіи къ имперіи въ 1772 году, между Литвой и Россіей назначена была границей р. Западная Двина, то и Лепель, какъ лежащій по лѣвую сторону ея, остался во владеніи Литвы, въ составѣ коей находился до окончательнаго присоединенія ея къ Россіи. Въ этотъ періодъ времени, уѣзднымъ городомъ Лепельскаго уѣзда было назначено м. Уначь, куда, по распоряженію польскаго правительства, были переведены все судебныя мѣста.

(2) «Городскія поселенія въ Россійской имперіи.» 1860 года. Томъ I-й.

положенія, переплетенный въ малиновый бархатъ и украшенный серебрянымъ позлащеннымъ и императорскою короною вѣнчаннымъ вензелевымъ изображеніемъ имени государыни, благоговѣнно хранится въ думѣ, на память и назиданіе грядущимъ поколѣніямъ.

Вислѣдствіи времени, по видамъ правительства, положеніе это измѣнялось и дополнялось много разъ, но сущность его всегда оставалась, а 2-го апрѣля 1801 года императоръ Александръ I всемподлиннѣйшимъ манифестомъ благоволилъ вновь утвердить и возстановить городское положеніе и грамоту императрицы Екатерины II, городамъ данную.

1804 года декабря 20-го, по штату полиціи города Витебска, ежегодная издержка на жалованье полицейскимъ чинамъ опредѣлена въ 3,180 р. При этомъ повелѣно: воинскую команду заимствовать изъ губернской роты, не прибавляя къ оной другихъ чиновъ: сумму, потребную на пожарные инструменты, лошадей, освѣщеніе города, содержаніе ночныхъ и пожарныхъ служителей, ежегодно опредѣлять въ ноябрѣ мѣсяцѣ, по общему положенію гражданскаго губернатора, полицеймейстера и думы, такъ, чтобы она на каждый годъ, по примѣру расходовъ прошедшаго, была съ точностію назначена, въ сроки по удобности расписана и на городскіе доходы или на обывателей уравнительно разложена, предоставляя, впрочемъ, обывателямъ на волю, натурою ли исправлять отъ себя нѣкоторыя изъ сихъ повинностей, какъ-то: освѣщеніе улицъ и поставку пожарныхъ и ночныхъ служителей, или денежною складкою и наимомъ. (1)

1831 года, января 1-го, повелѣно: ввести въ витебской губерніи, какъ по правительственной, такъ и по судебной части, тотъ самый порядокъ, который наблюдается во внутреннихъ областяхъ государства, на точномъ основаніи общаго для управленія губерній учрежденія и прочихъ изданныхъ узаконеній, прекративъ отнынѣ на всемъ пространствѣ витебской губерніи дѣйствіе постановленій литовскаго статута. (2)

Жители г. Витебска издавна отбывали подводную повинность не натурою, но посредствомъ денежныхъ складокъ, чрезъ подрядчиковъ. Такой способъ отбыванія подводной повинности приносилъ пользу и для обывателей и взимающихъ подводы: первые вносили въ годъ съ души необременительную плату и избавлялись отъ неудобствъ и стѣсненій при экстренномъ наимѣ лошадей, а приходящіе вонска и арестанты получали отъ подрядчика безъ остановки потребное количество лошадей. Въ 1835 году, губернское правленіе циркулярно предписало отбывать подводную повинность, на основаніи ст. 577 т. I Св. Зак., натурою. Витебской городской голова, отъ имени

(1) Полн. Соб. Зак. т. XXVIII, № 21,364.

(2) Тамъ же, т. VI, № 4,233.

христіанскаго и еврейскаго обществъ, ходатайствовали объ оставленіи прежняго порядка въ отбываніи подводной повинности, ссылаясь на то, что жители г. Витебска, не имѣя собственныхъ земель и не занимаясь хлѣбопашествомъ, и притомъ будучи бѣдны, не могутъ покупать и содержать лошадей. Вслѣдствіе сего 24 ноября 1836 года повелѣно: дозволить жителямъ г. Витебска исправлять подводную повинность посредствомъ денежнаго сбора чрезъ подрядчиковъ. ⁽¹⁾

1839 года сентября 9-го, издано положеніе о постоянной повинности въ г. Витебскѣ. Повинность эта удовлетворяется обывателями города взносомъ денежной суммы. Для уравненія денежнаго сбора на постоянную повинность, всему состоящему въ Витебскѣ недвижимому имѣнію обывателей, обязанныхъ сею повинностію, производится оцѣнка. Въ оцѣнку входятъ: дома, лавки, мѣста, сады и другое сего рода недвижимое имущество, въ г. Витебскѣ находящееся. Оцѣнкѣ не подвергаются: 1) всѣ казенныя зданія, состоящія въ вѣдѣніи губернской строительной комиссіи; 2) зданія и дома, принадлежащія мѣстамъ и лицамъ, освобождающимся отъ постоянной повинности по ст. 619 т. IV Св. Зак., на точномъ основаніи правилъ того указація; 3) дома богоугодныхъ заведеній и другія зданія, кои употребляются для нуждъ общественныхъ, какъ-то: для помѣщенія думы, магистрата, для военнаго постоя въ патурѣ, буде съ сего цѣлію куплены или устроены. Для удовлетворенія постоянной повинности, обыватели со всей той суммы, во что оцѣнено будетъ недвижимое ихъ имущество въ г. Витебскѣ, вносятъ ежегодно по одному проценту съ рубля; если бы сбора сего было недостаточно, то оныи, по предварительномъ соображеніи, можетъ быть увеличенъ до полутора процента, съ разрѣшенія главнаго мѣстнаго начальства. Граждане, не имѣющіе въ г. Витебскѣ домовъ и другаго недвижимаго имѣнія, но постоянно тамъ пребывающіе и, на основаніи узаконенія, обязанные квартирною повинностію, вносятъ на отправление сей повинности по двадцати-пяти процентовъ съ податнаго рубля, въ казну ими платимаго. Процентный сборъ ежегодно определяется: съ купцовъ—платежемъ ими гильденскихъ пошлинъ, а также на городскія и земскія повинности; съ мѣщанъ и гражданъ—подушнымъ ихъ окладомъ. Платежу процентнаго сбора не подвергаются: 1) всѣ тѣ строенія и земли, которыя изъяты отъ оцѣнки (см. выше); 2) дома, принадлежащія служащимъ воинскимъ чинамъ и ихъ женамъ, въ конхъ они сами живутъ, ибо самое пребываніе сихъ лицъ въ своихъ домахъ замѣняетъ постоянную повинность, и они не получаютъ тогда отъ города ни постоя въ патурѣ, ни возмѣщенія онаго деньгами; 3) строенія и земляныя участки, съ конхъ доходъ постунаеть въ думу на пользу общественную; 4) строенія, сады, огороды и земли, оцѣненные ниже ста рублей. Дома, лавки и дру-

(1) Полн. Соб. Зак. т. XI, № 9,730.

гія хозяйственныя заведенія, обывателями вновь выстроенныя, на основаніи устава о повинностяхъ, т. IV Св. Зак., пользуются отъ платежа процентнаго сбора льготою; именно: при возведеніи построекъ каменныхъ—8 лѣтъ, каменныхъ съ деревянною надстройкою—6 лѣтъ, деревянныхъ на каменномъ фундаменѣ—5 лѣтъ, деревянныхъ безъ каменнаго фундамента 4 года. Вообще положеніе 1839 г. сентября 9-го, опредѣляетъ: 1) правила оцѣнки имѣній; 2) порядокъ сбора денегъ на квартирную повинность; 3) порядокъ удовлетворенія квартирными деньгами; 4) составъ квартирной комиссіи и порядокъ храненія денежныхъ суммъ; 5) отчетность въ суммѣ, на квартирную повинность собираемой. (1)

1841 г. декабря 24-го, для преподанія способовъ къ вяцшему распространенію торговли и промышленности въ западномъ краѣ Россіи, объемлющемъ губерніи мѣстныя, витебскую, минскую, виленскую, гродненскую, кievскую, вольнскую, подольскую и область бѣлостокскую, и для возвышенія чрезъ то благосостоянія тамошнихъ городовъ, повелѣно: 1) купцовъ, мѣщанъ и вообще людей свободнаго состоянія и христіанскаго исповѣданія, принадлежащихъ къ другимъ, выше не поименованнымъ, губерніямъ и имѣющихъ право на переходъ въ городское сословіе, если кто изъ нихъ пожелаетъ приписаться, съ постояннымъ притомъ въ мѣстахъ приниски водвореніемъ, въ городахъ или имѣющихъ думы либо ратуши мѣстечкахъ, казенныхъ и помѣщичьихъ, западнаго края, въ послѣднихъ съ согласія ихъ владѣльцевъ, допускать къ сему съ одними свидѣтельствами мѣстныхъ начальствъ, что по существующимъ правиламъ, не представляется никакихъ къ ихъ переходу препятствій, что они не подвергались наказаніямъ по суду за преступленія и что тѣ изъ нихъ, которые обязаны рекрутскою повинностію, не состоятъ ни на первой, ни на второй очереди, не требуя затѣмъ на причисленіе ихъ согласія отъ новыхъ обществъ. 2) Водворившимся на сѣмъ основаніи, предоставить слѣдующія облегченія: а) въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ, считая срокъ сей съ 1-го января 1842 по 1-е января 1867 года, каждый изъ нихъ увольняется, на пятнадцать лѣтъ, отъ всѣхъ слѣдующихъ въ казну податей и повинностей, равно какъ и отъ повинности рекрутской, если кто, по званію своему, оной подлежитъ; б) купцы, при упомянутой льготѣ, сохраняютъ торговыя права той же гильдіи, въ которой каждый, до перехода, своего состоялъ; а лица, не состоящія въ гильдіяхъ, причисляются, по новому водворенію, въ мѣщане. Но тѣмъ изъ сихъ послѣднихъ, которые, своимъ иждивеніемъ и для собственнаго употребленія, устроятъ или покупкою пріобрѣтутъ въ мѣстахъ новаго водворенія дома или торговыя и мануфактурныя заведенія, какъ-то: лавки, заводы, фабрики и т. п., въ продолженіе

(1) Полн. Собр. Зак. т. XIV, № 12,677.

означеннаго пятнадцатилѣтняго льготнаго срока даруется, безъ платы гильдейскихъ повинностей, право торговли: если таковыя зданія и заведенія будутъ стоить не менѣе семи тысячъ р. сер., то по первой гильдii, если свыше трехъ тысячъ, то по второй, и если свыше тысячи руб., то по третьей гильдii. Дѣйствительные купцы третьей гильдii, при тѣхъ же условіяхъ, пользуются торговыми правами второй, а купцы второй гильдii, правами первой. Въ случаѣ смерти начальника семейства, даруемая льгота, до истеченія каждому срока оной, распространяется и на вдову, дѣтей и прочихъ родственниковъ, къ семейству принадлежащихъ, пока они остаются въ предѣлахъ тѣхъ губерній, для коихъ льгота сія постановлена. ⁽¹⁾

1845 г., февраля 11-го, для вящаго пособія витебской губерніи, въ отношеніи къ обезпеченію продовольствія жителей ея, разрѣшено выдавать помѣщичьимъ крестьянамъ и мѣщанамъ на отлучки для заработковъ, по витебской и соседнимъ съ нею губерніямъ, безденежные, на простой бумагъ, паспорты. ⁽²⁾

1850 г. января 28-го, повелѣно: въ г. Витебскѣ, въ кварталахъ, показанныхъ въ планѣ подъ № 11 и по линіи № 12, деревянныхъ построекъ не дозволять, и впредь возводить здѣсь одни каменные строенія. ⁽³⁾

1855 г., января 20-го, повелѣно: въ г. Витебскѣ, въ кварталахъ по плану № 11 и по линіи № 12, въ которыхъ деревянныя постройки воспрещены закономъ, въ случаѣ просьбъ жителей, дозволить существующіе деревянные дома поддерживать починкою и устроить на нихъ новыя крыши, но въ тѣхъ токмо случаяхъ, если поврежденія въ этихъ домахъ произойдутъ отъ пожара, грозы или тому подобныхъ непредвидимыхъ обстоятельствъ, и ежели притомъ дома эти еще прочны и требующіеся въ нихъ исправленія не составляютъ капитальныхъ передѣлокъ, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не допускать. ⁽⁴⁾

1858 г. февраля 26-го, повелѣно: дозволить домовладѣльцамъ г. Витебска, не могущимъ, по дѣйствительной бѣдности, возводить во дворахъ своихъ каменные службы, въ кварталахъ, назначенныхъ по плану города исключительно подъ каменные дома, строить службы деревянныя, но только холодныя, т. е. безъ печей, длиною не свыше двѣнадцати сажень, съ узаконеннымъ притомъ отъ смежныхъ строеній разрывомъ въ четыре сажени и отнюдь не выходя фасадомъ на улицу, по которой всѣ строенія должны оставаться каменныя.

⁽¹⁾ Полн. Собр. Зак. т. XVI, № 15.143.

⁽²⁾ Тамъ же, т. XX, № 18.726.

⁽³⁾ Тамъ же, т. XXV, № 23.880.

⁽⁴⁾ Тамъ же, т. XXX, № 28.962.

ГЛАВА III.

Войска 1-й русской армии оставляют дриссенскій лагерь и направляются къ Витебску. — Расположеніе нашихъ войскъ у Витебска. — Движеніе французской армии къ этому городу. — Предположеніе Барклая-де-Толли. — Направленіе главныхъ силъ Наполеона къ Витебску. — Авангардное дѣло отрядовъ Мюрата и графа Остермана. — Сраженіе съ французами у Витебска на р. Лучосъ 14-го іюля 1812 года. — Битва 15-го числа и отступленіе русской армии къ Смоленску. — Вступленіе Наполеона въ Витебскъ, пребываніе и распоряженія его тамъ. — Отрывокъ изъ пѣсни бѣлоруссовъ о двѣнадцатомъ годѣ. — Опустошеніе города французами и вообще послѣдствія войны для витебской губерніи и Витебска. — Взятіе русскими войсками Витебска 26-го октября 1812 года и изгнаніе оттуда французовъ. — Холера 1831 года и смерть цесаревича великаго князя Константина Павловича. — Церемоніаль отправления тѣла въ Божь почившаго цесаревича въ Петербургъ. — Ураганъ 1855 года. — Пожары 1861 года. — Мятельные замыслы польскаго населенія въ 1862 году. — Витебскъ на военномъ положеніи. — Погребеніе рядоваго Гриценка. — Заключеніе.

Изъ позднѣйшихъ событій наиболее памятни для Витебска 1812 и 1831 годы.

Въ эпоху отечественной войны, Витебскъ и витебская губернія раздѣляли общее бѣдствіе государства; но на долю этого края досталась также и часть славы, покрывшей неизгладимымъ блескомъ русское оружіе.

На военномъ совѣтѣ, при главнѣйшій квартирѣ 1-й армии, въ городѣ Дриссѣ (витебской губерніи), составленномъ, въ присутствіи Императора Александра I, изъ главнокомандовавшаго 1-й арміею Барклая-де-Толли, графа Аракчеева, принца Георгія Ольденбургскаго, князя Волконскаго и Вольцогена, положено было оставить дриссенскій лагерь, какъ по неудобству его, такъ и по невозможности соединить въ этомъ мѣстѣ 1-ю и 2-ю арміи, къ разобщенію которыхъ стремился Наполеонъ. Затѣмъ, согласно предложенію принца Александра Виртембергскаго, поддержанному Барклаемъ, принято было, чтобы первая армія направилась къ Витебску, гдѣ, занявъ выгодную позицію, ожидала бы прибытія второй. Въ исполненіе этого проэкта, 8-го іюля, войска 1-й армии выступили двумя колоннами къ Витебску, гдѣ и сошлись 11-го числа. Въ этотъ же день, 3-й, 4-й и 5-й пѣхотные и 1-й кавалерійскій корпуса, переправясь на лѣвую сторону Двины, расположились по дорогѣ, идущей въ мѣстечко Бѣшенковичи, на берегу Лучосы, впадающей у самаго Витебска въ Западную Двину. 2-й же пѣхотный и 2-й кавалерійскій корпуса остались на правой сторонѣ

Двины у Витебска, а 6-й пѣхотный у Старого Села (въ 20 верстахъ отъ города, на полотскомъ почтовомъ трактѣ); сзади его, на полу-переходѣ, расположился 3-й кавалерійскій корпусъ. Главная квартира 1-й арміи находилась въ Витебскѣ. Французская армія также направила силы свои къ этому городу. Мюратъ, съ корпусомъ Нея, тремя дивизіями Даву и кавалеріи Нансuti и Монбрюна, переправивъ у Дисны, на правую сторону Двины, корпусъ Монбрюна, съ остальными войсками продолжалъ подвигаться чрезъ Уду къ Бѣшенковичамъ (оба мѣстечка Лепельскаго уѣзда, витебской губерніи). Въ то же время Удино достигнулъ города Дриссы и разоривъ тамошній укрѣпленный лагерь, направился къ Полотску. Гвардія и 4-й корпусъ вице-короля, вмѣстѣ съ войсками Мюрата, также подоспѣли 12-го іюля въ мѣстечко Бѣшенковичи, куда въ тотъ же день пріѣхалъ и Наполеонъ. Корпусъ Сен-Сира оставался во время этихъ передвиженій назади, въ Ушачѣ.

Расположивъ, 11-го іюля, главныя силы 1-й западной арміи на рѣчкѣ Лучосѣ, Барклай-де-Толли, разсчитывая, что князь Багратионъ занялъ уже Могилевъ, не только считалъ возможнымъ соединеніе обѣихъ армій, но даже надѣялся перейти къ наступательнымъ движеніямъ. Между тѣмъ, 12-го іюля, Наполеонъ, выславъ изъ мѣстечка Бѣшенковичъ, для преслѣдованія Дохтурова, корпусъ Монбрюна, направилъ главныя свои силы лѣвою стороною Двины къ Витебску. Барклай-де-Толли, извѣстясь объ этомъ, отрядилъ въ Островно генераль-лейтенанта Остермана, съ цѣлю задержать наступленіе непріятели и тѣмъ выиграть время. Графъ Остерманъ встрѣтилъ, въ семи верстахъ отъ Витебска, шедшій въ авангардѣ войска Нансuti. На разсвѣтѣ 13-го іюля, Мюратъ, принявъ начальство надъ корпусомъ Нансuti, выступилъ къ Островно. Сильный непріятелискій авангардъ, двигаясь по этому направленію, встрѣтился съ двумя эскадронами нашихъ лейбъ-гусаръ и шестью орудіями и, разсѣявъ первыхъ, захватилъ послѣднія.

Съ прибытіемъ главныхъ силъ Мюрата, завязалось общее дѣло между корпусами вице-короля и графа Остермана. Ожесточенный бой продолжался нѣсколько часовъ; войска наши, невзирая на значительно-численный перевѣсъ непріятели, не уступили ему поля битвы, и Остерманъ не счелъ даже нужнымъ вводить въ дѣло присланный къ нему въ помощь корпусъ Уварова и 3-ю пѣхотную дивизію Коновницына.

Въ 8 часовъ утра 14-го іюля, Мюратъ съ войсками Нансuti и Дельзоне, подойдя къ позиціи нашей 3-й пѣхотной дивизіи, почти одновременно атаковалъ оба фланга ея. Атака лѣваго фланга два раза, съ значительнымъ для непріятели урономъ, была отбита; но за то Гюаръ опрокинулъ баталіоны нашего праваго фланга. Затѣмъ непріятель, введя въ дѣло всѣ свои силы, угрожалъ центру нашей позиціи, отчего

батарея, стоявшая въ срединѣ линіи, подверглась большой опасности, но была выручена храбрыми полками черновскимъ и кексгольмскимъ. Эта неудача заставила французовъ вновь обратиться на наши орудія. Въ этотъ разъ они успѣли захватить три изъ нихъ, но черниговцы, быстрымъ ударомъ въ штыки, съ честью возвратили потерю. Наконецъ Коновницынъ приказалъ отступать. Непріятель, видя позади дивизіи его корпусъ Остермана, не рѣшился преслѣдовать. Въ это самое время прибылъ на мѣсто сраженія Наполеонъ, и французскія войска, командуемая императоромъ, снова начали наступленіе. У селенія Комары возобновилось сраженіе, при чемъ Коновницынъ, имѣя у себя только 9 тысячъ пѣхоты и 3 тысячи кавалеріи, удержался на позиціи до 5 часовъ вечера, хотя имѣлъ противъ себя 20 тысячъ непріятельскаго войска, одушевленнаго присутствіемъ императора. Отступивъ къ Добрейску и соединившись здѣсь съ Тучковымъ, Коновницынъ отошелъ за р. Лучосу. Наполеонъ остался ночевать у д. Какувачина, а Мюратъ, не доходя 8 верстъ до Витебска, у Добрейки.

Между тѣмъ, обнаружилось, что князь Багратионъ не успѣлъ занять Могилева, и потому Барклай-де-Толли рѣшился на отступление къ Смоленску. Но какъ подобное движеніе, въ виду многочисленной непріятельской арміи, было дѣломъ чрезвычайно труднымъ, то главнокомандующій, желая замаскировать свой планъ, поручилъ графу Палену, имѣвшему въ своемъ распоряженіи до 14 баталіоновъ, въ копѣхъ едва было 4 тысячи человекъ, 32 эскадрона и 2 казачьихъ полка, при 40 орудіяхъ, задержать непріятеля на пути къ Витебску. Въ этихъ видахъ, графъ Паленъ занялъ, въ 8 верстахъ отъ города, позицію, прикрытую съ фронта незначительной рѣчкой, впадающей въ Двину. Правый флангъ его былъ защищенъ самой Двиной, а лѣвый оставался совершенно открытымъ. Мѣстность, стѣсненная съ одной стороны рѣчкой, а съ другой поросшими лѣсомъ высотами, была крайне неблагопріятна для расположенія кавалеріи; но перемѣнить позицію было уже поздно.

15-го іюля, на разсвѣтъ, Нансути двинулъ войска свои по дорогѣ къ Витебску. Пройдя версты двѣ, непріятель открылъ нашъ арріергардъ, за коимъ вдали видѣлись главныя силы 1-й арміи. Подходя къ сожженному наканунѣ войсками нашими мостику, непріятель, невзирая на огонь нашей гвардейской конной артиллеріи, началъ возобновлять его. Работа моста, хотя и съ большой для непріятеля потерей, кончилась. 16-й конно-егерскій полкъ и двѣ стрѣлковыя роты 9-го линейнаго полка перебѣжали чрезъ мостъ и, кинувшись налѣво, значительно отдѣлились отъ прочихъ войскъ. Графъ Паленъ, пользуясь этимъ, атаковалъ непріятельскій отрядъ лѣнбъ-казаками и двумя эскадронами сумскаго гусарскаго полка. Невзирая на заливъ французскихъ егерей, казаки и гусары быстрымъ натискомъ опрокинули

ихъ въ оврагъ и кинулись на стрѣлковъ. Обѣ непріятельскія роты мгновенно были окружены нашей конницей и притиснуты къ оврагу; но 53-й французскій линейный полкъ выручилъ ихъ. Наполеонъ, слѣдившій заходомъ дѣла, подъѣхавъ къ стрѣлкамъ, спросилъ: «Какого вы полка?» — «9-го линейнаго, и всѣ парижане?», отвѣчали они. — «Вы молодцы, и каждый изъ васъ достоинъ креста.» — И затѣмъ пѣгая, безхвостая лошадка умчала Наполеона, при громкихъ крикахъ: «да здравствуетъ императоръ!»

Между тѣмъ, войска генерала Бруссе, построеныя въ полковыя каре, съ артиллеріей въ интервалахъ, силились подвинуться впередъ, но всякій разъ были отталкиваемы рѣшительными атаками нашей конницы. Наконецъ, когда Наполеонъ ввелъ въ дѣло всю кавалерію Нансуги и пѣхоту Дельзона, графъ Паленъ, признавъ невозможнымъ удержаться противъ столь превосходныхъ силъ, въ пятомъ часу полудни отступилъ за Лучосу. Сраженіе подъ Витебскомъ дорого обошлось какъ намъ, такъ и непріятелю. Здѣсь убито съ нашей стороны 827 человекъ, ранено 1,855 и безвѣстно пропало 1,082, а всего 3,764 человека. Уронъ непріятеля простирался до 3,704 человекъ, изъ числа коихъ 300 человекъ захвачены нами въ плѣнъ.

Главнокомандующій Барклай-де-Толли, донося государю императору о дѣлахъ подъ Витебскомъ, писалъ: «Войска Вашего Императорскаго Величества, въ теченіе сихъ трехъ дней, съ удивительною храбростію и духомъ сражались противъ превосходнаго непріятеля. Они дрались какъ россияне, пренебрегающіе опасностями и жизнью за государя и отечество. Я не рѣшу, войскамъ ли авангарда 4-го корпуса, или 3-й дивизіи, отдать предъ другими преимущество: всѣ соревновали въ мужествѣ, усердіи и храбрости; особенно отличился лейбъ-гусарскій полкъ. «Одни неблагопріятныя обстоятельства, не отъ 1-й арміи зависящія, принудили ее къ отступленію, коимъ она, въ военномъ смыслѣ, можетъ тщеславиться, производивъ оное, въ виду превосходнѣйшаго непріятеля, удерживаемаго малымъ авангардомъ, въ начальствѣ графа Палена состоящимъ.»

Ровно въ четыре часа, армія наша начала отступленіе къ Смоленску, идя тремя колонами по суражской, порѣчской и руднянской дорогамъ. Арьергардъ же графа Палена оставался на Лучосѣ до разсвѣта слѣдующаго дня. Разведенные имъ огромные бивуачные огни укрѣпили Наполеона въ надеждѣ сразиться наконецъ съ главными силами русской арміи.

Только утромъ Наполеонъ понялъ, что былъ обманутъ. Отправивъ отрядъ для преслѣдованія нашего арьергарда, императоръ началъ приготовляться къ торжественному вступленію въ оставленный, а не взятый съ боя, городъ.

А, между тѣмъ, непріятельская кавалерія, неосторожно пре-

слѣдуя нашъ аріергардъ, потерпѣла пораженіе при Агапоновщинѣ. Французскія войска, назначенныя къ занятію города, будучи истомлены недостаткомъ въ провіантъ и фуражъ, изнемогая отъ зноя, были очень рады, увидѣвъ возможность отдохнуть и собраться съ силами.

Нѣтъ чувства волновали бѣдныхъ жителей Витебска. Слухъ о скоромъ вступленіи французовъ поразилъ ихъ ужасомъ. Отцы и матери съ любовію и отчаяніемъ прижимали къ своей груди дѣтей, тренеща за ихъ участь. Всѣ суетились, закапывая въ землю свои драгоценности; всю ночь никто ни на мгновеніе не могъ сомкнуть глазъ. По дорогѣ въ Невель тянулся нескончаемый обозъ съ пожитками жителей, имѣвшихъ возможность оставить городъ. Въ Витебскѣ остались почти одни жида, привыкшіе каждаго побѣдителя считать своимъ законнымъ повелителемъ, да нѣкоторые изъ поляковъ, рассчитывавшіе на покровительство своихъ единовѣрцевъ, измѣнически ставшихъ въ ряды непріятельской арміи.

На разсвѣтъ 16-го іюля, эскадронъ французскихъ егерей и эскадронъ мамелюковъ, въѣхавъ въ Витебскъ, приступили къ назначенію квартиръ для штаба императора и вышнихъ офицеровъ. Часа чрезъ два, начали вступать въ городъ пѣхотные полки, кои и выстроились по сторонамъ Заручевской, Замковой и Смоленской улицъ. Здѣсь солдаты скинули съ себя ранцы, поставили въ козла ружья и ожидали пріѣзда императора, который, ровно въ 7 часовъ утра, въѣхалъ въ Витебскъ, сопровождаемый многочисленной блестящей свитой. Наполеонъ поверхъ мундира, украшеннаго звѣздами, имѣлъ сѣрый стуртукъ; голову его прикрывала треугольная шляпа безъ пера. Проѣхавъ между рядомъ войскъ, привѣтствовавшихъ его громкимъ крикомъ: *vive l'Empereur!* Наполеонъ проскакалъ чрезъ городъ, привѣтливо отвѣчая на поклоны жителей, за смоленскую заставу, гдѣ, осмотрѣвъ окрестную мѣстность, возвратился въ отведенный ему домъ. Войдя въ комнату, онъ отстегнулъ свою шапку, и, брося ее на столъ, покрытый картою Россіи, сказалъ: «Я здѣсь остановлюсь, ознакомлюсь съ мѣстностію, соединю корпусъ моей арміи, дамъ ей отдохнуть и устрою Польшу. Военныя дѣйствія кампаніи 1812 года кончены; будущій годъ кончитъ остальное».

Пока часть главной арміи Наполеона проходила чрезъ Витебскъ, чтобы слѣдовать въ дальнѣйшій путь по направленію къ Смоленску, императоръ, хорошо познакомившись съ городомъ, принялъ мѣры къ временному укрѣпленію его, на случай атаки съ нашей стороны. Въ этихъ видахъ построены были на нѣкоторыхъ улицахъ баррикады, состоявшія изъ высокаго остроконечнаго частокола, предъ коимъ насыпался земляной валь. Такого рода укрѣпленія были сооружены на Заручевъ—у еврейской синагоги; на Задубовъ—предъ мостомъ; близъ смоленской заставы и въ зарѣчной части, возлѣ церкви св.

Симеона, окна которой превращены въ амбразуры для стрѣльбы изъ орудій, помѣщенныхъ внутри храма. Кромѣ того, для устройства площади предъ дворцомъ, сломано нѣсколько частныхъ деревянныхъ построекъ и стѣны строившейся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ цвѣтникъ, каменной Преображенской церкви. ⁽¹⁾ Домъ дворянскаго собранія обращенъ въ военную пекарню. Нѣсколько печей для приготовления войскамъ хлѣба устроены на площадкѣ, предъ этимъ же домомъ находящейся. Успенскій соборъ превратился въ военный госпиталь. Воскресенская Рынковская церковь вмѣстила въ себя запасы сѣна и соломы. Въ Воскресенской — Заручевской поставлены жернова для перемола хлѣба. Монастырь Бернардиновъ замѣнилъ провіантскій магазинъ, а старая Борисоглѣбская церковь, уединенно стоящая надъ берегомъ Двины, сдѣлалась вмѣстилищемъ пороха и прочихъ огнестрѣльныхъ припасовъ. Послѣ этихъ хозяйственныхъ распоряженій, Наполеонъ, все время пребыванія его въ Витебскѣ, дѣлилъ между военными занятіями и устройствомъ въ Литвѣ и Бѣлоруссін мѣстнаго управленія.

Каждое утро, въ 6 часовъ, на вновь устроенной дворцовой площади, производился разводъ, на коемъ присутствовала весь штабъ императора. Разъ или два въ день, Наполеонъ, сопровождаемый многочисленной свитой и двумя-тремя эскадронами мамелоковъ или польскихъ улановъ, проѣзжалъ по улицамъ и окрестностямъ города.

Въ воскресные и праздничные дни, императоръ слушалъ обѣдню въ домашней церкви, нарочно устроенной въ одной изъ комнатъ дворца. Литургію совершалъ ксендзь Полонскій, тотъ самый, который произнесъ въ іезуитскомъ костелѣ рѣчь, приглашая жителей города присягнуть въ вѣрнопопданствѣ императору французовъ. Принявшіе присягу носили на лѣвомъ рукавѣ цвѣтную кокарду. Это украшеніе измѣны почти исключительно досталось полякамъ, тѣмъ не менѣе, оно не спасло ихъ отъ грабежа и даже личныхъ оскорбленій, неговоря уже объ огромныхъ поставкахъ запасовъ для войска. Въ довершеніе бѣды, мародеры начали возбуждать крестьянъ противъ помѣщиковъ, перѣдко производя вмѣстѣ съ ними грабежъ послѣднихъ.

Въ одномъ изъ сообщенныхъ намъ стихотворныхъ разсказовъ витебскихъ бѣлоруссовъ о двѣнадцатомъ годѣ, встрѣчаемъ слѣдующія, отлично характеризующія состояніе витебскаго народа въ 1812 году, слова:

Кали французская сила

Къ намъ за Двину наступила,

⁽¹⁾ Впослѣдствіи времени, изъ кирпича, оставшагося отъ сей церкви, заложена новая, на Спасской улицѣ, также во имя Преображенія Господня. Часть фундамента раззоренной французами церкви и нынѣ находится на мѣстѣ, подъ неотсытымъ слоемъ чернозема, на которомъ разведенъ цвѣтникъ: въ этомъ я убѣдился лично, наблюдая за пересадкой кустарниковъ осенью минувшаго года.

Якъ зачало панову корциць:
 Якъ бы Польшу вороциць!
 Ёднакъ сядзѣли циха.
 Ажъ устало большее лихо.
 Натхало французаву повинъ нашъ дворъ—
 Нутко, братцы, будземъ дзѣлатъ зборъ.
 У дворъ кльци поразбивали,
 Панову нашихъ въ дѣсь загнали,
 А насъ вялѣли позбѣраць,
 Штобъ горѣлку пиць и браць...
 А чему жъ и бабъ не позвали?
 Кали хуляць, такъ хуляць,
 Будземъ и мы панову рабоваць;
 Дробную шляхту пообдзираемъ.
 Дай къ черту по прогоняемъ,
 Досяць насъ бизуномъ съць,
 Тяперъ и мы будземъ ихъ пѣць.
 Тяперъ наша пора жиць, гуляць,
 А эконому у соху запрягаць!

Невозможно—говорить историкъ отечественной войны М. Богдановичъ — съ совершенною достовѣрностію определить убытки, нанесенные жителямъ непріятельскими войсками. Сколько можно судить изъ свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ, — свѣдѣній, частию неполныхъ, частию преувеличенныхъ, каждая изъ бѣлорусскихъ губерній претерпѣла разореніе на сумму до 18 миллионѣвъ рублей. Потеря въ народонаселеніи Витебской губерній опредѣляется тѣмъ, что въ ней по ревизіи 1811 года числилось 352,474 души, а по ревизіи 1813 года — 315,481 душа, что составитъ чистой убыли 36,993 души. Потеря ужасная, для вознагражденія которой нужны были многіе годы.

Что касается состоянія Витебска во время пребыванія въ немъ французѣвъ, то оно хорошо изображено въ описаніи одного изъ тамошнихъ домовладѣльцевъ, помѣщенномъ въ «Очеркахъ Бѣлоруссіи» Безъ-Корниловича. Вотъ нѣсколько фразъ его:

.... «Въ Витебскѣ, по всѣмъ улицамъ, которыя проходилъ, всѣ дома, сараи, амбары были наполнены французами: по улицамъ не было видно гражданъ, кромѣ бѣдныхъ и евреевъ; на Задвиньѣ лавки и погреба были пусты, двери вездѣ отперты, поломаны, стекла выбиты, оконницы висѣли на одномъ крюку, вкось по окну. Въ церквахъ, костелахъ, монастыряхъ лежали раненые и больные, и тамъ же хранились для нихъ запасы.... Многіе изъ разоренныхъ жаловались начальству: но правосудія не было: начальники ничего не могли сдѣлатъ — ихъ не слушали».

Столѣтній старецъ Бритекъ, личный свидѣтель хозяйничанья французовъ въ Витебскѣ, неоднократно провожавшій Наполеона по окрестностямъ города, разсказывалъ мнѣ множество подробностей о подвигахъ этихъ просвѣщенныхъ варваровъ запада. По словамъ его, французы, войдя въ городъ, начали съ того, что отняли у жителей всѣ съѣстные принасы. Въ тѣхъ домахъ, гдѣ кушанье было приготовлено, они тутъ же, что могли, съѣли, а остальное взяли съ собою. Если попадались имъ полусырая и только едва обварившаяся говядина, они съ жадностію съѣдали и ее, вытягивая мясо саблями и штыками изъ горшковъ и кастрюль. Натѣвшись, начали грабежъ, стараясь преимущественно захватить золото и серебро; впрочемъ, они не брезгали мѣдью и ассигнаціями. Пища денегъ, французы колотили по стѣнамъ и мебели шомполами и чѣмъ понало. Изъ подушекъ, перины и тюфяковъ выбрасывали пухъ, перья и шерсть, съ шубъ и дамскихъ салоновъ срывали верхъ и употребляли для рубахъ. Мѣха рвали и жгли. Для того, чтобы вынуть стаканъ вина, били цѣлую бутылку; чтобы затонить печь, ломали драгоценную мебель. Не лучше поступали они со святыми иконами и деревянными церковными украшеніями. Непустовствуя и разоряя беззащитныхъ жителей, они говорили, что все это дѣлають для того, чтобы ихъ помнили. И точно, французы достигли своей цѣли: здѣшній народъ воспоминаетъ ихъ, но, вспоминая, шлетъ имъ проклятія. Печего сказать, хороша память!

Лучшимъ доказательствомъ бѣдствій, какія вытерпѣлъ Витебскъ въ эпоху двѣнадцатаго года, прозваннаго народомъ *несчастливымъ*, могутъ служить слѣдующія цифры, извлеченныя нами изъ дѣла витебской градекой думы 1814 года, подъ № 26.

Въ 1812 году числилось въ Витебскѣ всего вообще мужескаго пола душъ 6.708, въ томъ числѣ христіанъ: купцовъ 376, мѣщанъ 2,943; евреевъ: купцовъ 56, мѣщанъ 3.333. Въ 1813 году, по свѣдѣніямъ, собраннымъ къ апрѣлю мѣсяцу, оказалось налицо: — христіанъ: купцовъ 87, мѣщанъ 1,124, евреевъ: купцовъ 4, мѣщанъ 1,200, а всего 2.415 душъ мужескаго пола, изъ чего видно, что народонаселеніе этого города, только въ одномъ мужескомъ полѣ, уменьшилось на 4.293 души, т. е. почти на 79%.

Что касается матеріальныхъ или имущественныхъ потерь, то цифра ихъ также громадна и, къ несчастію, она заслуживаетъ большаго вѣроятія, въ особенности, если принять во вниманіе, что въ составъ ея не вошли нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ показаній объ убыткахъ и что вообще, при собраніи по этому предмету свѣдѣній, полицією, думою и магистратомъ, употреблялись нѣкоторыя правильные приемы для контролированія показаній жителей о понесенныхъ ими убыткахъ. Изъ вѣдомости, представленной начальнику

губерніи отъ витебской градской думы, обще съ магистратомъ, 30-го апрѣля 1813 года, за № 287, видно что общій итогъ убытковъ, понесенныхъ жителями г. Витебска отъ нашествія французовъ, равняется 2,873,479 р. 52 коп. ассигнаціями; изъ того числа на долю христіанъ приходилось 1.864,279 р. 36 $\frac{1}{2}$ коп., а на долю евреевъ 1.009.200 р. 15 $\frac{1}{2}$ коп. Потерю эту понесли четыреста-шестьдесятъ-два семенства: слѣдовательно, среднимъ числомъ, на долю каждаго изъ нихъ приходится по 6.245 р. ассигнаціями съ копейками, или, считая по тогдашнему курсу на серебро, по 1,561 рублю. Въ дѣйствительности цифра эта простиралась отъ 103 р. ассигн. (25 р. 75 к. сер.) до 84,317 р. 82 коп. ассигнаціями, а на серебро 21,079 р. 45 коп.

Какими словами можно вѣрнѣ этихъ цифръ изобразить тѣ послѣдствія, какія испыталь Витебскъ въ эпоху отечественной войны?

Пробывъ 16 дней въ Витебскѣ, Наполеонъ оставилъ его, подчинивъ городъ и часть занятой войсками губерніи литовской, правительственной комиссіи (*gouvernement provisoire de la Lithuanie*), состоявшей подъ начальствомъ генераль-адъютанта графа Гендорна, получившаго званіе литовскаго генераль-губернатора.

При отступленіи арміи Наполеона обратно, послѣ неласковаго приѣма полиціи его въ Москвѣ, французамъ пришлось идти чрезъ опустошенныя ими же провинціи. Витебскъ лежалъ на пути отступления, а потому ему вновь пришлось быть свидѣтелемъ и участникомъ кроваваго боя.

Согласно общему плану дѣйствій русскихъ арміи, на графа Витгенштейна было возложено, по отступленіи непріятели отъ Двины, овладѣть Витебскомъ. Для исполненія послѣдняго назначенъ отрядъ генерала Гарне, который, прибывъ 25-го октября въ Старое Село, на другой же день, до разсвѣта, двинулся правою стороною Двины къ Витебску. Противоположнымъ берегомъ рѣки шли два эскадрона драгунновъ, подъ командой подполковника Стольниина.

Въ 7 часовъ утра, обѣ части отряда подошли къ городу. Непрительскій караулъ, находившійся у полотеской заставы, замѣтивъ приближеніе нашего отряда, перебѣжавъ чрезъ мостъ, поджегъ его. Эскадронъ польскаго уланскаго полка и охотники отряда, подъ командой начальника 7-й дружины с.-петербургскаго ополченія, полковника Шеміотки, преслѣдуя по пятамъ бѣжавшихъ французовъ, завязали перестрѣлку. Вслѣдъ затѣмъ подошелъ генераль Гарне съ 26-мъ егерскимъ полкомъ и взводомъ конной артиллеріи. Скоро мѣткіе выстрѣлы нашихъ орудій заставили непріятели очистить ближайшія строенія. Немедленно послѣ этого, охотники изъ полка и

дружны, вмѣстѣ со спѣшенными уланами, перебѣжавъ по балкамъ горѣвшаго уже моста, бросились преслѣдовать въ безпорядкѣ отступавшаго непріятеля. Когда же остальная часть отряда и жители, прекративъ пожаръ моста, возстановили сообщеніе, то Гарне, двинувъ въ занятую непріятелемъ часть города одинъ изъ навагинскихъ баталіоновъ и два эскадрона польскаго уланскаго и рижскаго драгунскаго полковъ, довершилъ пораженіе французовъ, выгнавъ ихъ изъ города и захвативъ много плѣнныхъ. Между тѣмъ, полковникъ Стольнинъ, подошедшій къ городу съ лѣвой стороны Двины, бросился, съ двумя эскадронами драгуновъ и калмыцкой командой, преслѣдовать бѣжавшаго по смоленской дорогѣ непріятеля, настигъ его верстахъ въ пятнадцать отъ Витебска, разбилъ наголову, взявъ два орудія и много плѣнныхъ.

Вообще, въ эти молодецкія дѣла досталось въ руки побѣдителей 400 плѣнныхъ, въ числѣ коихъ были: витебскій губернаторъ, французскій бригадный генералъ Пуже, десять штабъ и оберъ-офицеровъ, двѣ пушки и много оружія. Кромѣ того въ Витебскѣ найдены значительные запасы провіанта и фуража, именно: 750 четвертей ржи и муки, 250 четвертей овса, 40 четвертей крупъ, огромное количество соли, 6 бочекъ водки и 4,000 пудовъ сѣна. Съ нашей же стороны выбыло изъ строя лишь сорокъ-четыре человѣка.

Сколько было убитыхъ со стороны непріятеля, положительныхъ свѣдѣній нѣтъ; но, судя потому, что на сожженіе французскихъ труповъ, въ теченіе зимы и частию весной, было употреблено, по распоряженію военнаго губернатора, городекой думой 165 сажень дровъ, на 3,796 р. 50 коп. ассигн., можно думать, что ихъ было немало. ⁽¹⁾

День 26-го октября 1812 года былъ торжествомъ для Витебска. Жители встрѣчали своихъ избавителей со слезами радости и привѣтомъ, предлагали имъ все, что только могли, и въ тотъ же день принесли благодарственное молебствіе Господу, избавившему ихъ отъ непріятеля. Цвѣтныя кокарды измѣнниковъ исчезли; носившіе ихъ долго стыдился показаться на улицы. Не скоро, однакожь, жизнь города вошла въ свою обычную колею.

Въ началѣ января 1831 года слухи о постепенномъ распространеніи въ юго-западныхъ губерніяхъ холеры начали сильно без-

⁽¹⁾ См. дѣло витебской городекой думы 1813 года, № 36. Изъ этого же дѣла видно, что въ Витебскѣ содержалось, кромѣ многихъ военно плѣнныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, семь генераловъ.

покоить жителей Витебска. Генераль-губернаторъ, князь Николай Николаевичъ Хованскій, желая предупредить развитіе этой болѣзни въ предѣлахъ своего генераль-губернаторства, обратился къ инспектору витебской врачебной управы, въ свое время знаменитому врачу Гюбенталю, съ просьбой объяснить ему характеръ этой, въ то время еще новой, болѣзни и способъ врачеванія ея. Въ отвѣтъ на запросъ князя, Гюбенталь, между прочимъ, выразилъ (1): «Участіе, которое ваше сіятельство въ семь токъ важною явленіи принимаете, побуждаетъ меня доложить, что я, во время моей откомандировки, для прекращенія нагубной сей болѣзни, всеми силами старался проникнуть свойство оной и, между прочимъ, нашелъ, что болѣзнь сія, при дальнѣйшемъ своемъ распространеніи, *теряетъ эпидемическій свой характеръ* и впоследствии принимаетъ спорадическій, *отнюдь не заразительный видъ*. Основываясь на сихъ и другихъ обстоятельствахъ, видно, что *Вологда, Москва, Смоленскъ и Житомиръ составляютъ географическую линію, которую упомянутая болѣзнь не можетъ перешагнуть*». Последствія доказали неправильность этого заключенія; а, между тѣмъ, мнѣніе знаменитаго врача, высказанное съ такою увѣренностію въ невозможности существованія холеры въ Витебскѣ, сильно парализовало развитіе задуманныхъ уже пощечительнымъ княземъ мѣръ къ охраненію народнаго здоровья. Однакожь, спустя около двухъ мѣсяцевъ, Гюбенталю пришлось убѣдиться, что холера можетъ перешагнуть границу назначенной имъ, для господства ея, области. Въ это время болѣзнь обнаружилась не только въ Житомирѣ, куда пришлось самому же Гюбенталю отправиться, для ближайшаго съ холерой ознакомленія, но въ Минскѣ, и даже признаки холеры начали появляться въ витебскомъ уѣздѣ. Эти обстоятельства заставили генераль-губернатора принять энергическія мѣры къ воспріятствованію распространенія заразы, какъ въ этой губерніи, такъ и въ городѣ Витебскѣ.

Въ этихъ видахъ, а равно для предохраненія отъ заразы С.-Петербурга, введена была строгая карантинная система, именно: оцѣпленіе домовъ, въ коихъ случатся больные и умершіе отъ холеры, погребеніе умершихъ отъ этой болѣзни на особыхъ кладбищахъ, съ наполненіемъ гробовъ негашеной известью, учрежденіе осмотра и четырехдневнаго испытанія въ карантинныхъ заставныхъ домахъ всѣхъ ѣхавшихъ изъ зараженныхъ мѣстностей, окуриваніе вещей, пассажировъ и пересылаемыхъ по почтѣ бумагъ, закрытіе всѣхъ, безъ исключенія, путей сообщенія витебской, могилевской и минской губерній, кромѣ тѣхъ, на коихъ устроены обсерваціонныя заставы, прекращеніе ярмарокъ и крестныхъ ходовъ, открытіе уѣзд-

(1) Рапортъ инспектора врачебной управы отъ 26-го января 1831г., № 48. См. дѣло витебскаго губернскаго правленія 1831 года, № 2/293

ных холерныхъ комитетовъ и проч. Невзирая, однакожъ, на все это, 18 мая, холера проникнула въ Дриссенскій уездъ и первой жертвой ея были нѣсколько крестьянъ, въ имѣнiяхъ Чуриловъ и Новомъ Селѣ, помѣщицъ Шадурекон и Сажевой (1).

Обстоятельство это заставило еще болѣе усугубить попечительность объ охраненiи витебской губернии и комитетъ, въ составъ коего находились: гражданскiй губернаторъ Н. П. Шредеръ, комендантъ Кнаперъ, вице-губернаторъ князь Давидовъ, исправлявшiе должности: губернскаго предводителя дворянства: Щиттъ, полицмейстера Курбацкiн, инспектора врачебной управы Войтковскiй, да градекой голова Князiнь, независимо раздѣленiя города, для ближайшаго наблюденiя за поданiемъ помощи жителямъ на случай появленiя холеры, на 3 части и 20 участковъ, изъ коихъ въ первыхъ были учреждены особые мѣстные комитеты, а послѣднiе состояли въ завѣдыванiи, нарочно избранныхъ для того, надзирателей, постановилъ: 1) вмѣнить въ обязанность полицмейстера какъ можно чаще удостовѣряться, чрезъ подвѣдомыхъ ему чиновниковъ, о состоянiи здоровья жителей; 2) приготовить четыре дома для помѣщенiя въ немъ больныхъ холерой; 3) въ случаѣ появленiя этой болѣзни, открыть подиенку для добротныхъ пожертвованiй на обезпеченiе семействъ бѣднѣйшихъ изъ жителей города; 4) назначить въ каждую часть города особыхъ медицинскихъ чиновниковъ и фельдшеровъ, снабдивъ ихъ нужными, для врачеванiя больныхъ медикаментами. На заготовленiе для больныхъ бѣлья и обуви было отпущено въ распоряженiе комитета 500 рублей.

Между тѣмъ, холера все болѣе и болѣе подвигалась къ Витебску. 24-го мая она была уже въ Полотскѣ. (2)

Наконецъ, около 5-го iюля, болѣзнь эта появилась и въ Витебскѣ. Тотчасъ же были приняты все мѣры предосторожности отъ заразы, потребовано отъ врачебной управы указанiе мѣръ къ предохраненiю отъ сей болѣзни, и инспекторъ Гюбенталь, на этотъ разъ, предписалъ *«избывать всякаго сообщенiя съ заболѣвшими отъ холеры людьми»*. Но эпидемiя уже началась и число заболѣвающихъ и умирающихъ, какъ видно изъ суточныхъ рапортовъ полицмейстера и донесенiя начальника губернии, все болѣе и болѣе возрастало (3).

(1) См. рапортъ витебскаго гражданскаго губернатора, отъ 21-го мая 1831 г. за № 7,678. Дѣло витебскаго губернскаго правленiя того же года, № 3/295.

(2) Рапортъ полотскаго коменданта, артиллерiи полковника Данилова 2-го, генералъ губернатору, отъ 27-го мая, за № 130. Тамъ же.

(3) Въ дѣлѣ витебскаго губернскаго правленiя за 1831 годъ, подъ № 3/295, на стр. 203, находимъ слѣдующую таблицу, выражающую дѣйствiе холеры въ первые семь дней появленiя ея въ Витебскѣ:

При всемъ томъ, однакожь, благодаря энергій главнаго начальника края и точному исполненію предпріятыхъ комитетомъ мѣръ, число жертвъ холеры въ Витебскѣ, сравнительно съ нѣкоторыми другими мѣстностями этой губерніи и массой народонаселенія, было невелико: въ общей сложности, со дня открытія эпидеміи, по 1-е августа, изъ числа 1,288 заболѣвшихъ, умерло 494, между тѣмъ какъ по всей губерніи изъ 32,856 заболѣвшихъ, по 8 октября, умерло 20,387.

Но если число жертвъ холеры 1831 года въ Витебскѣ было сравнительно невелико, за то въ этотъ бѣдственный годъ Витебскъ уступилъ сему бичу рода человѣческаго маститую жертву въ лицѣ обожаемаго цесаревича, великаго князя Константина Павловича, прибывшаго въ городъ изъ Варшавы лишь 3-го іюня, а умершаго, послѣ непродолжительныхъ, но страшныхъ мученій, 15-го числа того же мѣсяца.

Это печальное событіе глубоко огорчило витеблянъ. По словамъ очевидцевъ, весь городъ буквально рыдалъ; но скоро къ скорби примѣшалось еще и другое чувство. Въ городѣ носились самыя нелѣпныя толки о причинахъ смерти, почти внезапно постигшей цесаревича. Какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, одни обвиняли медиковъ, другіе заходили еще дальше, говоря, что князь былъ жертвой революціи, и т. п.; многіе, наконецъ, не видѣвшіе тѣла почившаго, вовсе не хотѣли вѣрить въ смерть князя.

	Заболѣло.		Выздоровѣло.		Умерло.		Осталось.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Іюня 5 дня	19	16	8	7	3	3	8	6
" 6 "	22	23	10	9	4	4	8	10
" 7 "	27	28	9	11	6	3	12	14
" 8 "	31	29	11	8	6	9	14	12
" 9 "	38	37	14	9	9	6	15	22
" 10 "	52	54	11	11	19	11	20	32
	21	24	6	7	8	8	7	9
Итого	210	211	71	62	58	44	84	105

421

133

99

189

Кромѣ того, по военному госпиталю въ это же время заболѣло 140, выздоровѣло 22, умерло 25, осталось больныхъ 93. Слѣдовательно, въ теченіе семи дней заболѣло 581 человекъ.

(¹) Во время эпидеміи 1831 г., даже между жителями столицъ существовало убѣжденіе въ отравѣхъ пищи и питья, отчего будтобы и происходила столь необыкновенная смертность. Послѣдствіемъ этихъ нелѣпныхъ толковъ были многіе без-

16-го іюля протяжній звонъ большаго успенскаго колокола возвѣстилъ жителямъ города, что насталь день, въ который они должны навѣки проститься съ искренно любимымъ цесаревичемъ. Съ ранняго утра, толпы народа всѣхъ возрастовъ, половъ и состояній ждали у собора начала печальной церемоніи. Вотъ кончилися литургія и панихида, и шествіе двинулось между стройными рядами пѣхоты, поставленной шпалерами отъ паперти собора до самой заставы. Неумолкаемый звонъ колоколовъ всѣхъ церквей, ежеминутныя выстрѣлы изъ орудій, стройное, протяжное пѣніе клира, блескъ факеловъ и рыданія народа, оплакивавшаго искренно любимаго имъ великаго князя,—все это вмѣстѣ придавало необыкновенную торжественность печальному шествію, совершенному въ слѣдующемъ порядкѣ:

Впереди вѣхаль верхомъ полицмейстеръ, за нимъ: отрядъ жандармовъ, по два въ рядъ, при одномъ офицерѣ, далѣе комендантъ и и. д. церемоніймейстера плацъ-маіоръ, одинъ за другимъ, верхами. Гофъ-фурьеръ, въ значѣ. Лакеи и прочая прислуга, по два въ рядъ. Десять цеховыхъ хоругвей и при каждой, кромѣ несущихъ, по два ремесленника. Тридцать человекъ купцовъ и почетнѣйшихъ гражданъ. Четыре члена магистрата и шесть членовъ градской думы, по два въ рядъ, а за ними градской голова. Духовенство римско-католическое безъ облаченія, по два въ рядъ, и за нимъ пріоръ доминиканскій: духовенство греко-уніятское, также по два въ рядъ и безъ облаченія, и за нимъ протоірей. Базиліанскаго монастыря учителя и профессоры, по два въ рядъ, за ними ректоръ. Учители губернской гимназій, по два въ рядъ, за ними директоръ. Члены уѣзднаго суда и судья. Уѣздный предводитель дворянства, члены гражданской, уголовной и казенной палатъ, имѣя позади своихъ представителей. Члены губернскаго правленія, а за ними вице-губернаторъ. Чиновники генераль-губернатора, по два въ рядъ, младшіе впереди. Почетные дворяне, по два въ рядъ, а за ними губернскій предводитель дворянства. Инспекторъ почтъ VI округа. Гражданскій губернаторъ. Церковныя хоругви, фонари, крестъ. Діаконы, по два въ рядъ, младшіе впереди. Пѣвчіе. Преосвященный Павелъ, епископъ моголевскій и витебскій съ поддіаконами и протодіаконами. Затѣмъ, на бархатныхъ малиновыхъ подушкахъ, несли ордена: Маріи-Терези и св. Серафима—полковникъ Красовскій. Крестъ и звезду св. равноапостальнаго князя Владиміра — полковникъ Мердеръ. Крестъ св. Георгія, медали за 1812 годъ и за вступленіе войскъ въ Парижъ, знакъ отличія XXXV лѣтней служ-

порядки. См. объявленія с.-петербургскаго военнаго генераль-губернатора отъ 20-го, 23-го и 26-го іюля: «С.-Петербургскія Вѣдомости» №№ 148 и 149, и статью о холерѣ въ 173 № тѣхъ же вѣдомостей.

бы — отставной генераль-маіоръ Жуковъ. Блага орда — отставной генераль-маіоръ Насѣкинъ. Св. Александра Невскаго — отставной генераль-маіоръ Гурка. св. Андрея Первозваннаго — отставной генераль-маіоръ Гернгросъ. За орденами шелъ и. д. церемоній-мейстера чиновникъ. Потомъ: духовникъ почившаго великаго князя, оберъ-священникъ, протоіерей Исидоръ Коношевичъ, имѣя въ рукахъ образъ; при немъ діаконовъ съ кадиломъ. Лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковникъ Радухинъ, верхомъ. Наконецъ колесница съ гробомъ, везомая 8 лошадьми, коихъ вели 8 человекъ въ мантияхъ. Шнуры балдахина поддерживали четыре штабъ-офицера, имѣя при себѣ столько же оберъ-офицеровъ.

По обѣимъ сторонамъ колесницы шли офицеры, 30 человекъ, съ горящими факелами, и нижніе чины тѣхъ гвардейскихъ полковъ, въ коихъ былъ шефомъ въ Бозѣ почившій цесаревичъ Константинъ Павловичъ. За гробомъ шла супруга великаго князя княгиня Ловичъ. Нѣсколько поодаль: высочайшаго двора шталмейстеръ Опочининъ, камергеръ князь Александръ Голицынъ и лейбъ-медикъ Рейнгольдъ; потомъ генераль отъ инфантерій, генераль — губернаторъ князь Хованскій, генераль отъ инфантерій графъ Крута, генераль-адъютантъ, вице-адмиралъ Козлаковъ, свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіоръ Феншъ, генераль — маіоръ Соломка, флигель-адъютанты Его Величества: полковники — князь Мещерскій и Филинсъ, ротмистръ Баратынскій, капитанъ Трембицкій, штабсъ-ротмистръ Александровъ, штабсъ-капитанъ Гренеръ 1, штабсъ-ротмистръ Безобразовъ, поручикъ Монрое, подпоручикъ Гогель. все въ мантияхъ. Далѣ свита покойнаго цесаревича, камердинеры Его Высочества и конюшенные офицеры, въ мантияхъ. Печальное шествіе замыкалъ, вѣхавшій за экипажемъ ея святлости княгиня Ловичъ, взводъ казаковъ, составлявшій конвой Его Императорскаго Высочества цесаревича. (1)

Въ тотъ же день печальная колесница, сопровождаемая княгиней Ловичъ, духовенствомъ и свитой, увезла бранные останки добраго князя въ давно оставленный имъ Петербургъ, гдѣ и погребены они, 17-го августа, въ Петропавловскомъ соборѣ.

Въ періодъ времени съ 1831 по 1863 годъ, холера возобновлялась въ Витебскѣ три раза, именно: въ 1848, 1853 и 1856 годахъ, и хотя число жертвъ ея было довольно значительно, въ особенности въ

(1) Въ печальной церемоніи погребальнаго шествія евреямъ участвовать дозволено не было. Въ дополнительномъ предписаніи церемоніймейстера къ градскому главѣ, отъ 13-го іюля, за №, именно было выражено: «а евреямъ, чтобъ ни между кушцами, ни членами, отнюдь не было». Подлинное дѣло витеб. градской думы 1831 г., № 62.

1848 году, но болѣзнь эта, благодаря успѣхамъ науки, не была уже встрѣчаема съ такимъ ужасомъ, какъ въ 1831 году.

Что касается ближайшихъ къ намъ событій Витебска, ни изъ нихъ лишь слѣдующія, какъ выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, могутъ, по нашему мнѣнiю, быть занесены на страницы исторiи города.

Въ 1855 году iюля 7-го дня, въ 4¹/₂ часа пополудни, разразился надъ Витебскомъ страшный ураганъ съ градомъ и молнiей. Невзирая на его кратковременность, въ разныхъ частяхъ города произошли значительныя опустошенiя, причинившiя жителямъ и городу убытка до 73,225 рублей; 7 сараевъ, 14 заборовъ и множество садовыхъ деревьевъ почти мгновенно были изломаны порывомъ бури; 10 деревянныхъ и 8 желѣзныхъ крышъ въ большей или меньшей степени повреждено; градомъ выбито до 200 стеколъ, а пожаромъ, происшедшимъ отъ удара молнiи, сожжены: деревянная церковь св. Иоанна Богослова, существовавшая ровно 150 лѣтъ, 5 деревянныхъ и одинъ каменный домъ съ принадлежащими къ нимъ службами (1). Наибольшему опустошенiю подверглось пространство 1-й части, между Богословской улицей и р. Двиной. Это, конечно, потому, что мѣстность эта самая возвышенная.

1861-го годъ памятенъ Витебску по множеству пожаровъ, происходившихъ, большею частiю, отъ поджоговъ изъ нихъ: пожаръ съ 12-го на 13-е iюля, во время коего сгорѣлъ почти цѣлый кварталъ, прилегающiй къ Смоленской улицѣ, причинилъ убытка на 157,728 р. сер., а пожаръ съ 15-го на 16-ое октября, истребилъ лучшiе каменные дома Подвижской улицы.

Съ 1862 года польское населенiе города, подъ влiянiемъ нѣкоторыхъ ксендзовъ и женщинъ, начало устраивать, въ видахъ заявленiя своего сочувствiя къ мятежнымъ замысламъ Польши, разныя манифестацiи: носить траурныя платья и другiе революцiонные костюмы и принадлежности, пѣть въ костелахъ и домахъ гимны объ освобожденiи Польши, и т. п.

Наконецъ, 17-го апрѣля 1863 года, нѣсколько человекъ, преимущественно молодыхъ канцелярскихъ чиновниковъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и гимназистовъ, выйдя изъ Витебска, пытались присоединиться къ начавшимъ формироваться въ губернiи шаикамъ инсургентовъ: но они скоро были пойманы и отданы въ руки правосудiя. Однакожь, обстоятельства эти имѣли послѣдствiемъ объявленiе въ Витебскѣ военнаго положенiя, съ подчиненiемъ города и уѣзда особому военному начальнику, что и приведено въ исполненiе 15-го мая.

(1) Дѣло канцелярiи начальника Витебской губернiи, за 1855 годъ, № 100, стр. 49, 50 и 64.

Въ продолженіе смуть въ губерніи, русское населеніе Витебска оставалось въ совершенномъ спокойствіи, клеймя презрѣніемъ толпу крамольниковъ и разрушителей общественнаго спокойствія; даже во время публичнаго погребенія умершаго отъ раны, мятежника Помернацкаго Витебскъ остался равнодушнымъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго сочувствія къ продѣлкамъ партіи безпорядка. Но за то, когда смерть постигла одного изъ раненыхъ мятежниками нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ разбитіи ближайшей къ городу шайки ихъ, Витебскъ выказалъ самое теплое, самое искреннее сочувствіе и безиредѣльную преданность къ своему правительству, любовь и уваженіе къ русскому воинству. Похороны рядоваго Гриценка составляютъ блистательнѣйшій эпизодъ въ общественной жизни Витебска, а потому мы заносимъ его въ нашу лѣтопись словами современнаго корреспондента одной изъ газетъ (1). 15-го іюня погребали въ Витебскѣ перваго воина-мученика, рядоваго здѣшняго баталіона внутренней стражи Самуила Гриценка, умершаго отъ раны, полученной имъ въ дѣлѣ съ мятежниками, происходившемъ 27-го апрѣля, при Лѣзномъ, въ имѣніи помѣщика Пуро, на границахъ Витебской и Могилевской губерній. (2) Отпѣваніе тѣла совершено въ Николаевскомъ кафедральномъ соборѣ, высочайшеосвященнымъ архіепископомъ витебскимъ и полоцкимъ Василиемъ, вмѣстѣ съ ректоромъ семинаріи Анатолиемъ и прочимъ духовенствомъ. Въ церемоніаль погребенія участвовали: военный начальникъ города и уѣзда, управляющій гражданскою частію вице-губернаторъ, всѣ штабъ и оберъ-офицеры расположенныхъ въ городѣ войскъ, члены и чиновники губернскихъ и городскихъ присутственныхъ мѣстъ, воинскія команды: Нижегородскаго пѣхотнаго полка, мѣстнаго горнизна, казачья и жандармская, два хора музыки и нѣсколько тысячъ народа.

Въ числѣ сопровождавшихъ гробъ покойника и присутствовавшихъ на литургіи и панахидѣ замѣчено нѣсколько личностей, участвовавшихъ въ похоронахъ мятежника Помернацкаго, умершаго отъ раны, полученной въ томъ же дѣлѣ, какъ и Гриценко.

Гробъ покойника, обитый малиновымъ бархатомъ и украшенный роскошными вѣнками прелестнѣйшихъ цвѣтовъ, былъ несенъ на рукахъ унтеръ-офицеровъ, но при выносѣ тѣла изъ военнаго госпиталя и собора участвовали въ этомъ офицеры и чиновники. Въ соборѣ,

(1) «Кіевскій Телеграфъ» 1863 года, № 48.

(2) Въ пользу семействъ раненыхъ въ этомъ дѣлѣ четырехъ нижнихъ чиновъ, въ числѣ коихъ трое рядовыхъ Витебскаго баталіона внутренней стражи и одинъ отставной солдатъ-герой Севастополя, чиновники и нѣкоторые изъ жителей города собрали по подпискѣ около 200 р. Начало этому доброму дѣлу положено 9-го іюня, на маленькомъ прощальномъ обѣдѣ Александру Степановичу Оголину, бывшему витебскимъ гражданскомъ губернаторомъ.

надъ гробомъ умершаго произнесено іеромонахомъ Сергіемъ краткое, обстоятельствомъ соответствовавшее, слово. Въ немъ проповѣдникъ, въ самыхъ доступныхъ для народа выраженіяхъ, объяснилъ значеніе настоящихъ похоронъ, неволью соединившихъ въ одну массу нѣсколько тысячъ мѣстнаго русскаго народонаселенія.

Простое, но правдивое слово отца Сергія, торжественно умиленное служеніе удрученнаго недугами и годами старца-архипастыря, оставившаго свои одры для служенія Богу и отечеству, печально стройный напѣвъ клира и эта волнующаяся масса народа всѣхъ сословіи неволью возбуждали въ душахъ присутствовавшихъ высокое патріотическое чувство. Еще наканунѣ, при выносъ тѣла изъ военнаго госпиталя въ соборъ, глядя съ панерти церкви св. Симеона на безконечную живую ленту печальной процессіи, медленно тянувшейся чрезъ двинскіи мостъ, и сравнивая эту громадную массу почти мгновенно собравшихся, на звонъ погребальнаго колокола, русскихъ народныхъ силъ, съ черной группой польскихъ патріотокъ, робко жавшихся на высотѣ противоположнаго берега, близъ дома дворянскаго собранія, и казавшихся, сравнительно съ участвовавшими въ погребальномъ шествіи, малымъ, едва примѣтнымъ пятнышкомъ, мы неволью пожалѣли о безумныхъ замыслахъ здѣшняго польскаго населенія, но утѣшились мыслію, что настоящіе похороны образуютъ заблудшихъ, напомиравъ имъ, что несчастія и потери не ослабляютъ и не разъединяютъ русскихъ, а, напротивъ, укрѣпляютъ и соединяютъ ихъ.

Здѣсь мы свертываемъ листы нашей хроники, предоставляя болѣе опытному бытописцу досказать то, что опущено нами или по немнѣнію въ рукахъ достовѣрныхъ документовъ, или потому, что еще не настало времени произнести надъ совершившимся правдивый судъ.

А. СЕМЕНОВСКІЙ.